

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

-Й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

АПРЕЛЬ

4

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	<i>Стр.</i>
Д. Кардашев. Ленин в борьбе с примиренчеством в эпоху внутри- партийного раскола 1903—1905 гг. (К истории борьбы за III съезд РСДРП)	3
Г. Тихомирнов. К вопросу о методах работы над источниками по науч- ной биографии Ленина	43
В. Мирошевский. К характеристике социальной природы венгерской советской республики	62

ВОСПОМИНАНИЯ

И. Лалаянц. О расколе в РСДРП и моих заграничных встречах с В. И. Лениным	84
--	----

МАТЕРИАЛЫ

Письма Ленина к родным 1910—1916 гг. (с предисловием и примеча- ниями А. И. Елизаровой)	127
--	-----

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ВКП(б) И ЛЕНИНИЗМА

Б. Бирман. К вопросу об изучении истории Коминтерна	149
Материалы совещания преподавателей ленинизма, истории партии и истории Коминтерна	160

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и заметки: Н. Войтинский. Ленинский сборник XIII.—Д. Баев- ский. В. И. Ленин. Новые статьи и письма	176
Рецензии: М. Эссен. Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Вып. I.—Д. П. Е. Па- шуканис. Из ленинского наследства. А. Зонин. Ленин и искусство. Составил С. Дрейден.—А. Мильштейн. М. Балабацов. Очерки истории революционного движения в России	187
Новые книги	195

ХРОНИКА

Н. В—ский. В секции истории ВКП(б), ленинизма и истории Коминтерна Общества историков-марксистов	197
Письмо в редакцию т. М. Ольминского	200

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (Б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

13-Й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

А П Р Е Л Ь

4 (99)

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

тпечатано в типографии Госиздата
«КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ».
Москва, Краснопролетарская, 16,
в количестве 3250 экзempl.
Главлит № А — 65680
Гиз П—10 № 39441
Заказ № 828.
1⁴/₂ п. л.

ЛЕНИН В БОРЬБЕ С ПРИМИРЕНЧЕСТВОМ В ЭПОХУ ВНУТРИПАРТИЙНОГО РАСКОЛА 1903—1905 гг.

(К истории борьбы за III съезд РСДРП)

I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРИТИКИ ПРИМИРЕНЧЕСТВА

В борьбе за партию, за воспитание партийных кадров Ленину пришлось вести долгие и упорные бои как с явным, так и со скрытым проявлением оппортунизма, окрашенным «в левый» цвет. Однако не меньше усилий пришлось затратить Ленину и на преодоление другой разновидности оппортунизма—примиренчества, глубоко разъедавшего молодой организм едва только складывавшейся коммунистической партии. Именно потому, что формировавшиеся кадры большевистской партии должны были закалить в себе дух «сектантской» непримиримости в борьбе с малейшими отклонениями как вправо, так и влево от теории и практики революционного марксизма,—именно поэтому новая разновидность оппортунизма и получила название «примиренчества» или «центризма».

В настоящее время уже опубликован богатый документальный материал¹, позволяющий составить конкретное представление о политическом облике примиренчества, вскрыть его социально-классовую сущность и проследить за всеми перипетиями неустанной и напряженной борьбы В. И. Ленина за надежность и прочность того человеческого материала, из которого формировался железный остов большевистской партии.

Примиренческие настроения стали обнаруживаться среди членов Центрального Комитета партии, избранного на II съезде, с первых же шагов его практической деятельности в России и за границей. Только благодаря личному руководству и воздействию Ленину удавалось—на протяжении 10 месяцев—преодолевать эти настроения среди членов российской части ЦК, на которую оказывали энергичное давление меньшевистские центры—как заграничный, так и российский. Те же документы свидетельствуют о том, как Ленин, ответив в августе 1904 г. на измену примиренцев-цекистов решительным контрударом², столкнулся затем лицом к лицу с новым проявлением примиренчества в рядах только что сформировав-

¹ См. «Ленинские сборники»: V, VI, VII, и X, а также «Переписку Ленина и Крупской с Петербургской, Кавказской и Одесской организациями» («Пролет. револ.», 1925 г. №№ 2-37) — 7(42).

² Мы имеем в виду т. н. «конференцию 22» большевиков, состоявшуюся за границей, с целью парирования открытой измены цекистов-примиренцев в июле 1904 г. («изюльская декларация»).

шегося фракционного большевистского центра—Бюро Комитетов большинства. По переписке Ленина и Крупской с членами БКБ ¹ мы можем проследить за новой энергичной кампанией, которую повел Ленин в лагере своих единомышленников, систематически нанося сокрушительные удары по малейшему проявлению примиренческой дряблости и бесхарактерности.

Каким подлинным пафосом неиссякаемой бодрости, энергии и уверенности в своей силе дышат, например, следующие строки, написанные Лениным 11 февраля 1905 г., в самый разгар борьбы с рецидивом цекистского примиренчества внутри нового большевистского центра—БКБ:

«Право, я часто думаю,—пишет Ленин,—что из большевиков ^{9/10} действительно жалкие формалисты, которые абсолютно не способны воевать. Я бы их всех отдал Мартову. Либо мы сплотим действительно железной организацией тех, кто хочет воевать, и этой маленькой, но крепкой партией будем громить рыхлое чудовище новоискровских разношерстных элементов, либо мы докажем своим поведением, что мы заслуживаем гибели, как презренные формалисты. Как это не понимают люди, что *до* бюро и *до* «Впереда» мы все сделали для спасения лояльности, для спасения единства, для спасения формальных, т. е. высших методов улажения конфликта?!?! Теперь же, *после* бюро, *после* «Впереда» раскол есть факт» ².

Процитированный только что ленинский абзац интересен в том отношении, что в нем дана общая тактическая оценка итогов полуторагодичного периода внутрипартийной борьбы, начавшейся после II съезда партии. Через всю эту общую тактическую оценку Лениным внутрипартийного положения за истекший период красной нитью проходит одна яркая методологическая особенность: с неподражаемым мастерством Ленин схватывает основную сущность диалектики внутрипартийной борьбы—смену конъюнктурных моментов и учет нового соотношения борющихся сил. Ленин ясно понимал, что при выработке тактической линии поведения по отношению к оппозиции необходимо исходить из учета конкретной обстановки данной стадии развития внутрипартийной борьбы. Сегодня эта обстановка уже не та, что вчера. Поэтому и приемы борьбы и вся прежняя тактическая линия борьбы должны быть перестроены в соответствии с этой новой обстановкой. Этой-то смены обстановки, обуславливающей и соответствующую смену лозунгов внутрипартийной борьбы, и не понимали некоторые из ближайших соратников Ленина.

Ленин резко порицал руководящую группу большевиков за ее недостаточную воинственность, за примиренческие иллюзии, во власти которых она находилась. Его выражение: «Я бы их всех отдал Мартову» и было им употреблено в качестве одного из тех методов подтягивания отстающих в борьбе, которые так часто применял Владимир Ильич по отношению к своим ближайшим единомышленникам. Примиренчество как раз-

¹ См. «Прол. рев.» №№ 2(37)—7(42) за 1925 г.

² «Прол. рев.» № 4(39) за 1925 г., стр. 18, а также Лен. сб., стр. 153, изд. 1-е.

новидность оппортунизма в рядах большевиков базировалась на политической близорукости некоторых из них, на непонимании ими подлинной природы политической борьбы, внутренней диалектики этой борьбы. Со всей страстностью и силой бичевал и клеймил Ленин всякое прекраснотушащее и политическую маниловщину, всякую оптимистическую переоценку перспектив грядущей междупартийной борьбы, всякую преувеличенную и беспочвенную надежду на мир с оппозицией.

Так, еще в средних числах сентября 1903 г., т. е. спустя всего две недели после второго съезда, Ленин пишет уже первое предостерегающее письмо одному из членов русской части ЦК, Г. М. Кржижановскому: «...Надо выступать вам формально, и насчет егоровцев (мартовцев.—Д. К.), надо готовиться к решительной войне, надо добиться во что бы то ни стало, чтобы их попытка сунуться в комитеты сразу вызвала решительный отпор. Надо смотреть в оба за этими и готовить все комитеты. Егоровцы все ведут и *расширяют* бойкот, озлоблены они чертовски, сфантазировали себе кучу обид и оскорблений, воображают, что спасают партию от тиранов, кричат об этом направо и налево, мутят людей... Итак, пусть Смит (Кржижановский.—Д. К.) не смотрит на Егора (Мартова.—Д. К.) по-старому. Дружбе тут конец. Долой всякую размягченность! Готовьте решительный отпор...» ¹

Месяц спустя, заграничный представитель ЦК, Ленгник, повторяет те же директивы Вл. Ильича членам русской части ЦК: «Решились ли вы уже на войну с «оппозицией» или все еще надеетесь на возможность примирения? Я уже оставил все надежды и все более убеждаюсь, что претензии оппозиции настолько неосновательны и что, с другой стороны, они так воинственно настроены, что открытая война с ними совершенно неизбежна. Пишите же, ради бога, скорее ваше мнение об этом...» ².

Абстрактного мира, мира во что бы то ни стало и при каких угодно условиях для Ленина никогда не существовало. Идеология политического квиетизма была ему органически чужда. А между тем многие из его ближайших идейных соратников находились во власти подобного рода пацифистских иллюзий: внутрипартийный мир расценивался ими как благо само по себе или «в себе». Точно таким же абстрактно-метафизическим был взгляд и на раскол как на абсолютное зло. К миру и к войне применялся «чистый» этический критерий: оба этих противоположных социальных полюса рассматривались изолированно и противопоставлялись друг другу чисто механически, как абстрактное «добро» абстрактному «злу».

В ответ на вопрос Ленгника о готовности членов ЦК, работавших в России, на войну В. А. Носков, например, шлет 24 октября 1903 г. следующий характерный ответ: «Готовы ли к войне? Готовы настолько, что срежем и врага и себя с ними; чем далее идут события и чем дальше вдумываешься, тем нелепее кажется эта история. Самому хитрому нашему

¹ VI Лен. сб., стр. 209—210.

² VII Лен. сб., стр. 89.

общему неприятелю не придумать такого маневра, какой выкинули *мы сами*. Но это большой вопрос, самый большой из стоящих пред нами, и коротко говорить о нем нельзя. Предстоящее собрание (Пленум ЦК.—Д. К.) займется им»¹.

Из этого письма наглядно видно, что В. А. Носков представляет себе неизбежную войну с оппозицией, как какую-то братоубийственную опустошительную междоусобицу. Замечательнее всего то, что и Плеханов, который с самого начала раскола занимал такую же твердую позицию, как и Ленин,—колебнулся в конце концов, когда вопрос стал вплотную о необходимости тотчас же начать самую решительную войну с оппозицией: «Не могу стрелять по своим»,—таков был классический ответ Плеханова, характерный для примиренчества вообще.

В противоположность примиренцам, Ленин рассматривал войну и мир в их живом диалектическом взаимодействии и связи. Уже само понятие мира предполагает активную борьбу за этот мир—борьбу, которая при известных условиях—и вполне закономерно—может перерасти в открытую внутреннюю войну, в раскол. «Я право же вполне и вполне понимаю Ваши мотивы и соображения в пользу уступки мартовцам,—пишет Ленин Плеханову после решительных переговоров с ним 31 октября 1903 г. вечером,—но я глубочайше убежден, что уступка в настоящий момент—самый отчаянный шаг, ведущий к буре и буче *гораздо вернее*, чем война с мартовцами. Это не парадокс»².

Спустя два года Ленин в борьбе с новыми примиренческими иллюзиями Центрального Комитета, обнаружившимися в связи с объединительной кампанией 1905 г., почти дословно повторяет условия, гарантирующие внутрипартийному миру его действительную прочность: «Если мы будем хорошо сплочены, вполне организованы (если мы от себя удалим всяких кисляев и перебежчиков), тогда наше твердое ядро, хотя бы не очень большое, поведет за собой всю ораву «организационной туманности». А если у нас не будет ядра, то меньшевики, дезорганизовав себя, дезорганизуют и нас. Если у нас будет твердое ядро, то мы скоро заставим заключить объединение с нами. Если же у нас не будет ядра, то восторжествует не другое ядро (его нет), а *путаники*, и тогда, уверяю, будет новая склока, новый неизбежный раскол и озлобление во сто раз хуже прежнего»³.

При известных условиях, в определенную историческую эпоху Ленин считал возможным идти на раскол. Строгая диалектичность мышления Ленина никогда не превращала внутрипартийный раскол в некий жупел, точно так же как внутрипартийный мир никогда не рисовался ему какой-то безмятежной идиллией.

Десять лет спустя, в обстановке мировой империалистической войны, Ленину пришлось вступить в бой с подобным же проявлением примиренче-

¹ VII Лен. сб., стр. 107.

² VII Лен. сб., стр. 198.

³ V Лен. сб., изд. 1-е, стр. 510—511.

ства и на международной арене: бесхребетный лозунг мира, не сопровождавшийся призывом к революционным действиям, Ленин называл центристским пацифистским лозунгом, сеющим вредные «поповские» иллюзии.

К задачам внутрипартийного мира, к вопросу о взаимоотношениях членов партийной организации Ленин подходит с тем же революционно-диалектическим критерием. Послесъездовская оппозиция в лице Мартова и Троцкого, ссылаясь на факт забаллотирования съездом четырех редакторов старой «Искры», систематически извращала ленинское понимание характера внутрипартийных отношений, нашедшее свое теоретическое выражение в «Что делать?» и в «Письме к товарищу». Фракционные соображения толкали оппозицию на сочинительство всевозможных небылиц о том, будто «ленинцы» насаждают в партии режим «вышибания» и «заезжания» инакомыслящих, будто мир внутри партии достигается ценой свирепого террора и зажима рта.

Посмотрим однако, как представлял себе Ленин существо внутрипартийного режима. Ленин боролся за такие нормы внутрипартийных отношений, которые, развязывая максимально самостоятельность и критику, вводили бы в то же время эти два важнейших фактора внутрипартийной демократии в русло партийности, подчиняли бы их формальным требованиям партийного устава.

В цитированном уже нами выше письме Г. М. Кржижановскому Ленин сопровождает свои директивы российской части ЦК относительно мер борьбы с оппозицией следующим напоминанием: «Оформите все это полнее, строже и точнее. Надо выступать вам формально...»¹. Заканчивается письмо вновь напоминанием о необходимости действовать в духе формальных, а не кружковских способов борьбы с оппозицией: «...Ставьте все формальнее и орудуйте во-всю»².

Сущность происшедшей после съезда коренной перемены во взаимоотношениях друг к другу членов партийной организации Ленин усматривает в том, что эта организация вышла уже из своего младенческого, кружковского возраста. Авторитет ее идей вырос уже в авторитет *власти*. На этом основании Ленин строго отделяет во внутрипартийных отношениях личное от политического, «семейный» способ решения разногласий от формальных, т. е. высших методов решения тех же споров на основе партийного устава.

«Никого, абсолютно никого не «пятнали» и не устранили от работы, от участия в деле,—так пишет Ленин А. М. Калмыковой 7 сентября 1903 г., под свежим еще впечатлением раскола.—Устранили только кое-кого от *центра*—за это обижаться? за это рвать партию, из-за этого конструировать теорию гипер-централизма? из-за этого кричать о ежовых рукавицах etc? Никогда и ни на минуту не сомневался и не могу усомниться в том, что тройка редакторов есть *единственная* истинно-деловая тройка,

¹ VI Лен. сб., стр. 209.

² VI Лен. сб., стр. 210.

ничего не разбивающая, а приспособляющая старую «семейную» коллегую к роли *должностного* лица. Именно семейность шестерки терзала нас все 3 года, *вы то это отлично знаете*, и с того момента, как Искра стала партией и партия стала Искрой, мы *должны* были, *обязаны* были порвать с 6-й, порвать с семейностью» ¹.

В другом письме Калмыковой Ленин сравнивает два способа решения споров в партийной организации: прежний кружковский способ, когда фактически партии еще не существовало, и нынешний формальный способ, когда партия уже существует: «Беда только, что *теперь* не есть *тогда*. Теперь формальный базис *неустраим*. Не будь этого формального базиса,—отчего бы и не шесть, ежели уже люди дошли до белого каления? Маялись 3 года, помаемся еще 3; решали не голосами, а упорством,—будете и теперь упорством решать. Но этого *теперь* нельзя—в том-то и суть. И этой перемены упорно не хотят видеть и понимать. Это-то и делает положение безвыходным» ².

Два года спустя, Ленин в письме П. А. Красикову от 14 сентября 1905 г., вновь возвращается к той же теме о внутривнутрипартийном мире, о путях и способах изживания неизбежных—и в этом смысле закономерных—трений в кругу партийных работников:

«Дождаться полной солидарности в ЦК или в среде его агентов—утопия,—пишет Вл. Ильич.—«Не кружок, а партия», милый друг! Переносите центр тяжести в местные комитеты, они *автономны*, они дают полный простор, они развязывают руки для денежных и иных связей, для выступления в литературе и проч. Смотрите же, не впадайте сами в ту ошибку, в которой вы других упрекаете: не охайте, не ахайте...» ³

Нижеследующие строки этого же письма дают наглядное представление о том, что внутривнутрипартийный мир мыслится Вл. Ильичем, как неослабная активность членов партии, не сбивающаяся при этом на семейственность, стирающую грань между личным и политическим:

«Не смотрите на «начальство» сложа руки, а беритесь за дело самостоятельно... Идите смелее и шире к рабочим, жарьте листки, *заказывайте их нам, Шварцу (В. В. Воровскому), мне, Галлерке (М. С. Ольминскому)* заявляйте от имени Комитета громко свое партийное мнение. Уверю вас, что таким путем вы в тысячу раз больше сделаете для воздействия в желательном для вас направлении на всю партию и на ЦК, чем личным воздействием на агентов и членов ЦК. Вы, мне сдается, по-старому смотрите, по-кружковому, а не партийному...» ⁴.

Итак, строгое разграничение личного и политического, активное преодоление неизбежных внутренних трений—таковы были, по Ленину, предпосылки мира в партии. Мелкобуржуазная бесхарактерность, узость и неспособность осмыслить подлинную диалектику внутривнутрипартийного мира

¹ VI Лен. сб., стр. 205.

² Там же, стр. 253.

³ V Лен. сб., стр. 495.

⁴ V Там же, стр. 496.

(а, стало быть, и борьбы)—были благоприятной питательной средой для взращивания примиренчества как центристской (позже каутскианской) разновидности оппортунизма.

II. ИСТОРИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ ПРИМИРЕНЧЕСТВА

1. ПЛЕХАНОВСКИЙ ЦЕНТРИЗМ

На всем протяжении внутривластительного раскола 1903—1905 гг. примиренчество проявляло себя в разных формах. Наиболее последовательный тип примиренчества нашел своего выразителя в лице Плеханова. В самый разгар боя, возгоревшегося на съезде Лиги, он дрогнул и, испугавшись раскола, пошел на все уступки оппозиции. Резкая и неожиданная перемена позиции Плеханова встретила суровое осуждение В. Ильича: «Плеханов внезапно повернул, после скандалов на съезде Лиги,—пишет Ленин Г. М. Кржижановскому,—и подвел этим меня, Курца (Ф. В. Ленгника) и всех нас отчаянно, позорно. Теперь он пошел, без нас, торговаться с мартовцами, которые, видя, что он испугался раскола, требуют вдвое и вчетверо... Плеханов жалко струсил раскола и борьбы!..»¹.

В эти сжатые строки Ленин вложил всю силу своего гнева по поводу трусливой измены Плеханова. Своим поступком последний обнаружил полную свою несостоятельность как политического борца. Никакая теория уступок, никакая тактика «kill with kindness»² не в состоянии была прикрыть его политической дряблости и бесхарактерности.

В своем предостерегающем письме Плеханову от 1 ноября 1903 г.³ Ленин предвидит, что такая безоговорочная уступчивость Плеханова по отношению к оппозиции приведет к совершенно обратным результатам. Но все же Ленин еще не склонен был оценивать поворот Плеханова, как окончательную капитуляцию, поскольку Плеханов, по крайней мере словесно, заявлял, что он уступает мартовцам с целью продолжения дальнейшей войны, что он, Плеханов, расходится с Лениным лишь в способах ведения дальнейшей войны, а вовсе не по вопросу о необходимости продолжать войну. Нужен был известный срок для того, чтобы выждать, какие плоды принесет плехановская тактика «kill with kindness». В течение всего этого времени Ленин питал еще слабую надежду на то, что Плеханов, убедившись в безнадежности своей примиренческой миссии, еще воссоединится с большевиками.

В самом деле: в своем письме ЦК в России от 10 декабря 1903 г. Ленин, развивая план укрепления ЦО путем воссоздания избранной на II съезде редакционной тройки, считает этот план осуществимым лишь

¹ VII Лен сб., стр. 207—208.

² «Убийство посредством мягкости». Плеханов тогда еще говорил, что он открывает свои объятия мартовцам, чтобы их задушить. Это была однако лишь красивая фраза, разошедшаяся с делом.

³ Выдержку из этого письма мы приводили выше.

«в случае буде удастся вырвать Плеханова, что мало вероятно»¹. Н. К. Крупская в письме от 14 декабря 1903 г. на имя бюро ЦК в России также высказывает свое предположение о возможном еще повороте Плеханова: «агитируйте за посылку со стороны комитетов побольше резолюций,—пишет она,—мнение их может произвести на Плеханова известное впечатление. Впрочем, на мир надежды нет...»². В письме же Л. Б. Красину от 17 декабря 1903 г. Крупская прямо указывает на колебание Плеханова, подчеркивая тем резче его центристскую межеумочную позицию: «Плеханов видит, что меньшинство себя компрометирует, и поворачивает, ругает и тех и других...»³.

О полной беспомощности и растерянности Плеханова, очутившегося—вопреки его намерению—в положении «военнопленного», свидетельствует письмо Ленина Г. М. Кржижановскому от 4 января 1904 г.: «... Жорж вовсе затерт мартовцами и прямо говорит, что они его не слушают (да это и так ясно видно из «Искры»)»⁴.

Сведения о колебаниях Плеханова идут и из меньшевистских источников, хотя они относятся к более позднему времени—к 4 апреля 1904 г., когда у Плеханова с новоискровцами произошел первый открытый конфликт. Этот конфликт настолько встревожил мартовцев, что по поводу него возникла целая переписка, частично опубликованная уже⁵, частично хранящаяся еще в архивах наших партийных учреждений. Из всей этой переписки мы сошлемся на один еще неопубликованный документ, из которого видно, что паника в среде новоискровцев по поводу угрозы ухода Плеханова достигла таких размеров, что редакция «всерьез, по настоянию Аксельрода, подумывала, о том, чтобы отдать «И» («Искру». — Д. К.) Ленину». Мы имеем в виду письмо из Ростова-на-Дону от 10 апреля 1904 г. в Одессу, о котором департамент полиции секретно доносит начальнику Одесского охр. отделения:

«С Вашими соображениями по поводу Плеханова я не совсем согласен,—пишет автор письма: «Что нужно было употребить усилия для удержания его,—это само собою разумеется и редакция это отлично понимала. Вопрос шел о том моменте, когда эти усилия, в конце-концов, окажутся бесплодными и Плеханов все-таки уйдет. Как тогда? Принять его отставку (о его союзе с Лениным нет и речи), а самим остаться в редакции, или, наоборот, самим уйти, отдав «Искру» Плеханову, а если он не захочет—Ленину. Вы этого, очевидно, не уловили и говорите только о том, что Плеханов, дескать, поймет, что Мартов должен быть спокоен и т. д. Но он не понимал, хотя Мартов и был спокоен, настолько спокоен, что, исчерпав убеждения, они предложили Плеханову остаться единоличным редактором, а сами изъявили желание уйти. Это была глупость и хорошо,

¹ Х Лен. сб., стр. 46.

² Там же, стр. 60.

³ Там же, стр. 67.

⁴ Там же, стр. 128.

⁵ См. «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова». Письма №№ 36 и 37, стр. 101—105.

что Плеханов не пошел на это. *Они на этом не остановились и в серьез, по настоянию Аксельрода, подумывали о том, чтобы отдать «Искру» Ленину»*¹. (Курсив наш.—Д. К.). Несмотря на позднейший выход Плеханова из состава редакции «Искры», он тем не менее до конца остался убежденным сторонником своей центристской позиции.

Столь убежденное примиренчество Плеханова нисколько не способствовало однако,—как это наперед предвидел Ленин,—установлению «добротного мира» в партии. Ведь основное обвинение, выдвинутое Лениным против Плеханова, заключалось вовсе не в том, что Плеханов энергично стремился достигнуть мира в партии. Напротив: как раз это намерение Плеханова Ленин признает весьма похвальным. Ленин с Плехановым разошлись в вопросе о методах достижения мира в партии. Ренегатство Плеханова началось с того момента, когда он изменил своей принципиальной позиции спора с мартовцами, и, вместо дальнейшей наступательной тактики—пусть даже и в духе «kill with kindness», но все же наступательной,—отказался вовсе от борьбы, возвел в ранг политической добродетели систему «мягкости» и «уступчивости» по отношению к оппозиции.

«Вовсе не в том суть,—пишет Ленин,—что т. Плеханов, во избежание раскола, сделал личную уступку (это весьма похвально), а в том, что, вполне признавши необходимость *спорить* с непоследовательными ревизионистами и анархическими индивидуалистами, он предпочел спорить с большинством, с которым он разошелся *из-за меры* возможных практических уступок анархизму. Вовсе не в том суть, что тов. Плеханов изменил личный состав редакции, а в том, что он изменил своей позиции спора с ревизионизмом и анархизмом, перестал отстаивать эту позицию в ЦО партии»².

Плехановское скатывание в болото оппортунизма на основе его примиренческой позиции обусловлено было таким образом вовсе не тем, что Плеханов не сумел проявить непримиримости во что бы то ни стало. В самой начальной стадии переговоров с оппозицией Плеханов, напротив, занял столь непримиримую линию поведения, что к нему,—по свидетельству Ленина,—«что называется приступу не было»³. Ленин же на этой стадии переговоров вел себя гораздо «уступчивее» Плеханова и сделал попытку прощупать почву для мира. В меру же дальнейшего развития раскола, когда стала выясняться необходимость мобилизовать и бросить на борьбу с упорствовавшей оппозицией все силы,—как раз в этот момент воинственность Плеханова стала быстро сходиться на-нет⁴.

Совершенно обратное мы наблюдаем у Ленина: он не только не выступает сторонником бесконечных уступок оппозиции, но упорство по-

¹ Письмо из Ростова на Дону в Одессу от 10 апреля 1904 г. Одесский Краевой ист. арх. фонд охр. отд., л. № 389, 1904 г., стр. 115, 116.

² «Шаг вперед», Ленин, Сочинения, т. VI, стр. 297.

³ Там же, стр. 277.

⁴ Считаем не лишним напомнить, что еще на съезде Лиги Плеханов в кругу своих единомышленников «репетировал», как он будет громить оппозицию.

следней лишь заостряет в нем настойчивость настоящего политического борца; растущие трудности, встречавшиеся на пути мирной ликвидации конфликта, лишь закаляют его волю к преодолению этих трудностей.

Вот как передает, например, Ф. В. Ленгник подробности переговоров Ленина и Плеханова с оппозицией, имевших место 4 октября 1903 г. в Женеве. Когда Плеханов выступил с защитой предложения кооптировать двух (вместо четырех) редакторов в «Искру»,—Ленин не соглашался уже и на эту уступку оппозиции, так как для него тогда было вполне ясно, что оппозиция никакими частичными уступками не удовлетворится, а стало быть для борьбы с нею нужно готовиться к войне, а не к миру.

Ленин уже в то время совершенно отчетливо видел, что, ставя ставку на раскол, запугивая расколом примиренчески настроенные элементы внутри ЦК, оппозиция задалась целью добиться таким путем полной капитуляции «большинства». «На эту тему (о кооптации двух.—Д. К.),—пишет Ленгник,—говорилось целых три часа, и в результате ни к какому соглашению не пришли и не могли притти, конечно. Старик (Ленин), нужно кроме того заметить, не соглашался теперь и на кооптацию двух и только, уступая давлению, не протестовал против предложения Плеханова»¹.

Ленинская «уступчивость» («лояльность») в самой ранней стадии развития раскола ничего общего не имеет с охарактеризованным нами выше примиренчеством. Это был тактический маневр со стороны Ленина, рассчитанный на укрепление позиции для дальнейшего боя с противником. На данном этапе развития разногласий нужно было произвести предварительную рекогносцировку сил противника, с целью разузнать, существуют ли действительно принципиальные с ним разногласия,—тогда нужно будет непременно драться, или же никаких принципиальных разногласий нет, а есть лишь личная обида,—тогда можно и должно было, по мнению Ленина, уладить дело миром путем личной уступки. Во всяком случае бой с оппозицией Ленин считал возможным принять лишь на поприще, очищенном предварительно от всяких дрызг, от всего личного, непринципиального. «Примирительные» шаги, предпринятые Лениным с самого же начала внутрипартийных разногласий, необходимо, таким образом, расценивать лишь как предупредительный контрманевр, рассчитанный на то, чтобы выбить из рук противника то отравленное оружие лжи, которое он собирается пустить в ход (крики о «заезжании», об «осадном положении» и т. д.).

Ленинская тактика по отношению к оппозиции с самого же начала была не *выжидательно-пассивной*, а *наступательно-активной*. Стремясь занять наивыгоднейшую позицию в предстоящем бою, предвидя наступательную тактику мартовцев, Ленин предупреждает готовящийся удар противника встречной контратакой, обезоруживая его «уступчивостью». Таков истинный политический смысл ленинской «лояльности» в кавычках, в отличие от примиренческой лояльности без всяких кавычек.

¹ VI Лен. сб., стр. 267.

2. «ДЕЛЯЧЕСКИЙ» ПАЦИФИЗМ

Формула «kill with kindness» была тем идеологическим прикрытием, под которым совершался поворот Плеханова к оппортунизму. Ибо политическая сущность всякого оппортунизма сводится в конечном счете к расхождению между словом и делом. Плехановская готовность *на словах* «убить» противника разошлась с фактической переменной им позиции боя, с провозглашением *на деле* противоположного курса на «мягкость», «терпимость», «уступчивость».

В самой тесной связи с примиренчеством плехановского толка находилась другая «стыдливая» его разновидность, скрывавшая свое оппортунистическое нутро под защитным цветом «практицизма» и «деловитости». С такой именно «деляческой» окраской зародилось и постепенно оформилось примиренчество внутри Центрального Комитета, избранного на II съезде. Ленину пришлось вести борьбу одновременно с явным примиренчеством Плеханова и со скрытым, сперва едва уловимым, примиренчеством среди членов ЦК.

Оба заграничных представителя партийных центров—Ленин и Ленгник—бомбардируют письмами членов русской части ЦК, убеждая их глубже вникнуть в политическое значение происшедшего раскола, непрерывно напоминая и твердя, что медлить нельзя, что надежды на примирение нет, что нужно готовиться к решительному бою с оппозицией.

Ленин предвидит, что для решительной борьбы с оппозицией придется еще «раскачивать» кой-кого из своих. *С первого же письма* Г. М. Кржижановскому, написанного между 10 и 14 сентября 1903 г., Ленин берет *тот же боевой тон*, каким проникнуты и все его дальнейшие письма членам русской части ЦК: «Дружбе тут конец,—читали мы в первом ленинском письме,—долей всякую размягченность! Готовьте решительный отпор...»¹. Такой же энергичный призыв расстаться с примиренческими иллюзиями, скрывавшимися под маской практицизма, слышится и в письме Ленина Г. М. Кржижановскому от 18/XII 1903 г., где дается лишь новый лозунг борьбы с оппозицией: немедленный созыв III съезда, как единственный «честный выход» из фактического раскола.

«Мечтать об укреплении позиции положительной работой при травле ЦО, при бойкоте и агитации мартовцев—просто смешно,—пишет Ленин.—Это значит медленно губить себя на бесславной борьбе с интриганами, которые потом скажут (и теперь уже говорят): смотрите, как недееспособен этот ЦК! Повторяю: не обольщайте себя иллюзиями. Либо вы предпишете мир мартовцам на съезде, либо вас вышибут бесславно или заместят при первом же провале»².

Совершенно иные настроения господствовали у российской части ЦК. Перспектива грядущего боя «со своими» страшит, повидимому, Кржи-

¹ VI Лен. сборник, стр. 210.

² X Лен. сборник, стр. 75.

жановского и Носкова (Глебова) ¹ не в меньшей мере, нежели впоследствии она устрасила Плеханова, откровенно заявившего, что «лучше пулю в лоб, чем раскол». В. А. Носков, например, находится под таким же гипнозом литературной одаренности Мартова и его «незаменимости», как впоследствии (с осени 1904 г.) т. Землячка и большинство членов БКБ находились под гипнозом «положительной деятельности» ЦК, беря внутри БКБ курс на «соревнование с ЦК» в этом направлении ². Из опасения, что «у нас может не оказаться достаточно блестящей литературной силы» ³, В. А. Носков выдвинул даже нелепый план вызвать Мартова в Россию, кооптировать его в ЦК и посадить «в укромное местечко» на литературную работу ⁴. А, ведь, еще месяц тому назад, Ленин в упомянутом уже нами выше письме Г. М. Кржижановскому, как бы наперед предвидя панику среди членов ЦК по поводу угрозы заграничных литераторов отказаться от работы, подбодряюще пишет: «с литературной стороной мы сладим...» ⁵.

В одном из первых писем (от 5/X 1903 г.) российской части ЦК заграничный представитель ЦК, Ф. В. Ленгник, выражает явное чувство беспокойства и неуверенности в твердости позиций своих российских коллег: «Не знаю абсолютно,—читаем мы в этом письме,—как вы теперь настроены, а дело, ведь, не терпит никакого промедления. Надо закрепить за собой комитеты и готовиться немедленно к настоящей войне. Другого исхода я сейчас не вижу больше. Есть ли у вас деньги, люди, готовность бороться и пр. и пр. Я ведь ровнехонько ничего не знаю. Это, наконец, свинство. Ведь мне приходится в ожидании известий от вас говорить почти со всеми и обо всем «на-двое». Я, ведь, не знаю даже, готовы ли вы на войну» ⁶.

У самого Ф. В. Ленгника, прибывшего за границу по вызову Ленина (в средних числах сентября 1903 г.), были сперва еще серьезные колебания насчет возможности и необходимости пойти, во имя мира в партии, на широкие уступки мартовцам. В письме П. Б. Аксельроду от 23/IX 1903 г. А. Н. Потресов сообщает: «Приехало начальство (Ф. В. Ленгник.—Д. К.) и ведет с нами переговоры. Оно, повидимому, сознает тягостность и опасность всего положения и готово было бы пойти на соглашения (по крайней мере, что касается редакции «Искры»), но *сильно опасается Ленина—тот уперся и не хочет слышать о кооптации*» ⁷. (Подчеркнуто нами.—Д. К.).

Приведенный документ является чрезвычайно важным: он лишний

¹ И тот и другой в рассматриваемый период представляли российскую часть ЦК.

² Подробности см. в моей статье «К истории зарождения Бюро Комитетов большинства», помещенной в № 1 «Прол. рев» за 1930.

³ VII Лен. сборник, стр. 94.

⁴ Этот план был жестоко высмеян Лениным в его ответном письме Г. М. Кржижановскому от 20/X 1903 г. «Мы все хохотали (и Кол (Ленгник) тоже), до слез над этим «планом»!»,—пишет Ленин. См. VII Лен. сб., стр. 102.

⁵ VI Лен. сб., стр. 210.

⁶ Там же, стр. 268—269.

⁷ «Социал-демократическое движение в России», том I, Гиз, 1928, стр. 105.

раз подтверждает, что ко времени приезда Ленгника за границу (т. е. к средним числам сентября 1903 г.) Ленин уже *не соглашается ни на какую кооптацию старой редакционной четверки*¹. К средним же числам сентября было написано и неоднократно уже цитировавшееся нами письмо Ленина Г. М. Кржижановскому, в котором *точно так же в весьма энергичных тонах говорится об отсутствии какой бы то ни было надежды на мир*. Письмо Ф. В. Ленгника российской части ЦК о решительных переговорах, которые вели Ленин, Плеханов и Ленгник с оппозицией 4 октября 1903 г., представляет собой, стало быть, позднейший документ. В нем также подтверждается, что Ленин высказался даже против кооптации 2 старых редакторов в «Искру» и только, уступая давлению со стороны 2 остальных представителей центральных учреждений партии—Плеханова и Ленгника,—не протестовал против предложения Плеханова². Не может быть сомнения в том, что прибывший за границу Ф. В. Ленгник в сообществе с Лениным изжил свои первоначальные колебания (хотя в переговорах от 4 октября он стоял еще за предложение Плеханова)³ и выравнивал свою позицию: в его последующих письменных сношениях с российской частью ЦК чувствуется гораздо более твердый и уверенный тон.

Вслед за официальным уведомлением Ленгника, Ленин, со своей стороны, вновь и вновь предупреждает российскую часть ЦК, чтобы она окончательно рассталась с вредной иллюзией насчет возможности добиться еще путем переговоров с оппозицией мира в партии: «Никакой, абсолютно никакой надежды на мир больше нет,—читаем мы в этом письме:—Вы себе не реализуете и десятой доли тех безобразий, до которых дошли здесь мартовцы, отравив всю за границу сплетней, перебивая связи, *деньги*, литературные материалы и пр. Война объявлена...»⁴.

К факту кооптации в ЦК четырех новых членов Ленин и Ленгник отнеслись с большой осторожностью, как бы лишний раз подчеркивая этим свою неуверенность в достаточной твердости того политического курса по отношению к воинствующей оппозиции, который должен был быть придан новому составу ЦК двумя прежними членами, совершившими кооптацию (т. е. Кржижановским и Носковым)⁵.

¹ Плеханов в это время выдвинул идею кооптации двух, как приемлемое условие мира.

² См. VI Лен. сборник, стр. 267 (последняя строчка). Это место мы цитировали уже выше.

³ Примиренчество Ф. В. Ленгника проявилось и позднее в том, что он, продолжая надеяться на мир, откладывал, вопреки желанию Ленина, опубликование заявления четырех редакторов об отказе их сотрудничать в «Искре».

⁴ VI Лен. сб., стр. 273.

⁵ «Что касается кооптации Зверя (М. М. Эссен) и Леонида (И. Ф. Дубровинского), то я думаю, что сразу этого делать не следует,—пишет Ф. В. Ленгник,—так как мы ведь еще не знаем, как они справятся с работой. То же относится пожалуй и к Коняге (Л. Е. Гальперин) Только относительно Лошади (Л. Б. Красина) не может быть никаких сомнений». (VII, Лен. сб., стр. 83). Мнение Ф. В. Ленгника насчет Л. Б. Красина, а также мнение Ленина о Носкове («Крепко надеемся на Вадима» [В. А. Носкова]. Лен. сб., VI, стр. 210.) не подтвердилось. Оба стали впоследствии видными примиренцами.

В том же своем письме членам ЦК в России, в котором Ф. В. Ленгник сообщает свое неодобрительное мнение по поводу произведенной кооптации, он считает нужным еще раз напомнить своим русским коллегам о необходимости раз-навсегда порвать с надеждой на примирение с Мартовым: «Я писал уже Вам,—читаем мы в этом письме,—что о примирении редакции с Мартовым не может уже быть надежды»¹.

Три дня спустя (15 октября 1903 г.) Ленгник в другом письме тем же лицам тревожно спрашивает: «Решились ли Вы уже на войну с «оппозицией», или все еще надеетесь на возможность примирения? Я уже оставил все надежды, и все более убеждаюсь, что претензии оппозиции настолько неосновательны, что, с другой стороны, они так воинственно настроены, что открытая война с ними совершенно неизбежна. Пишите мне, ради бога, скорее Ваше мнение об этом. Иначе я отсюда сбегу: мне не в моготу больше цацкаться с ними»².

Нетерпеливо ожидая от членов российской части ЦК точного ответа, какую они занимают позицию в отношении мартовцев, Ф. В. Ленгник крайне удивлен тем обстоятельством, что даже в тех своих редких письмах, которыми обменивались члены русской части ЦК со своими заграничными представителями, обходится молчанием столь важный и злободневный вопрос: «Отчего вы так мало и необстоятельно пишете? Так, ведь, нельзя же, право»,—укоризненно спрашивает Ф. В. Ленгник³. Те же упреки по поводу недопустимого индифферентизма членов русской части ЦК по отношению к наиболее жгучим вопросам внутрипартийной жизни слышатся и два месяца спустя в письме Ленина на имя Бюро ЦК в России: «Получили ваше письмо от 10/XII ст. ст.,—пишет Ленин,—нас поражает и возмущает ваше молчание о боевых вопросах и ваша неаккуратность переписки. Так ведь невозможно вести дело!»⁴.

После продолжительного и упорного молчания Г. М. Кржижановский откликнулся, наконец, на призыв Ленина и Ленгника. Письмо, посланное им 13 октября (н. ст.) 1903 г., почти целиком заполнено деловыми сведениями из внутрипартийной практики и лишь полу-нехотя и вяло откликается на актуальнейшие вопросы внутрипартийной борьбы, на которые столь живо реагировал Ленин. «Вы,—пишет Г. М. Кржижановский,—корите за молчание, но если б знали, какой тут кипит котел, наверно поняли бы некоторое занемение уст наших. На нас навалилась масса практических дел...»⁵.

Так и чувствуется, что перспектива грядущего боя со «своими» отпугивает Г. М. Кржижановского не в меньшей мере, чем она впоследствии отпугнула Плеханова, хотя испуг этот и принимает у Г. М. Кржижановского своеобразную форму политического «аскетизма», стремящегося спря-

¹ VII Лен. сб., стр. 80.

² Там же, стр. 89.

³ Там же, стр. 88. Письмо от 15 октября 1903 г.

⁴ X Лен. сб., стр. 115.

⁵ VII Лен. сб., стр. 96.

таться от «большой политики» теорией «малых дел». Нижеследующие строки из того же письма Г. М. Кржижановского еще больше подкрепляют наше предположение о том, что узкий практицизм членов русской части ЦК служил лишь прикрытием того толстовского «непротивленчества» и «отвращения» к «дракам», которые столь характерны для позиции примиренчества.

«Вообще можно сказать,—продолжает Г. М. Кржижановский,—что, если б заграница так не неистовствовала, здесь можно было бы довольно быстро наладить отношения и заняться исключительно созидательской работой (курсив наш.—Д. К.). Теперь же предвидится нечто ужасное, сопровождаемое такой бесконечно-нерасчетливой тратой сил и энергии. Но ничего уже видно не поделаешь»¹.

Прекраснодушное выражение Г. М. Кржижановского: «если б заграница так не неистовствовала» окрашено в яркий пацифистский цвет: оно направлено против «заграницы» вообще, а не только против заграничных меньшевистских лидеров оппозиции. В этом легко убедиться из подчеркивания Г. М. Кржижановским в своем письме, что «для нас нет никаких групп»² и из противопоставления заграничных «склочников»³ русским меньшевикам «практикам», которые «все-таки держат себя куда коррекнее и выдержаннее»⁴.

В нашем распоряжении пока нет прямого документального доказательства того, что члены российской части ЦК (не без давления мартовцев, но об этом ниже) рекомендовали даже своему заграничному представителю, Ф. В. Ленгнику, произвести «нажим» на «старика» (Ленина), с целью уговорить его быть «покладистее» по отношению к оппозиции. В письме Ленина Г. М. Кржижановскому от 20 октября 1903 г. содержится однако совершенно недвусмысленное указание на справедливость

¹ VII Л н. сб., стр. 97.

² Там же, стр. 96. Сравни с речью Мартова на заседании Совета партии от 28—30 янв. 1904 г.: «В нашей партии нет группы Южного Рабочего, нет группы Рабочего Дела, обе группы закрыты съездом», говорит Мартов. (X Лен. сб., стр. 219).

³ Ср. с письмом Гальперина от имени ЦК Ленину и Ленгнику от 16 февраля 1904 г.: «Все умоляем Старика (Ленина—Д. К.) бросить склоку и изчать работу». (X Лен. сб., стр. 853). Поч и в тех же тонах выражается Г. М. Кржижановский в своих письмах на имя заграничного представителя ЦК, написанных значительно раньше (до 20 октября 1903 г.). Сравни с пр. волимой в тексте ниже выдержкой из письма Ленина Г. М. Кржижановскому от 20 окт-бря 1903 г.

⁴ Это выражение свидетельствует о полной доверчивости членов российской части ЦК к попыткам меньшевиков проникнуть в большевистские комитеты, якобы под предлогом «совместной работы», на деле же для взрыва их изнутри. Н. К. Крупская сообщает в одном из своих позднейших писем, как таким путем меньшевикам удалось завоевать Одесский комитет и организовать особую «группу при ЦК» (См. «Прол. рев.» № 5(40), 1923, стр. 40). Недаром Ленин уже в своем первом из дошедших до нас писем Г. М. Кржижановскому между 10 и 14 сентября 1903 г.) предупреждает ЦК, чтобы попытка меньшевиков сунуться в комитеты сразу же вызвала решительный отпор со стороны ЦК: «Надо добиться во что бы то ни стало, чтобы их попытка (т. е. попытка меньшевиков.—Д. К.) сунуться в комитеты сразу вызвала решительный отпор». (VI Лен. сб., стр. 210).

нашего предложения: «А толки Лани (Г. М. Кржижановского) о «нравственном воздействии на старика» показывают (ей-богу, не обижайтесь!) полное и полнейшее взаимное непонимание»,—пишет Ленин ¹.

Если Носков (Глебов), воспевая литературную «незаменимость» Мартова, вторил лишь запугиваниям оппозиции, то и другой член ЦК, Г. М. Кржижановский, был, по сути дела, лишь резонатором меньшевистской демагогии, сущность которой сводилась к утверждению, будто большевики занимаются лишь дразнами и никакой положительной работы не ведут. В этот расставленный Мартовым капкан и попался российский состав ЦК, примиренческая позиция которого была преимущественно заострена на парировании именно этой специально сфабрикованной мартовцами сплетни.

Оппозиция при этом достигла еще и той цели, что она отвлекала внимание членов ЦК от проводившейся ею раскольнической политики; искусственно питая и поддерживая примиренческие иллюзии среди членов ЦК, оппозиция одновременно стремилась изобразить Ленина в роли не-исправимого «раскольника», срывающего все усилия противной стороны водворить в партии мир.

Члены российской части ЦК, сами того не сознавая, объективно играли роль оруженосцев меньшевистских заграничных заправил. Политическая погода создавалась в Женеве кучкой воинствующих заграничных литераторов, наивные же простачки российского центра пассивно созерцали ² состояние политического барометра, приспосабливая к нему курс партийного руководства.

Даже один из виднейших «твердых» искровцев, Плеханов, не выдержал в конце концов напряженной обстановки заграничных дразг, искусственно взвинчивавшихся мартовцами, и решился разрядить эту атмосферу... путем полной капитуляции «большинства».

Оппортунистическую сущность примиренчества Плеханова Ленин как раз и усмотрел в неспособности Плеханова взять в самый разгар политической бури ³ курс «против течения», в его покорной готовности поплыть «по течению». Эту мысль Ленин в своей работе «Шаг вперед» передал следующим образом: «... свою фразу: «руководитель пролетариата не вправе поддаваться своим воинственным наклонностям, когда они противоречат политическому расчету» тов. Плеханов готов был диалектически толковать в том смысле, что если уже надо стрелять, то расчетливее (по состоянию женеvской погоды в ноябре) стрелять в большинство...» ⁴.

В приведенном выше письме Г. М. Кржижановского примиренческий тон чередуется с благочестивым «воздыханием» по поводу предстоящих «ауто-да-фе» над меньшевиками: «Ваше письмо, друзья, произвело, конечно,

¹ VII Лен. сб., стр. 102.

² Пассивно-созерцательная точка зрения Г. М. Кржижановского, как стороннего наблюдателя происходившей вокруг него ожесточенной внутрипартийной борьбы, очень ярко представлена выражением из его письма (см. выше): «Но ничего уже видно не поделаешь».

³ После съезда загр. Лиги в конце октября 1903 г.

⁴ Ленин, «Шаг вперед». Соч., т. VI, стр. 295.

удручающе-тяжелое впечатление,—пишет Г. М. Кржижановский.—Тоскливо делается, как подумаешь, какая братоубийственная война предстоит теперь»¹. Эту «этическую» скорбь по поводу внутривнутрипартийных неурядиц подкрепляет «утилитарный» привесок: Г. М. Кржижановский, как человек «дела», сокрушается прежде всего о том, что предстоит впереди «нечто ужасное», сопровождаемое «такой бесконечно нерасчетливой тратой сил и энергии». Недаром же в своем другом российском коллеге, В. А. Носкове (Ниле), Г. М. Кржижановский ценит прежде всего «его спокойную деловитость»² (не то, мол, что у Ленина: драчливость на первом плане!).

3. ПОД ГИПНОЗОМ ЛОЙЯЛЬНОСТИ

Позднее (в июле 1904 г.), когда примиренцы-цекисты открыто перешли на сторону мартовцев, Ленину пришлось выдержать еще другую упорную и длительную борьбу с примиренчеством в среде едва только сформировавшегося большевистского всероссийского центра—Бюро комитетов большинства³. В начале нашей статьи мы уже привели отрывок из письма Ленина от 11 февраля 1905 г. на имя А. А. Богданова и С. И. Гусева, из которого видно, как резко бичевал Вл. Ильич примиренческие иллюзии среди членов БКБ. Мы приведем оттуда еще некоторые выдержки, которые даже по стилю напоминают письма, посылавшиеся Лениным годом раньше российской части ЦК:

«Единственная наша сила,—пишет Ленин,—открытая прямота и сплоченность, энергия натиска. А люди, кажется, размякли по случаю «революции»!! Когда организованность во сто крат более нужна, они отдают себя в руки дезорганизаторам. Из поправок к проекту декларации⁴ и съезда (изложенных в письме донельзя неясно) видно, что носятся с «лойяльностью»: Феликс⁵ прямо пишет это слово и добавляет: если не помянуть центров, никто на съезд не пойдет! Ну, господа, я держу пари, что если вы *так* будете действовать, то вы никогда не получите съезда и никогда не выйдете из-под башмака у бонапартистов ЦО и ЦК... Мы провозгласили *раскол*, мы зовем на съезд *впередовцев*, мы хотели организовать впередовскую партию и рвем, немедленно рвем *все* и *всякие* отношения с дезорганизаторами, а нам толкуют о лойяльности, прикидываются, будто возможен общий съезд «Искры» и «Вперед». Комедия какая-то!..»⁶.

Насколько решительно настаивал тогда Ленин на разрыве с примиренцами-цекистами, об этом могут дать наглядное представление следующие факты из внутривнутрипартийной жизни периода февраль—апрель 1905 г. После продолжительных колебаний, беспрерывно подталкиваемое со сто-

¹ VII Лен. сб., стр. 98.

² См. там же, верхняя строчка: «Нил, повидимому, драгоценный для нас человек. Мне нравится его спокойная деловитость».

³ См. мою статью «К истории зарождения БКБ», «Прол. рев.», № 1 за 1930 г.

⁴ Речь идет о декларации БКБ о созыве съезда.—Д. К.

⁵ М. М. Литвинов.—Д. К.

⁶ «Прол. рев.» № 4(39), 1925 г., стр. 17 и 18.

роны Ленина БКБ решилось, наконец, опубликовать извещение о принятии на себя функций организованного комитета по созыву III съезда¹. Вслед за опубликованием этого извещения члены БКБ² предприняли объезд местных комитетов, с целью заручиться их поддержкой в предстоящей кампании по созыву III съезда. Развернутая БКБ, под давлением Ленина, энергичная агитация за созыв съезда встретила сочувствие со стороны большинства местных комитетов. Л. Б. Красин, один из виднейших примиренцев-цекистов, под прямой угрозой того, что съезд будет создан через голову ЦК, известил членов БКБ о своем согласии на созыв съезда.

Неожиданный поворот со стороны Красина встретил в лице Ленина чрезвычайно осторожное отношение, и он спешит предупредить членов БКБ, чтобы они не «размякли» по случаю пацифистского жеста Красина: «Сию минуту узнал из письма Лядова (Русалки),—пишет Ленин,—что ЦК согласился на съезд. Заклинаем бюро³ всем святым не верить ЦК и не отказываться ни за что ни от единой капли своей полной самостоятельности в созыве съезда. Бюро не вправе уступить ЦК ни на иоту. Иначе мы здесь поднимем бунт, и все твердокаменные комитеты будут с нами. ЦК приглашен на съезд и пусть приходит с меньшевиками, но созываем съезд мы и только мы»⁴.

Несмотря на то, что двум членам БКБ (Гусеву и Румянцеву) удалось в конце концов заключить договор с ЦК на предмет созыва съезда, и разногласия с Красиным тем самым, казалось, были совершенно исчерпаны⁵,—у Ленина вплоть до открытия III съезда не было еще прочной уверенности в том, что Красин в последнюю минуту вновь не колебнется вправо. В доказательство нашего утверждения мы приведем следующий отрывок из письма Крупской Гусеву (Нации) от 20 апреля 1905 г.:

«...Меньшевики рвут и мечут. У них идет теперь обсуждение вопроса, итти или не итти на съезд с *меньшевистскими делегатами*. *Завтра заседание совета...* ЦК колеблется. Весьма возможно, что Плеханов их обойдет. Отношения с ними, особенно с *Никитичем (Красиным)*...⁶ вполне приличные, и они обязались *открыть...*⁷, хотя с достоверностью еще ничего нельзя сказать, положиться на них трудно. Положение, как видите, все еще крайне неопределенное...»⁸.

Удивительная политическая чуткость не изменила Ленину и на этот

¹ Извещение (декларация) БКБ о созыве III съезда было написано в первых числах февраля, о чем Л. твинов ставит Ленина в известность в письме, помещенном в «Прол. рев.» № 4(39). 1925 г., стр. 14.

² Лядов и Земляч. а.

³ Бюро комитетов большинства. — Д. К.

⁴ «Прол. рев.» № 2(37), 1925 г., стр. 56.

⁵ В своем письме Гусеву от 4 апреля 1905 г. Ленин так реагирует на подписание договора с БКБ: «О договоре 12/III 05 не пишу. Ругаться тут нечего. Видимо иначе нельзя было». («Прол. рев.» № 2(37). 1925 г., стр. 58).

⁶ Дальше зашифровано. — Д. К.

⁷ Зашифровано. — Д. К.

⁸ «Прол. рев.» № 2(37), 1925 г., стр. 68.

раз. Примиренчество, успевшее в течение всего предшествовавшего периода внутривластной расколы вылиться в систему относительно устойчивых взглядов, держало еще Красина в своих цепких лапах: в своем докладе на III съезде он не только не отмежевался решительно от своей прошлой оппортунистической позиции, но даже берет ее под свою «принципиальную» защиту. Вот выдержка из его речи, произнесенная на III съезде, в связи с отчетом ЦК:

«Поскольку комитеты большинства после июльской декларации ЦК перестали признавать центральные учреждения партии и приступили к созданию своей организации, своего центра (БКБ) и своей газеты («Вперед»), деятельность большинства была дезорганизаторской и характеризовалась ЦК как таковая. Противоречия между такой характеристикой и последующим заключением соглашения с БКБ по созыву съезда нет. Созыв съезда, по мнению ЦК, являлся политической необходимостью, и, оставаясь при своем прежнем мнении о деятельности большинства с июля 1904 г. по март 1905 г., ЦК мог войти с ним в соглашение ради скорейшего и возможно полного осуществления съезда»¹.

Рассуждения Л. Б. Красина являются классическим образцом философии «деляческого» пацифизма. Для Л. Б. Красина важен прежде всего и во что бы то ни стало мир в партии. Он не делает ни малейших попыток проанализировать реальную диалектику внутривластной борьбы и прийти таким образом к выводу о бессмысленности своих миротворческих пожеланий. Представительство на съезде двух частей организации (формальный момент) стоит в его поле зрения на переднем плане, совершенно заслоняя собою то «боевое» содержание съезда, которое придавал ему Ленин.

«Съезд должен быть по-военному прост,—пишет Ленин,—по-военному короток, по-военному немногочисленен. Это—съезд для организации войны. По всему видно, что вы на этот счет делаете себе иллюзии»². Из этого же письма мы можем сделать вывод, что Ленин тогда уже держал курс на организационное обособление «большинства» в самостоятельную «впередовскую партию». Ленин за 7 лет предвидел таким образом неизбежность того, что случилось в 1912 г. в Праге, когда, убедившись в тщетности столь продолжительных усилий объединиться с меньшевиками, большевики взяли уже бесповоротный курс на раскол.

Примиренческие иллюзии не были изжиты в среде членов ЦК и после III съезда. В начавшейся вскоре после III съезда объединительной кампании с меньшевиками члены ЦК едва не скатились к тому же оппортунизму в организационных вопросах, который на II съезде привел Мартова совместно с «мягкими» искровцами к меньшевизму. Но об этом речь будет ниже.

¹ Протоколы III съезда, Госиздат, 1924, стр. 76.

² «Прол. рев.» № 4(39), 1925 г., стр. 19. В директивном письме членам ЦК в России, написанном еще 14 месяцев тому назад (10 декабря 1903 г.), Ленин писал уже: «Съезд необходим не позже января»... «Подготовить его надо сначала тайно в течение максимум одного месяца, затем в три недели собрать требования 1/2 комитетов и созвать съезд» (X Лен. сб., стр. 46).

III. ДИАЛЕКТИКА ПРИМИРЕНЧЕСКИХ УКЛОНОВ

После измены Плеханова Ленин усиливает свой нажим на членов ЦК, стремясь парализовать примиренческие настроения, которые могли получить новую пищу в связи с переходом Плеханова в лагерь мартовцев. Всего неделю спустя после измены Плеханова у Ленина уже назрел план дальнейшей борьбы с оппозицией: Ленин предвидит, что мартовцы, «обнаглев после трусливой измены Плеханова»¹, не удовлетворятся уже уступкой им ЦО, а сосредоточат атаку против ЦК. В письме М. Н. Лядову от 10 ноября 1903 г. Ленин так представляет себе план предстоящей кампании против мартовцев: «Борьба за ЦК, за скорый (летом) новый съезд—вот что нам остается»².

Этот план для своего осуществления требовал единодушия всех членов ЦК, во имя достижения которого Ленину пришлось вступить под лозунгом экстренного созыва третьего съезда в решительную борьбу с примиренчеством цекистов³. Вся эта стадия развития внутреннего раскола проходит под знаком борьбы Ленина против открытых оппортунистов и перешедшего на их сторону Плеханова, с одной стороны, и против примиренцев-цекистов, с другой. С неослабным упорством шаг за шагом громит Ленин примиренческую дряблость и рыхлость членов ЦК, мобилизуя их волю на активную борьбу с оппозицией. «Деловитость» и узкий практицизм цекистов были мишенью, подвергнувшейся беспощадному обстрелу со стороны Ленина. В письме Л. Б. Красина заграничному отделу ЦК от 14 января 1904 г. эта философия «делячества» получает свое наиболее полное обоснование.

«Единственный выход из теперешнего положения,—пишет Л. Б. Красин,—это энергичная работа ЦК над своими коренными задачами. Работа во что бы то ни стало, наперекор всем трудностям, на зло всем врагам и недоброжелателям, злорадно ждущим от нас именно бездействия... Пусть сколько угодно дискредитируют ЦК, если ЦК не состоит из поголовных лентяев или тюфяков, все такие инсинуации падут на собственную голову ЦО... надо бросить всю эту словеснобумажную борьбу и показать партии, что в конце концов ЦК несет свое право на конце своего меча, что, будучи правым и законным формально (а этого ведь никто не оспаривает), он и фактически является центром объединяющим, организующим и обслуживающим партию...

«И если все мы согласимся, что теперь надо перенести борьбу на почву положительной работы, если те силы, которые мы до сих пор тратили на переговоры, часто совершенно ненужные разъезды и словесную и бумажную казуистику, если эти силы пойдут на создание листов, бро-

¹ См. VII Лен. сб., стр. 218. Из письма Ленина к Кржижановскому от 8 ноября 1903 г.

² См. там же, стр. 226, вверху.

³ Систематическая кампания за преодоления примиренчества внутри ЦК начата была Лениным 10 дек. 1903 г. и шла под лозунгом созыва III съезда. См. письмо Ленина членам ЦК (X Лен. сб., стр. 45—46.)

шюр, может быть, периодических листов «Известий ЦК»,—не может быть ни малейшего сомнения в победе»¹.

В письме Ленина в бюро ЦК в России от 30/XII 1903 г. позиция примиренческого делячества была подвергнута наиболее обстоятельной критике. В основном доводы Ленина сводились к убеждению российских чекистов, что планы, развивавшиеся Л. Б. Красиным, были нереальны и, по сути дела, угрожали ЦК неизбежным провалом в случае, если бы он, цепляясь за лойяльность, за «положительную» работу в рамках этой лойяльности,—пытался отойти в сторону, обрекая себя на сознательную пассивность.

Неразумно было строить реальный план борьбы с оппозицией на утопии, на пацифистской мечте о розовом «завтра» по случаю сурового «сегодня». При условии сохранения за оппозицией такого мощного оружия, каким является центральный орган партии², красивое разглагольствование Л. Б. Красина о том, что «ЦК несет свое право на конце своего меча», означало на деле «бунт на коленях», подмену боевой тактики военных действий против оппозиции непротивленческой позицией «скрещенных на груди рук».

«Подумайте же, наконец, хорошенько,—пишет Ленин,—о всей политической позиции, взгляните пошире, отвлекитесь от мелкой будничной возни с грошами и паспортами и выясните же себе, не пряча головы под крыло, куда вы идете, и *ради чего* вы канитель тянете?

«У нас в ЦК два течения, если я не ошибаюсь (или может быть три? Какие?) По-моему они таковы: 1) оттягивать дело, не созывая съезда, по возможности отмалчиваясь от наскока и нахальных плевков в рожу и укреплять позицию России; 2) поднять бучу резолюций против ЦО, направить *все* силы на завоевание шатких комитетов и приготовить съезд через два, максимум три месяца. И вот я спрашиваю, в чем состоит ваше укрепление позиций? Только в том, что вы теряете время, когда противник собирает здесь силы (а заграница очень много значит!), и оттягиваете решение до своего провала. Провал неизбежен и довольно скоро,—было бы прямо ребячеством игнорировать это.

«Что же вы нам оставите после провала? У мартовцев—свежие и разросшиеся силы. У нас—разбитые ряды. У них—укрепленный ЦО. У нас—компания, плохо перевозящая этот ругающий их ЦО. Ведь это верный путь к поражению, ведь это только позорная и глупая оттяжка *неизбежного* поражения. Вы только закрываете глаза на это, пользуясь тем, что война заграничная перекидывается к вам медленно. Ведь ваша тактика буквально сводится к тому, что де после нас (после теперешнего состава ЦК) хоть потоп (для большинства)»³.

¹ Х Лен. сб., стр. 152—154.

² В директивном письме членам ЦК в России от 10 декабря 1903 г. Ленин пишет: «...Повторяю: или полное поражение (нас затравит ЦО) или немедленная подготовка съезда» (Х Лен. сб., стр. 46).

³ Там же, стр. 115—116.

Примиренческая канитель, несмотря на упорные и настойчивые уверения, убеждения Ленина членов российской части ЦК сойти с центристской позиции, тянулась еще свыше года. Психология лояльности настолько прочно внедрилась в сознание руководящей группы большевиков, что, вслед за примиренцами-цекистами, перешедшими в июле 1904 г. открыто в лагерь противника, она заразила и большинство членов едва зародившегося Бюро комитетов большинства. 30 декабря 1903 г., как мы видели, Ленин предостерегал российскую часть ЦК, что дальнейшая пассивная тактика оттяжек и выжидания неизбежно приведет к окончательному разгрому «большинства». 25 декабря 1904 г., т. е. ровно через год, М. М. Литвинов, член БКБ, бьет уже тревогу:

«Беда в том,—пишет он,—что она ¹ (очевидно также Рядовой ² и Лядов) совершенно не сознают, в каком мы находимся критическом и плачевном положении. Периферия, если не везде против нас, то почти нигде не за нас. Широкие массы партийных работников до сих пор продолжают считать нас кучкой дезорганизаторов, никакой силы за собой не имеющей, что после примирения ³ отношение комитетов стало другое, что все наши усилия—лишь предсмертные судороги большинства. Никакими конференциями (тем более тайными), никакой агитацией не изменить этого широко распространенного взгляда. Повторяю: наше положение до нельзя шатко и непрочное. Выйти из него можем лишь 1) немедленным созывом съезда (не позже февраля), 2) немедленным выпуском газеты» ⁴.

Живая диалектика внутрипартийной борьбы блестяще опровергла философию деляческого пацифизма. Под ударами непосредственной действительности руководящая группа большевиков вынуждена были прийти в конце концов к тому же выводу, к какому пришел еще год тому назад Ленин. Несколькими строками выше М. М. Литвинов, вслед за Лениным, тоже обрушивается на узкий практицизм примиренчества, на его политическую близорукость:

«По моему мнению,—пишет он,— нам можно и должно сейчас же выступать открыто, не скрывая бюро ⁵, не цепляясь за лояльность, заявлять, что при настоящих ненормальных условиях, при существовании незаконных блюстителей и толкователей закона, строго лояльными быть не можем, тем более что наше поведение одобряется всей партией, что нас толкнули на революционный путь. Рекомендуемая же Землячкой тактика сводится к копированию меньшинства, которое божилось и уверяло, что действует в рамках устава, на каждом шагу им нарушаемого при помощи разных адвокатских уловок» ⁶.

¹ Землячка.—Д. К.

² А. А. Богданов.—Д. К.

³ «Имеется в виду, очевидно, неудачная попытка соглашения с меньшевиками, когда в Ц. К. были кооптированы трое представителей от них». (Примеч. М. М. Литвинова «Прол. рев.» № 2(37), 1925 г., стр. 88, примеч. 13).

⁴ «Прол. р. в.» № 2(37), 1925 г., стр. 78.

⁵ Бюро комитетов большинства. Примеч. Д. К.

⁶ «Прол. рев.» № 2(37), 1925 г., стр. 77.

Итак, «лояльность» во что бы то ни стало и при каких угодно обстоятельствах, «лояльность», возведенная в некий абсолют, наивысший принцип—такова была позиция центризма, к которому скатился Плеханов и к которому скатывались постепенно и неуклонно русские цекисты. П. А. Красиков в своем докладе на III съезде совершенно правильно выразился: «Позиция т. Плеханова является, так сказать, прототипом позиции ЦК»¹.

Разница между плехановским и цекистским оттенками примиренчества заключалась лишь в том, что примиренцы-цекисты «щеголяли» своим узко-понятым «практицизмом», в то время как Плеханов старался прикрасить свое капитулянтство «философией» уступок. «Для революционеров целесообразность—все, формальность—ничто»,—писал Плеханов в № 60 «Искры». Эта «левая» фраза была, однако, насквозь оппортунистична. М. С. Ольминский в статье «Разновидность оппортунизма» вскрывает мелкобуржуазный анархистский смысл плехановской «формулы»:

«Плеханов,—пишет М. С. Ольминский,—добросовестно подчиняясь дисциплине по отношению к ближайшим товарищам, вынужден был всячески защищать их образ действия. Незаметно для себя, защищая товарищей, он дошел до отрицания всяких твердых принципов в организации партии, дошел до отрицания какой бы то ни было дисциплины. Как враг всякого оппортунизма он постарался подвести поведение свое и товарищей под общий принцип, но вместо революционного принципа получилась у него красивая фраза в бернштейновском духе. Бернштейн говорил: «Движения для меня все, конечная цель—ничто». Плеханов говорит: «Для революционеров целесообразность—все, формальность—ничто»².

У Ленина, как мы видели выше, бережное отношение к формальному принципу в системе партийного строительства никогда не разрастается в фетишизм формы. Вопреки ложным уверениям оппозиции, у Ленина форма никогда не заслоняла содержания партийной работы, не вырождалась в бюрократическое крючкотворство. Строжайшая защита интересов партии у Ленина неизменно превалировала над всеми и всяческими формальными моментами в системе внутривнутрипартийных отношений³. Но в то же время, не в пример Плеханову, Ленин не перескакивал через форму, не отрывал формы от содержания. Внутривнутрипартийное развитие—это диалектический процесс, подчиненный основной диалектической закономерности всякого развития—единству содержания и формы.

¹ Протоколы III съезда, Госиздат, 1924 г., стр. 54.

Сам Плеханов, секретно сообщая П. Б. Аксельроду о приезде Носкова (Глебова), пишет 23 мая 1904 г.: «Сюда приехал Борис Николаевич (Глебов — В. А. Носков) (это конечно, т. йна). Он очень примирительно настроен и непременно желает тебя видеть: хочет ехать для этого в Цюрих. Это хороший знак. Он уверяет, что в России ЦК стоит не на *лещичской*, а на *моей* точке зрения». («Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», Том II. 1925, стр. 201—202).

² «Вперед» и «Пролетарий». Вып. I, стр. 112. Тезисы к статье т. Ольминского (вернее, к его реферату, прочитанному на ту же тему) были написаны Лениным. См. V Лен. сб., стр. 86.

³ В этом смысле Ленин (см. ниже) и пишет членам ЦК: «Плюньте на идиотские формальности»...

Таковы методологические предпосылки, лежавшие в основе ленинской внутрипартийной политики, направленной на борьбу с обоим родам разнородностями примиренческого оппортунизма в организационных вопросах как плехановского, так и цекистского толка. Позиция «золотой середины», кажущийся обход трудностей предстоящей борьбы посредством ставки на лояльность; преклонение перед формальными способами улаживания внутрипартийных конфликтов—таков был своеобразный дележеский тип примиренческого оппортунизма в рядах российской части ЦК.

Эта гипертрофия формы, цепляние за форму, за лояльность во что бы то ни стало означали, по существу, такое же извращение содержания партийной работы, поглощение содержания формой, как и плехановский прямой обход формы, перепрыгивание через форму. *Обе разновидности примиренческого оппортунизма имели, стало быть, общую методологическую основу.*

Возведенная в принцип лояльность, сеяла разврат в партии, способствовала воспитанию не политических борцов, а мягкотелых обывателей, у которых притупленное политическое чутье искало оправдания в «деловитости», в «брезгливом» отворачивании от реальной борьбы. В своем письме членам ЦК в России, написанном во второй половине февраля 1904 г., Ленин дает такую уничтожающую отповедь этому дележескому примиренчеству российских цекистов:

«Я думаю,—пишет Ленин,—что у нас в ЦК в самом деле бюрократы и формалисты, а не революционеры. Мартовцы плюют им в рожу, а они утираются и меня поучают: «бесполезно бороться!..» Только бюрократы могут не видеть теперь, что ЦК не есть ЦК и потуги быть им смешны. Либо ЦК станет организацией войны с ЦО, войны на деле, а не на словах, войны в комитетах, либо ЦК—негодная тряпка, которую поделом выкинуть вон».

«Поймите, Христа ради,—продолжает Ленин,—что централизм разорван мартовцами бесповоротно. Плюньте на идиотские формальности, занимайте комитеты, учите их бороться за партию против заграничной кружковщины, пишите им листки (это не мешает агитации за съезд, а поможет ей!), ставьте на технику подсобные силы. Руководите войной с ЦО или бросьте вовсе смешные претензии на «руководство»... утиркой плевков»¹.

IV. СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫЙ ОБЛИК ПРИМИРЕНЧЕСТВА

1. ПРИМИРЕНЧЕСТВО И ДЕМОКРАТИЯ

Глубоко ошибочным был взгляд примиренцев на проводившийся Лениным активный метод преодоления внутрипартийного конфликта, как на увязывание в «склоку». Л. Е. Гальперин от имени всего состава русской

¹ Х Лен. сб., стр. 323. Сравни с письмом Ленина А. А. Богданову и С. И. Гусеву, написанным годом позже (11 февраля 1905 г.), выдержка из которого приведена нами в самом начале настоящей статьи.

части ЦК пишет, например, 29 февраля 1904 г. Ленину и Ленгнику: «Все умоляем старика бросить склоку и начать работу, ждем листков и брошюр и всяческих советов,—лучший способ поправить нервы и лучший ответ на ругань»¹.

Мы видели выше из письма Ленина от 20 октября 1903 г. Кржижановскому, что последний (Кржижановский) уже в то время давал аналогичный совет другому заграничному представителю ЦК, Ленгнику, оказать «нравственное воздействие на старика»². Ленин ясно видит, что такое неправильное истолкование Кржижановским политического смысла ленинской внутрипартийной стратегии может стать исходным пунктом серьезных разногласий среди заграничной и русской частью ЦК: «А толки Лани (Кржижановского) о «нравственном воздействии на старика»,—пишет Ленин,—показывают (ей богу, не обижайтесь) полное и полнейшее взаимное непонимание»³.

Четыре месяца прошло с тех пор, как Ленин усмотрел в примиренческом тоне русской части ЦК фальшивую нотку. Состояние внутрипартийной борьбы за это время целиком и полностью подтвердило правильность ленинского диагноза. Упорное нежелание (или неспособность) русских цекистов сойти с примиренческой позиции засасывало их незаметно, но верно, в оппортунистическое болото. С русской частью ЦК повторялось—*mutatis mutandis*—то же, что и с Мартовым на II съезде, когда его примиренчество по отношению к неустойчивым искровцам (Штейн-Александрова) и южно-рабоченцам привело незаметно к коалиции с открытыми оппортунистами—Акимовым и К⁰ именно потому, что Мартов не осознал вовремя своей оппортунистической ошибки, а продолжал на ней настаивать.

Мы сейчас покажем, что примиренчество в среде членов ЦК отражало давление воинствующей мелкобуржуазной оппозиции на большевистское ядро партии. Борьба Ленина с примиренчеством была борьбой за удержание русского состава ЦК от его неминуемого скатывания в ту же бездну оппортунизма, куда, в конце концов, свалился Плеханов. Историческая цепь оппортунизма состояла из не вполне однородных звеньев, обладавших тем не менее одинаковым удельным политическим весом. От Акимова эта цепь тянулась к Мартову, от Мартова к Плеханову и, наконец, Плеханов, включив себя в цепь оппортунизма, потащил за собой и русских цекистов.

На январской сессии (28—30 января 1904 г.) Совета партии Мартов признает, что «меньшинство» сложилось, как особая группировка «из членов разных прежних кружков на почве борьбы против определенного режима»⁴. Мысль Мартова Ленин позднее, в своих «Шагах», выразил еще более ярко: «А когда мы, вместе с тов. Мартовым,—который бился в первых рядах, с открытым забралом,—пишет Ленин,—переобидели такую

¹ X Лен. сб., стр. 353.

² VII Лен. сб., стр. 102.

³ Там же.

⁴ X Лен. сб., стр. 220, верхняя строка.

кучу народа,—нам оставалось уже совсем немножечко, чуть-чутьточку обидеть тов. Аксельрода и тов. Мартова, чтобы чаша оказалась переполненной. Количество перешло в качество. Произошло отрицание отрицания. Все обиженные забыли взаимные счеты, бросились с рыданиями в объятия друг к другу и подняли знамя «восстания против ленинизма»¹.

Каков же был политический смысл «восстания» Мартова «против ленинизма»? Что же общее объединяло всех «обиженных» против Ленина? Протокольная запись выступлений Плеханова, Аксельрода и Мартова на январской сессии Совета партии не только дает наиболее убедительный ответ на поставленный вопрос, но и бросает яркий свет на социально-классовую характеристику примиренчества, как проводника мелкобуржуазных политических идеалов на организационные принципы ленинизма.

«Тов. Ленин говорит,—читаем мы в протокольной записи речи Плеханова,—что иначе и не бывает, что меньшинство всегда и везде подчиняется большинству. Да, но большинство большинству рознь, а кроме того бывает пропорциональное представительство. Нельзя не обратить внимания, что ЦК выбран одной только частью партии и потому носит односторонний характер»². Исходя из этих соображений, Плеханов считал возможным во имя восстановления «нарушенных прав» внутрипартийной демократии согласиться на требование оппозиции ввести двоих представителей в состав ЦК путем кооптации.

Плеханов не находит однако в себе достаточной смелости, чтобы до конца защитить высказанный им только что взгляд на построение партии по федеративному принципу. Плеханов, сам себя считая «нейтральным»³, занимает свойственную центристу межеумочную позицию. На деле же, поддерживая требование кооптации, капитулирует перед оппозицией, беспомощно плетется в хвосте организационного оппортунизма, санкционирует взгляд на партию, как на сумму различных политических оттенков.

Примиренчески настроенные члены ЦК не повели, подобно Ленину, решительной борьбы, против такого рода попыток привить партии чуждые большинству организационные принципы мелкобуржуазного демократизма. В этом и заключалась одна из решающих причин их постепенного скатывания к оппортунизму. Если нормальные внутрипартийные отношения мыслятся, как механическое равновесие разных политических оттенков, то отсюда, разумеется, вытекает требование построить партию на таких парламентарно-демократических началах, чтобы за каждым членом партии была обеспечена «свобода» этого оттенка.

«В нашей партии,—говорит на том же заседании Мартов,—нет группы Южного рабочего, нет группы Рабочего дела, обе группы закрыты съездом и третировать определенных товарищей именем их прежней группы—значит подтверждать, что в партии для ЦК есть неполноправные члены. «Болота» в партии я не знаю, [не знаю] насколько уместно в Совете

¹ «Шаг вперед, два шага назад». Ленин, Соч., т. VI, стр. 332.

² X Лен. сб., стр. 200.

³ См. там же, ниже: «Правда, я теперь совершенно нейтрален»,— говорит Плеханов.

называть этим именем членов партии. Как может ЦК завоевать доверие всей этой части партии, когда он их так третирует?»¹

Призыв Мартова не «третировать» эти элементы с целью «завоевать их доверие» означает не что иное, как проповедь «мягкости», «тактичности» в обращении с политическим противником. Плеханов, как мы знаем, сам проникся в конце концов уважением к «демократическим» традициям², которые щедрой рукой стремился привить партии Мартов, и восстал против ленинской «неуместной резкости», против приемов борьбы, «à la Собакевич» и пр.

Преклонение перед «чистой» внутрипартийной демократией еще в более яркой форме обнаруживает Аксельрод. Вот как он представляет себе «нормальный» путь улаживания внутрипартийных конфликтов: «Но я знаю,—говорит он,—что в цивилизованных странах Запада, даже в буржуазных партиях, *а тем более* (?! Курсив наш.—Д. К.) в социал-демократии, столкновения,—раз они происходят не на почве программы и тактики между частью членов и центральными учреждениями,—улаживаются обыкновенно путем мирных переговоров и соглашений представителей обеих сторон»³.

У преддверия первой русской революции, с усилением массового рабочего движения, росла политическая активность русской мелкобуржуазной демократии, которая, просачиваясь в ряды партии, выступала с претензией на руководство российским пролетариатом. Не случайно политические страсти с наибольшей силой разгорелись вокруг организационных вопросов.

Меньшевизм, по признанию самого же Мартова, объединил различные политические «оттенки» против Ленина на основе одного существенного расхождения с Лениным по вопросу внутрипартийного режима. По Мартову, Аксельроду, а позднее и Плеханову этот режим должен был быть лишь дальнейшим углублением и развитием принципов парламентаризма и формальной демократии, присущих передовым европейским странам.

Когда Аксельрод в 1912 году выдвинул лозунг «европеизировать» характер русской социал-демократии⁴, т. е. «организовать ее на тех же началах, на каких зиждется партийный строй европейской социал-демократии»⁵, Ленин со всей решительностью выступил против этого требования, назвав его «гвоздем» ликвидаторского оппортунизма. Сущность

¹ Х Лен. сб., стр. 219. Сравни приведенную нами выше выдержку из письма Г. М. Кржижановского Ленину и Ленгнику от 13 октября 1903 г.: «...для нас нет никаких групп».

² Вопреки тому, что говорил он еще на II съезде: «...И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться...» («Протоколы II съезда», стр. 157).

³ Х Лен. сб., стр. 217. Сравни с приводившейся нами выше выдержкой из письма Г. М. Кржижановскому Ленину и Ленгнику от 13 октября 1903 г.: «...Здесь публика (т. е. здешние меньшевики.—Д. К.) все-таки держит себя куда корректнее и выдержаннее».

⁴ Такой же лозунг поддерживал и Троцкий.

⁵ Статья Аксельрода в «Нашей заре» № 6 от 17 мая 1912 г.

ленинского возражения сводилась к тому, что между эпохами с завершенной и незавершенной буржуазной революцией существует принципиальное различие. Россия стояла накануне очередного общеполитического кризиса всей феодально-помещичьей системы царизма, а потому руководство классовой борьбой пролетариата ни в коем случае нельзя было перенести на парламентарную почву, с перенесением в область внутрипартийных отношений приемов и навыков парламентарного демократизма.

Вследствие отсталости России и варварских форм ее общественно-политического строя, российский оппортунизм—во всех его разновидностях—представляет собою, по выражению Ленина, «болезнь, так сказать, злокачественную, приносит гораздо больше вреда делу пролетариата и делу революции»¹. Необходимость отчетливого отмежевания пролетариата от многочисленных мелкобуржуазных попутчиков, проводников классово-враждебного влияния на пролетариат, эта необходимость далеко не была еще ясна даже тому кругу партийных работников, который находился в наиболее частых соприкосновениях с Лениным. Плохо усвоена была ближайшей к Ленину партийной группой (русская часть ЦК) также и та его мысль, что четкое отмежевание от попутчиков внутри пролетарской партии необходимо произвести в интересах наиболее последовательного осуществления *демократического переворота*, в интересах наиболее непримиримой борьбы против *какой бы то ни было уступки либерализму*.

Формы внутрипартийного строительства должны были быть подчинены основным интересам классовой борьбы пролетариата—его диктатуре. Организационные идеи Ленина были теснейшим образом переплетены с тактическими задачами революционной русской социал-демократии. Мысль о создании у нас могучей пролетарской партии с авторитетным и твердым руководством, которое гарантировало бы неповторение с российским пролетариатом того, что случилось в 40 и 60-х гг. с германским пролетариатом,—эта мысль бесспорно, красной нитью проходила через всю деятельность Ленина в области организационного строительства партии.

Не случайно поэтому, что оппортунизм в организационных вопросах неизменно перерастал в условиях внутрипартийной борьбы 1903—1905 гг. в оппортунизм по принципиальным тактическим вопросам. Не случайно то, что малейшая недооценка организационных и тактических задач революционной социал-демократии, малейший отрыв формы от содержания внутрипартийной работы создавали благоприятные условия для примиренчества, как одной из разновидностей оппортунизма.

2. ПРИМИРЕНЧЕСТВО 1905 Г. КАК РЕЦИДИВ МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ НЕУСТОЙЧИВОСТИ

Воспевая «цивилизованные страны Запада» и буржуазные партии с их «европеизированными» приемами внутрипартийной политики, Аксельрод заканчивает приведенную нами выше речь следующим практическим

¹ Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 348.

предложением по адресу ЦК: «ЦК должен созвать представителей от оппозиции, вместе с ними обсудить положение дел в партии, взвесить все опасности для нее этого положения, его обязанность пойти навстречу желаниям «меньшинства», составляющего значительную часть партии, и путем обоюдного компромисса (курсив наш.—Д. К.) восстановить в ней мир и тем самым приобрести то доверие к себе, которое так необходимо для нормального и успешного развития нашей партийной жизни»¹.

Итак, «путь обоюдного компромисса»—вот та всеспасающая формула внутривнутрипартийного мира, состряпанная такими мастерами меньшевистской кухни, как Аксельрод и Мартов. Это была однако фраза. Логика реальной внутривнутрипартийной борьбы заставила лидеров оппозиции на каждом шагу изменять своему красивому примиренческому жесту. «Мы не можем не понимать,—говорит на том же заседании Совета партии Мартов,—что те или иные формы борьбы определяются не этическими представлениями о допустимости, а тем фактическим положением, в котором оказывается та или иная сторона. Сам представитель ЦК категорически заявил нам, что бывают положения, когда «исключительные меры» дозволяются, следовательно, попытка классифицировать, какие формы борьбы допустимы, была бы бесплодной»².

Рыцари «чистой» демократии тем и замечательны, что мечту они принимают за действительность. Воздыхая о «чистой» демократии, нарушая под ударом конкретной логики борьбы на каждом шагу этот «священный» принцип, они тем не менее продолжают преклоняться созданному в их собственном воображении фетишу, готовые вновь и вновь принести в жертву ему живую действительность.

Больших трудов и усилий стоило Ленину преодолеть рецидив пацифистских иллюзий среди членов ЦК в новой обстановке, сложившейся в период между III и IV съездами, когда избранный на III съезде ЦК³ сбился с ленинского пути на аксельродовский, воспринявши оппортунистическую идею «обоюдного компромисса». III съезд, знаменуя собой крупную победу большевиков в их борьбе с дезорганизаторами партии, не положил, как известно, предела внутривнутрипартийному расколу. Борьба за организационные принципы партийного строительства не прекратилась, вступив лишь в новую фазу своего развития. Средоточие свое эта борьба получила теперь в двух новых центрах: в ЦК, избранном III съездом (в Лондоне), и в Организационной комиссии, избранной на женеvской меньшевистской конференции.

Каждый из этих двух центров—ЦК и ОК—должен был следовать в своей практической работе тем организационным нормам, которые нашли

¹ X Лен. сб., стр. 218. Сравни след. место из речи Мартова: «Всякая европейская с.-д. партия знает, как в таких случаях наличности конфликта у центра с значительной частью партии разрешить его на товарищеских началах». (Там же, стр. 220.)

² Там же, стр. 243.

³ В составе В. И. Ленина, Л. Б. Красина (Винтера), А. А. Богданова (Вернера), А. И. Рыкова (Власова, Алексея) и Д. С. Посталовского (Александра).

свое выражение в двух принципиально различных по содержанию уставам, принятых в Лондоне и Женеве. В то время как большевистский устав, принятый на III съезде, отражал основную ленинскую идею «организации плана»,—женевский меньшевистский устав был целиком построен на принципе «организации—процесса». Коренное различие этих принципов неизбежно должно было вызвать новую борьбу за торжество того или другого из них. В свою очередь, методы и приемы борьбы, практиковавшиеся каждой из борющихся сторон, точно так же неизбежно должны были отражать те отправные положения, которые лежали в основе организационных взглядов той и другой стороны.

Большевики, в борьбе за торжество своих организационных идей, мыслили себе единственно достойный последовательного революционера путь разрешения организационных разногласий способом их *преодоления*: либо противная сторона должна подчиниться решениям III съезда, признав его законным, и партийное единство обеспечивается тогда *слиянием* двух частей организации на основании устава, принятого III съездом (принцип: подчинение меньшинства большинству); либо противная сторона продолжает отстаивать свои организационные нормы,—и тогда спорные вопросы решаются открыто, на съезде, обеспечивающем широкое поле идейной борьбы. Предварительным условием созыва такого объединительного съезда должно—в последнем случае—быть отчетливое организационное размежевание двух частей партии путем созыва в одно время и в одном месте двух самостоятельных съездов. (Принцип: сперва разъединиться,—потом объединиться.)

Впредь же, до объединительного съезда, может фактически идти речь лишь о временном *соглашении*, а не о полном слиянии.

Меньшевики, исходившие в борьбе за свои организационные принципы из идеи «организации—процесс», представляли себе путь объединения двух частей партии совершенно иначе:

1) Вместо принципа *преодоления* разногласий они выдвинули аксельродовско-мартовский принцип *компромисса*, т. е. «взаимных уступок»; 2) вместо принципа *подчинения* партийного меньшинства большинству они защищали анархистскую точку зрения *соглашения* между членами одной и той же партийной организации; 3) отказываясь от созыва объединительного съезда и настаивая на *немедленном* слиянии, они вносили элементы расплывчатости и рыхлости в партийный организм, лишая его идейной однородности и монолитности (взгляд на партию не как на единое целое, а как на сумму оттенков).

Переговоры об объединении двух частей партии начались вскоре после III съезда и велись с организационной комиссией при посредстве двух членов ЦК—Красина и Богданова. В № 107 новой «Искры» был напечатан протокол первых двух совещаний ЦК с ОК по вопросу об условиях, которые могли бы лечь в основу предполагавшегося объединения. В результате этих переговоров члены ЦК пошли на очень широкие уступки меньшевикам, став таким образом на аксельродовско-мартовскую

точку зрения «обоюдного компромисса». Подробности этих переговоров, напечатанные в V «Ленинском сборнике»¹, дают возможность ознакомиться со всеми деталями условий, выдвинутых той и другой стороной. Принципиальная сущность этих условий изложена была нами выше. Сейчас мы ограничимся лишь выдержкой из письма Ленина Центральному комитету от 14 августа 1905 г., из которой видно, с какой силой обрушивается Ленин на допущенное Красиным и Богдановым примиренчество в переговорах с организационной комиссией.

«Ваш ответ Организационной комиссии,—пишет Ленин,—возбуждает целый ряд недоумений. [Видно, что меньшевики «передипломатили» вполне.] Ничего не могу понять,—хитрите вы, что ли?? Разве вы забыли, что есть прямая резолюция III съезда² о необходимости утверждения условий слияния новым съездом?? Как можно говорить всерьез о кооптации в ЦК при двух конкурирующих органах? Как можно оставлять без ответа допущение двух ЦО, т. е. полный разрыв и устава и решений III съезда??³ Как можно было не поставить меньшевикам принципиального ультиматума в организационном вопросе: (1) съезд вместо плебисцитов, как верховный орган партии; (2) безусловное подчинение партийной литературы партии; (3) прямые выборы в ЦК; (4) подчинение меньшинства (без кавычек) большинству и т. д.»⁴

Только благодаря тому, что примиренческая позиция упомянутых двух членов ЦК подверглась жестокому обстрелу со стороны Ленина,—третье совещание с ОК привело к приемлемым для «большинства» результатам. При переговорах с меньшевиками члены ЦК уже твердо держались данных Лениным директив⁵.

¹ V Лен. сб., изд. 1, стр. 490, примеч. 1, а также Ленин, Соч., т. VIII, стр. 500, примеч. 20.

² Ленин имеет в виду т. н. «тайную резолюцию», принятую III съездом. Вот текст этой резолюции: «III съезд РСДРП поручает ЦК принять все меры к подготовке и выработке условий слияния с отколовшейся частью РСДРП, причем окончательное утверждение таких условий должно быть представлено новому партийному съезду». (Ленин, Соч., т. VIII, стр. 475, примеч. 18). В письме на имя ЦК от 28 июля 1905 г. Ленин дает такое пояснение к тексту этой резолюции: «Нам поручено от III съезда подготовить и выработать эти условия, но не окончательно утвердить их. Исполняя поручение III съезда, мы принимаем посредничество, постараемся выработать подробнейший модус соглашения теперь же и постепенного слияния. Если удастся, соглашение осуществляем тотчас, а план слияния предлагаем IV съезду, который тогда необходимо созвать в одно время и в одном месте с обязательным съездом всех организаций меньшинства». (V Лен. сб., изд. 1, стр. 484.) Примеч. Д. К.

³ Речь идет о требовании меньшевиков допустить существование двух центральных органов — «Пролетария» и «Искры». Другое требование, как мы уже знаем, сводилось к немедленному слиянию двух частей организации. Эти два требования, рассматриваемые совместно, являлись отголоском «освобожденческого» либерализма и означали не что иное, как стремление новокровцев поставить литераторов «вне партии» и «над партией». А это равносильно было сохранению раскола в замаскированном виде. Прим. Д. К.

⁴ V Лен. сб., изд. 1, стр. 488—489.

⁵ О результате этих переговоров и об отношении к нему Ленина см. V Лен. сб., изд. 1, стр. 490—491, примеч. 9.

³ Пролетарская революция № 4 (99)

3. «БОЛТОВНЯ» ПРИМИРЕНЦЕВ И «ВЕРХОВОДСТВО» МЕНЬШЕВИКОВ

В заключение нам остается иллюстрировать на конкретных исторических примерах социально-классовый облик примиренчества, как идейного выразителя давления на руководящее ядро зарождавшейся большевистской партии со стороны мелкобуржуазных группировок, объединившихся под ударом твердого организационного курса Ленина в единый меньшевистский блок.

Мы уже видели выше, что ленинский стратегический план борьбы с оппозицией в основном сводился к необходимости предупредить неизбежное сведение на-нет всех решений II съезда в случае бездеятельности ЦК и пребывания его во власти примиренческих иллюзий: «На натиск мартовцев нужно ответить натиском же (а не пошлым рассусоливанием о мире и т. п.)» ¹—в таких словах Ленин формулирует вкратце содержание своего стратегического плана, который, в основном, был выработан им уже к середине сентября 1903 г., когда Ленин в письме к Г. М. Кржижановскому писал, что нельзя уже смотреть «на Егора (Мартова) по-старому», что нужно «готовить решительный отпор» ².

Между тем у членов ЦК, избранного на II съезде, с первых же шагов его практической деятельности стали обнаруживаться нездоровые пацифистские настроения, дававшие повод воинствующей оппозиции направить все свои усилия на то, чтобы вырвать ЦК из-под ленинского влияния и сделать из него орудие проведения планов оппозиции.

Из письма Ю. О. Мартова П. Б. Аксельроду от 31 августа 1903 г. мы узнаем, что оппозиция составила себе уже тогда определенный план организованных действий против Ленина и шедшего тогда еще с ним Плеханова: «Инсарову (Лалаянцу), который пришел ко мне вчера зондировать почву,—пишет Мартов,—я ответил, что когда придут А. Н. (Потресов) и Вера Ив. (Засулич), мы готовы будем беседовать с «победителями» об этих условиях ³, но без посредников» ⁴.

Оппозиция таким образом отказывается вести переговоры один-на-один с противной стороной, а предпочитает действовать сплоченно, как фракция. Здесь особенно важно подчеркнуть различие подхода к переговорам о мире со стороны Ленина и Мартова. Ленин смотрит на переговоры, как на возможность добиться мира в партии путем *личных* уступок; Мартов же сразу стремится придать этим переговорам *политический характер* и, действуя франкционно, добиться *политических* уступок. Месяц спустя, 30 сентября 1903 г., Ленин в письме А. М. Калмыковой дает следующее освещение этому образу действий оппозиции: «И когда Вы мне

¹ Лен. сб., стр. 327.

² VI Лен. сб., стр. 210.

³ Речь идет о предложении кооптировать старую редакцию под условием предоставления одного места в Совете представителю «большинства». Это предложение исходило от Носкова (Глебова) и было принято Лениным и Плехановым. Примеч. Д. К.

⁴ «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 87. Ниже Мартов пишет: «Жду А. Н. и Веру Ив., чтобы выработать план кампании».

напоминаете: вина *должна* быть и у Вас,—я отвечаю: личной не думаю и отрицать, но корректива *политического* требовать за сие не доводится. Именно в том и безвыходность, полная безвыходность положения, что за сумму личных обид, личных недовольств составом центров, они требуют корректива политического» ¹.

Из дальнейших строк письма Мартова видно, что он ожидал «через неделю-две» приезда члена ЦК, Ленгника, связывая его приезд с надеждой на то, что «его присутствие облегчит дальнейший ход дел» ². Тут же Мартов еще более определенно высказывает свои суждения о русской части ЦК: «Имея в виду, что никакой русский ЦК *à la longue* не согласится на роль прихвостня, можно быть уверенным, что большинство в Совете скоро уйдет из рук Ленина» ³. План Мартова относительно политической изоляции Ленина путем воздействия на русскую часть ЦК раскрывается в этих строках достаточно красноречиво.

Спустя две недели Мартов в другом своем письме Аксельроду от 13/IX 1903 г. ту же мысль передает так: «Ленин и Плеханов угрожают нам тем, что никаких литературных предприятий нам «не разрешат», а против нашего «бойкота» выступят с буллой об отлучении. Наше настроение от всех этих буффонад не понижается: *все говорит за то, что серьезные с.-д. будут с нами, и что, борясь решительно, мы своего добьемся* (курсив наш.—Д. К.)» ⁴.

Интересно отметить, что уже к тому времени (13 сентября 1903 г.), когда оппозиция ожидала приезда Потресова, для «обсуждения практических шагов на первое время» ⁵ совместно с 16 другими членами оппозиции, присутствовавшими за границей,—Ленин, ничего не зная о подготавливавшемся фракционном оформлении раскола ⁶, пишет, как мы видели, Кржижановскому о необходимости решительно порвать со всякими иллюзиями на мир. Оппозиция же в это время возлагала большие надежды на русскую часть ЦК, рассчитывая склонить ее на свою сторону. Действительно, в том же своем письме Аксельроду от 13 сентября Мартов пишет: «Теперь, с приездом Старовера (Потресова.—Д. К.), мы сообщая (нас тут 16 человек) обсудим практические шаги на первое время, пошлем человек 6 в Россию и *будем бомбардировать ЦК предложениями об утверждении нашей литературной группы*» ⁷ (курсив наш.—Д. К.).

На основании двух других документов мы можем утверждать, что Ф. В. Ленгник был первым из приехавших за границу членов ЦК, который подвергся «обстрелу» оппозиции. В самом деле: 24 сентября 1903 г.

¹ VI Лен. сб., стр. 253.

² «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 87.

³ См. там же.

⁴ См. там же, стр. 92.

⁵ См. там же.

⁶ На состоявшейся между 13 и 20 сентября в Женеве конференции 17 сторонников меньшинства. Об этом см. VI Лен. сб., стр. 246—249.

⁷ «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 92.

П. Б. Аксельрод пишет А. Н. Потресову и Ю. О. Мартову: «...Я думаю, что вопрос о введении новых членов ЦК можно—*в эту минуту*—оставить в стороне, так как, будучи кооптированы, мы можем, в качестве *большинства* редакции, начать систематическое давление на ЦК (а не на Ленина, как теперь, чем поднимем только его авторитет)»¹.

В начале того же письма П. Б. Аксельрод ставит в известность своих коллег «о приезде «начальства»—Ф. В. Ленгника. Сведения о приезде Ф. В. Ленгника сообщил Аксельроду в Цюрих из Женевы А. Н. Потресов в письме от 23 сентября 1903 г. Вот что говорится в этом письме о «начальстве», т. е. о члене ЦК Ленгнике: «Оно, повидимому, сознает тягостность и опасность всего положения и готово было бы пойти на соглашение (по крайней мере, что касается редакции), но сильно опасается Ленина—тот уперся и не хочет слышать о кооптации»². Здесь же еще раз выражается надежда на то, что «нам удастся добиться от ЦК разрешения на образование литературной группы».

«Литературная группа»—это был первый пробный камень, пущенный в ход оппозицией, с целью прощупать настроение русской части ЦК: возьмет ли она твердый и решительный курс по отношению к оппозиции, когда та потребует в качестве «гарантии» в защите своих «прав» создание особой «литературной группы». Бесспорно, у мартовцев было даже намерение «пугнуть» ЦК бойкотом в случае, если бы он проявил достаточную твердость в защите авторитета II съезда и его решений. В своей речи на заседании январской сессии Совета партии Мартов передает следующие подробности о планах оппозиции в первый же период послесъездовского раскола.

«...Практики³ ожидали, что ЦК постарается устранить создавшиеся на съезде затруднения разумными мерами, и не спешили выражать недоверие ЦК за те условия, которыми было обставлено его избрание. Я должен сказать, что ЦК был предупрежден о том, в чем заключается щекотливость его положения как избранного при участии лишь 1/2 съезда и при особых условиях. *Я сейчас же после съезда писал одному из избранных членов*⁴ (курсив наш.—Д. К.), что ЦК, избранный 1/2 съезда, не может рассчитывать на правильный ход своей работы, что он должен *начать с таких мер* (курсив наш. Д. К.), которые сразу исправили бы впечатление, произведенное на партию неожиданными событиями на съезде. Член ЦК мне отвечал, что я могу положиться на ЦК и что тов. Васильев (Ф. В. Ленгник) едет за границу»⁵.

¹ «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 93.

² «Социал-демократическое движение в России», т. I, Госиздат, стр. 105.

³ Речь идет о тех шести членах оппозиции, которые поехали «воевать» в Россию и о которых сообщает Мартов в своем письме Аксельроду от 13 сентября 1903 г. (см. выше), а также Ленин в письме Г. М. Кржижановскому и В. А. Поснову от 5 октября 1903 г. (VI Лен. сб., стр. 273).

⁴ Г. М. Кржижановскому.

⁵ X. Лен. сб., стр. 218—219.

Надежды оппозиции на Ф. В. Ленгника не оправдались. По приезде своем за границу Ленгник, под непосредственным воздействием Ленина, выравнивал свою нерешительную было вначале позицию. Тогда оппозиция решила сосредоточить свои усилия на Г. М. Кржижановском.

Уже в своем письме Ленину от 13 октября 1903 г. Г. М. Кржижановский берет крайне робкий и нерешительный тон по отношению к предложению оппозиции насчет «литературной группы»: «О предложении группы мартовцев,—пишет Г. М. Кржижановский,—будет особый разговор на предстоящем собрании. Тогда и прищем свое решение по этому поводу. Но, по мнению Стита (т. е. самого Кржижановского.—Д. К.), вряд ли это может быть приемлемо при тех условиях, которые они ставят»¹.

Нужно помнить, что это письмо написано было уже после решительного совещания 4 октября 1903 г. с оппозицией, когда она отвергла предлагавшуюся Плехановым и поддержанную Ленгником кооптацию 2-х мартовцев в ЦО. «Условия» же, выдвигавшиеся оппозицией, о которых пишет Г. М. Кржижановский и которые он считает всего лишь «вряд ли приемлемыми», заключались в том, что мартовцы требовали... независимости «литературной группы» от ЦО и собственного транспорта!

Любопытно сопоставить отношение ЦК к предложению оппозиции об образовании «литературной группы» с отношением того же ЦК к ленинскому предложению опубликовать немедленно же официальный отказ редакционной четверки от участия в «Искре». Посылая 6 октября 1903 г. это официальное письменное предложение оппозиции от своего имени и от имени Плеханова, Ленин имел в виду использовать официальный отказ оппозиции в целях немедленного же открытия «военных действий». Это опубликование должно было бы, по мысли Ленина, сигнализировать новый этап внутрипартийного раскола, идущий под знаком энергичного наступления против мартовцев. Какое же отношение было проявлено к этому ленинскому предложению со стороны членов ЦК (включая и Ф. В. Ленгника)?

Уже к тому времени, когда у Ленина произошел открытый разрыв с Плехановым, русская часть ЦК продолжает себя тешить примиренческими иллюзиями: Л. М. Книпович пишет, например, 1 ноября 1903 г. в редакцию «Искры»: «Еще раз просим не печатать в 1 номере об отказе сотрудничать. Скажите им, что это будет сделано после опубликования протоколов съезда»². В письме от 12 октября 1930 г. членам ЦК в Россию Ф. В. Ленгник придерживается той же примиренческой политики. К вопросу о немедленном опубликовании официального заявления мартовцев насчет отказа их от сотрудничества в «Искре» Ф. В. Ленгник выражает отрицательное отношение: «...Пусть напечатают после выхода в свет протоколов о съезде,—пишет он: «Может быть, впрочем, мартовцы согла-

¹ VII Лен. сб., стр. 98.

² Там же, стр. 212.

сятся сами отсрочить свое заявление. Старик стоит за немедленное напечатание заявления»¹.

Л. М. Книпович была секретарем бюро ЦК, резиденция которого находилась в Киеве. Письмо ее от 1 ноября 1903 г. характерно еще в том отношении, что оно подтверждает приведенные нами выше документальные свидетельства Мартова и Аксельрода о намерениях оппозиции лицемерно-показным «миролюбием» расположить на свою сторону русскую часть ЦК во главе с Г. М. Кржижановским. В эти хитро расставленные мартовцами сети и попадался русский состав ЦК. Вот что пишет ниже Л. М. Книпович: «Ерема (А. А. Шнеерсон)² здесь, говорят, настроен очень мирно, такое же настроение стало господствовать и в здешнем комитете; говорят, они получили письмо от Мартова с увещанием ничего не предпринимать против ЦК»³.

Точно такую же политическую наивность проявляет в отношении мартовцев и Г. М. Кржижановский. В цитировавшемся уже нами выше его письме Ленину и Ленгнику от 13 октября 1903 г. он впадает в те же примиренческие иллюзии: «Удивляюсь поведению мартовцев,—пишет он: «Здесь публика все-таки держит себя куда корректнее и выдержаннее»⁴.

Ленин неоднократно предупреждал русскую часть ЦК, в лице Г. М. Кржижановского, о том, что примиренческие иллюзии, в которых пребывают члены ЦК, служат отличным прикрытием мартовцам для осуществления их раскольниковских планов: «Пока ЦК бормочет о положительной работе,—пишет Ленин,—у него Ерема (Шнеерсон) и Мартын («Волков», Розанов) отбивает Николаев. Это архи-позор и *сотое, если не тысячное, предостережение вам*⁵ (курсив наш.—Д. К.).

В другом письме Ленин настоятельно советует Кржижановскому приехать за границу «хоть на пару недель, хоть на одну неделю». «Это дало бы очень, очень много, взглянуть à vol d'oiseau (с высоты птичьего полета.—Д. К.) на все, посмотреть на очаг кипения, добиться полного взаимопонимания»⁶.

Надежды Ленина сбить Г. М. Кржижановского с примиренческой

¹ VII Лен. сб., стр. 80—81.

² Это был один из той «шестерки», которая была послана заграничными лидерами оппозиции в Россию — и в первую голову в Киев — для завоевания местных комитетов. Ленин на это тотчас же реагировал след. письмом Г. М. Кржижановскому и В. А. Носкову от 5 октября 1902 г.: «Война объявлена, и они (Люба [Л. Н. Радченко], Кости [Р. С. Гальберштадт] и Ерема [А. А. Шнеерсон]) едут уже воевать в Россию: готовьтесь к легальнейшей, но отчаянной борьбе». (VI Лен. сб., стр. 273).

³ VII Лен. сб., стр. 212. Сравни с речью Мартова, приведенной нами выше. «Практики ожидали, что ЦК постарается устранить создавшиеся на съезде затруднения разумными мерами, и не спешили выразить недоверие ЦК за те условия, которыми было обставлено его избрание (X Лен. сб., стр. 218—219).

⁴ Там же, стр. 96. Позднее, 4 января 1904 г., Ленин писал Г. М. Кржижановскому: «... Я прямо скажу, что взбешен я робостью и наивностью Лэни (Кржижановского) до чертиков» (X Лен. сб., стр. 127).

⁵ X Лен. сб., стр. 127. Из письма Ленина Г. М. Кржижановскому от 4 января 1904 г.

⁶ VII Лен. сб., стр. 102. Письмо Ленина Г. М. Кржижановскому от 20 октября 1903 г.

позиции оказались однако тщетными. Вызванный Лениным за границу Г. М. Кржижановский был поставлен лицом к лицу с фактом самостоятельной кооптации Плехановым четырех редакторов «Искры». Полная капитуляция Плеханова, видимо, сильно поколебала и без того примиренчески настроенного Г. М. Кржижановского и он, обладая полномочиями всех остальных членов русской части ЦК, был, бесспорно, против того решительного шага, который был предложен Лениным в качестве контрудара на измену Плеханова: взятие Центральным Комитетом в свои руки «Искры»¹.

Косвенным путем мы можем восстановить некоторые подробности того, что происходило между Лениным и Кржижановским во время обсуждения «Неизданного заявления», представлявшего собой проект решения ЦК взять в свои руки «Искру». В письме Г. М. Кржижановскому от 4 января 1904 г. Ленин, касаясь этого события, дает ему следующее освещение:

«Для меня ясно,—пишет Ленин,—что та травля, коей мы боялись, если б я взял один Искру, пошла и теперь...»². Из этих слов Ленина видно, что уже во время ноябрьского совещания (точнее: 27 ноября 1903 года) членов ЦК по поводу обсуждения предложенного Лениным проекта «Заявления» среди обсуждавших возникло разногласие: высказаться ли за это предложение, или против. Видимо, Ленин тогда уже предвидел, что отклонение этого предложения и более уступчивая позиция по отношению к мартовцам не в состоянии будет все равно пресечь той «травли», которую поднимет оппозиция против ЦК.

Более определенные сведения мы имеем о позиции представителя русской части ЦК Г. М. Кржижановского к тому времени, когда он собирался уезжать обратно в Россию. Вот что свидетельствуют об этом Мартов, Аксельрод и Плеханов в своих выступлениях на январской сессии Совета партии:

«Тов. Травинский³,—говорит Мартов,—заявил нам при отъезде, что он считает своим политическим долгом добиться согласия ЦК на кооптацию. Никакого разрыва—после отклонения нами «ультиматума»—не произошло, и тов. Травинский, уезжая, просил считать, что примирительные попытки еще не закончились ультиматумом ЦК»⁴.

В другой своей речи Мартов передает дополнительные подробности поведения Кржижановского накануне его отъезда обратно в Россию: «Как секретарь Совета,—говорит Мартов,—я утверждаю, что замечания тов. Травинского были сделаны официально на заседании Совета. Категорическое заявление его гласило: он убедился здесь, что ЦК было сделано много

¹ См. «Неизданное заявление». VII Лен. сб., стр. 277—278. «Заявление» заканчивается следующими словами: «Поэтому ЦК берет в свои руки ЦО Партии и объявляет, что он всеми силами будет добиваться, чтобы воля Партии в целом, а не заграничной Лиги и не отдельного лица, определила будущую судьбу Партии» (стр. 278).

² X Лен. сб., стр. 128.

³ Г. М. Кржижановский. — Д. К.

⁴ X. Лен. сб., стр. 227.

ошибок и он считает своей обязанностью добиться того, чтобы ЦК возможно скорее осуществил все требования оппозиции, причем надеется, что оппозиция сохранит прежнюю тактику пассивного «бойкота» ¹.

Плеханов и Аксельрод в своих выступлениях на той же сессии подтверждают заявление Мартова: «я хорошо помню,—говорит Плеханов,—неоднократное заявление Травинского: «вы кооптируете всех этих лиц и, пока вы там, мы совершенно спокойны» ². Согласно же утверждению Аксельрода «тов. Травинский сказал, что он уезжает с твердым убеждением, что такого рода кооптация (в ЦК.—Д. К.) будет произведена» ³.

В официальном отношении от 22 декабря 1903 г. редакции ЦО на имя ЦК явно противопоставляются друг другу две части ЦК: русская и заграничная. Вот что читаем, например, мы в пункте 6 этого отношения: «что такими действиями члены ЦК тов. Ленин и Васильев (Ленгник) явно преследовали цель вызвать открытый партийный скандал и затруднить действия *той части ЦК, которая пытается провести тактику объединения партии и улажения вызванного съездом конфликта...*» ⁴ (курсив наш.—Д. К.).

О том, как примиренческое настроение российских цекистов было великолепно использовано Мартовым в фракционных целях, красноречиво говорит нам другое официальное письмо Мартова на имя заграничного представителя ЦК Ленгника. В постскриптуме Мартов не без злорадства замечает:

«Ввиду того, что ваше письмо ⁵, повидимому, должно открыть новую эру «недоразумений», мы настоятельно просим вас немедленно дать нам возможность снестись непосредственно с бюро ЦК в России, как нам было рекомендовано тов. Гансом (Кржижановским) для таких случаев» ⁶.

Вероятнее всего этот или аналогичный случай имеет в виду Ленин, когда он дает Г. М. Кржижановскому следующие энергичные директивы: «...Писать в ЦО от ЦК из России—верх нетактичности. Обязательно все вести не иначе как *через* заграничного представителя ЦК...» ⁷. «Ты тут отчаянно путаешь и если напишешь одно неосторожное слово, то все пойдет в печать с архи-скандалом» ⁸, предупреждает Ленин Г. М. Кржижановского в том же письме. Примиренческая расхлябанность русской части ЦК заставляет Ленина обрушиться на Г. М. Кржижановского со следующими полными негодованиями строками:

«Неужели Лань (Кржижановский) забыла уже, что Мартов—тряпка в руках пройдох? И после этого разговаривать еще об отношении Мар-

¹ X Лен. сб., стр. 241.

² Там же, стр. 230.

³ Там же, стр. 231.

⁴ Там же, стр. 91.

⁵ Речь идет о письме Ленина от лица Ленгника — редакции «Искры» от 12 декабря (См. X Лен. сб., стр. 50.) Примеч. Д. К.

⁶ X Лен. сб., стр. 55.

⁷ Там же, стр. 127.

⁸ Там же.

това и Жоржа (Плеханова) к Лани и Нилу (Носкову)! Обидно читать эту наивность. Во-первых, и Мартову и Жоржу начхать на всех Ланей и Нилов. Во-вторых, Жорж вовсе затерт мартовцами и прямо говорит, что они его не слушают (да это и так ясно видно из Искры). В-третьих, повторяю в сотый раз, Мартов есть ноль. Отчего это милейший добряк Ганс (Кржижановский) не подружился здесь с Троцким, Даном и Натальей Ивановой? Напрасно, миляга, опустил этот «шанс» (последний шанс) к «искреннему», «доброму миру»... Не умнее ли будет писать письма прямо этим «хозяевам», чем проливать пустые слезы в жилет тряпичной Мартуше? Попробуй-ка напиши, это тебя отрезвит! А пока не написал им и не получил самолично от них плевка в рожу, до тех пор не приставай к нам (или к ним) с «миром». Мы-то здесь ясно видим, кто *болтает* и кто *верховодит* у мартовцев»¹.

Небезынтересно привести оценку последствий примиренческой позиции цекистов, данную самими же меньшевиками, значительно позже, когда усилиями Ленина и зарубежных большевиков созданы были, в противовес официальным центрам, два фракционных большевистских центра: «Бюро комитетов большинства» (практический центр) и «Вперед» (литературный). В письме от 5 ноября 1904 года, за подписью «За Андрея—Егор», сообщается из Одессы в Харьков следующее:

«Насколько можно выяснить,—читаем мы в этом письме,—ЦК ныне крайне слаб. У него нет денег, нет транспорта, нет людей и нет прочного сочувствия «большинства» в России. По крайней мере Петербург после заявления ЦК высказался за съезд (то же по слухам и в Саратове, Риге и Нижнем-Новгороде) под влиянием агента Ленина (Фидельки)². А ЦК еще не согласился послать туда своего представителя. Вообще надо ожидать, что по энергии проведения своей политики ЦК остается далеко позади твердокаменных. Последние, очевидно, имели свою конференцию, результатом которой является так называемая резолюция 22, требующая съезда, как единственного средства спасения»³. «Агитация за съезд таким образом не прекращается»,—сокрушенно признается автор письма.

* * *

Подведем итоги изложенному.

1) Исторический генезис примиренчества приводит нас в выводу, что, зарождаясь в недрах революционного крыла социал-демократии, оно представляет собою особую разновидность оппортунизма.

2) Примиренческие идеи, *не выходя сперва из круга организационных вопросов*, таили в себе, в зародышевом виде, семена будущих разногласий по *принципиальным* вопросам программы и тактики революционной социал-демократии.

¹ Там же, стр. 128.

² З-мл чки, которая, в качестве члена Бюро комитета большинства, совершала объезд местных комитетов с целью агитации за III съезд. Примеч. Д. К.

³ Одесский краевой исторический архив. Дело № 90, 1905 г., фонд охранного отделения, стр. 2—3.

3) Ленинский организационный план партийного строительства, развитый им еще в «Что делать» и в «Письме к товарищу», фактически означал уже принципиальный разрыв с фетишем буржуазной демократии и провозглашение таких форм внутрипартийных отношений, которые отвечали новому содержанию классовых боев в грядущей буржуазно-демократической революции в России, руководимой пролетариатом.

4) Экономизм акимовского толка впервые противопоставил ленинскому «твердому» организационному плану «обычный» «европейский» тип внутрипартийной демократии, равняющейся по западно-парламентарному аранжиру.

5) В промежутке между этими двумя диаметрально-противоположными системами организационных идей находился межеумочный, колеблющийся то вправо, то влево центризм.

6) «Мягкий искризм» был первой исторической разновидностью центризма в организационных вопросах, слившийся, в меру своего упорства, с экономизмом в единый меньшевистский блок.

7) Плехановский центризм, окрашенный сперва в боевой примиренческий цвет, не устоял долго на своей «нейтральной» пацифистской позиции и воссоединился со своим оппортунистическим прародителем—акимовщиной.

8) Центризм в рядах российских цекистов периода 1903—1905 годов представлял собой «стыдливую» разновидность плехановского примиренчества. Он прикрыт был защитным цветом узкого практицизма и «деляческой» теории «малых дел».

9) Все эти разновидности оппортунизма представляли собой—в большей или меньшей степени, в явной или скрытой форме—идеологическое давление со стороны мелкобуржуазной стихии на пролетариат и его партию.

Д. Кардашев

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ РАБОТЫ НАД ИСТОЧНИКАМИ ПО НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ ЛЕНИНА

Важнейшей задачей в области научной биографии Ленина является проработка истории формирования и развития основных идей Ленина, складывавшихся в определенных исторических условиях,—применения и осуществления их Лениным и нашей партией в повседневной практической деятельности.

Эта задача, требующая внимательнейшей и серьезнейшей работы ряда научных работников, может быть осуществлена не в один или два года, а в несколько лет. Этому вопросу будет, очевидно, посвящен еще ряд статей и заметок, которые позволят со всей тщательностью приступить к составлению монографий по основным вопросам ленинизма.

Отдельные попытки собрать биографический материал о Ленине в значительной своей части не отвечали хотя бы в малейшей степени основным требованиям научно-исследовательских методов работы. Стремясь охватить всего Ленина, всю его жизнь и деятельность, авторы обычно пасовали перед трудностями или давали общие обзоры по типу хрестоматий, включая туда зачастую совершенно искажающий факты материал. Часть авторов задавалась более скромной целью: собрать материал и осветить отдельный участок, отдельный период, а иногда отдельный эпизод из жизни Ленина, но и здесь, за редкими исключениями, мы в основном имеем простые, рассчитанные на рядового читателя брошюры, ибо и здесь материал был настолько обширен, что авторы не могли переварить его в сжатом, отвечающем всем требованиям научного исследования очерке.

Во всех таких попытках мы видим элемент кустарничества, разбросанность, отсутствие какого-либо определенного плана, а иногда просто хаотичность или спекуляцию на имени Ленина, как на особо ходкой литературе. Тысячи брошюр, десятки тысяч различных статей о Ленине во всех без исключения журналах, газетах, на всех языках всех народностей ежегодно издаются во всех частях нашей земли. Ленин трактуется вдоль и поперек, «разбирается по косточкам» и как охотник, и как рыболов, как физкультурник, и т. д., и т. п.

В этом море бумаги, миллиардах букв и знаков разве только одна сотая, а то и тысячная часть действительно отвечает своему назначению.

Разобраться в этом потоке литературы, выловить из него самое ценное, существенное и необходимое, дополнить другими материалами,

критически проверить все написанное о Ленине, создать на основе этого коллективный научный труд по биографии—задача каждого биографа, каждого лениноведа.

В нашей статье мы постараемся наметить в основных чертах методы работы над различными источниками, которые могут и должны быть использованы в той или иной степени при разработке отдельных фактов, относящихся к жизни и деятельности Ленина.

Таковыми источниками являются, с одной стороны, документы, а с другой—многочисленная мемуарная литература о Ленине.

К документным источникам должны быть отнесены статьи, заметки, письма и др. рукописи самого Ленина; материалы различных съездов, конференций, совещаний; официальные документы о Ленине (дела департамента полиции, жандармские дела, дела министерства народного просвещения, военной цензуры о брошюрах и статьях Ленина, метрики, прошения, объявления о митингах и рефератах Ленина и др.), полемические статьи других авторов, рецензии о работах Ленина, письма других лиц о Ленине и другие источники.

I

Документы вообще, а документы Ленина в особенности, являются основным источником фактических данных о жизни и работе Ленина. Помимо этого документ может служить источником проверки различных фактов, имеющих в других материалах (письмах других лиц о Ленине и воспоминаниях). Однако использование отдельных фактов из самих же документов, в особенности жандармских донесений, требует также перекрестной проверки их по другим источникам.

Безусловно, основным источником в работе по научной биографии в смысле изучения развития идей Ленина являются статьи и произведения самого Ленина.

Для выяснения методов мышления Ленина и развития его идей характерно именно то, что он во всех основных вопросах, определяющих практические задачи и тактику нашей партии на ближайший период, почти всегда использовывал свои прежние работы, проверяя свои прежние выводы, анализируя, углубляя и дополняя их в связи с новыми задачами, новыми объективными условиями данной эпохи, данного отрезка времени.

Вот почему статьи Ленина являются кроме их непосредственного значения неоценимым автобиографическим источником.

В этом отношении достаточно показательно использование Лениным в своих же работах своей брошюры «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Отдельные места этой брошюры Ленин развивает не менее чем в *пятнадцати* других статьях за 1905—1909 и 1917 годы. Так, он говорит о ней в статье «Бойкот Булыгинской думы и восстание» (Сочинения, т. VIII, стр. 147—18); в предисловии к третьему изданию брошюры «Задачи русских социал-демократов» (август 1905 г.) Ленин, например, пишет: «Современным задачам нашей партии посвящена мной бро-

шюра: «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (Женева, 1905 г.). Из сопоставления обеих брошюр читатели могут составить себе суждение о том, последовательно ли развивались взгляды автора относительно общих задач социал-демократии и специальных задач данного момента» (т. VIII, стр. 178). Затем Ленин ссылается на брошюру в статьях «Игра в парламентаризм» (т. VIII, стр. 225), «Буржуазия сытая и буржуазия алчущая» (т. VIII, стр. 265), «Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии» (1906 г.) (т. IX, стр. 294), «Обывательщина в революционной среде» (т. X, стр. 107). В последней статье, написанной в конце ноября 1906 года, Ленин приводит следующую выдержку из брошюры «Две тактики»: «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии».

Эту цитату Ленин сопровождает следующими словами: «Это писано в 1905 году летом. Теперь ставка в борьбе крупнее, задача более трудная, битва предстоит более острая. Надо парализовать неустойчивость всякой, в том числе интеллигентской, в том числе и крестьянской буржуазии. Надо присоединить к пролетариату массу способной на решительную революционную борьбу крестьянской бедноты. Не наши желания, а объективные условия *поставят* перед «новым подъемом революции» именно эти высокие задачи. Сознательный пролетариат должен выполнить свой долг до конца» (т. X, стр. 107).

В дальнейшем Ленин использует брошюру в феврале 1907 г. в статьях «Значение выборов в Петербурге» (т. X, стр. 359), «Тактическая платформа меньшевиков» (т. XI, стр. 81), в сентябре 1907 года—в «Предисловии к сборнику «За 12 лет» (т. XII, стр. 68), в статьях «Цель борьбы пролетариата в нашей революции» (т. XIV, стр. 37 и 42) и «О некоторых источниках современного идейного разброда (т. XIV, стр. 197) (начало декабря 1909 г.).

К своим взглядам, изложенным в брошюре «Две тактики», Ленин возвращается в 1917 году; в своих «Письмах о тактике» (т. XX, стр. 105—107), критикуя позицию Каменева в вопросе оценки буржуазно-демократической революции и перерастания ее в социалистическую, Ленин пишет:

«Охватывается ли... действительность старо-большевистской формулой т. Каменева: «буржуазно-демократическая революция не закончена»?

Нет, формула устарела. Она никуда не годна. Она мертва. Напрасны будут усилия воскресить ее».

И Ленин в следующих словах определяет практические задачи: «немедленное, решительное, бесповоротное отделение пролетарских, коммунистических элементов движения от мелкобуржуазных», считая, «что вся мелкая буржуазия не случайно, а необходимо повернула к шовинизму (=оборончеству), к «поддержке» буржуазии, к зависимости от нее, к боязни обойтись без нее и пр., и т. п.».

И Ленин, возвращаясь к «формуле» диктатура пролетариата и кре-

стьянства, говорит: «не мешает все же вспомнить, что в «Двух тактиках» (июль 1905 г.) я специально подчеркивал (стр. 435 в «За 12 лет»):

«У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии... Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм...

Ошибка т. Каменева в том, что он и в 1917 году смотрит только на *прошлое* революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. А для нее на *деле* уже началось *будущее*, ибо интересы и политика наемного рабочего и хозяйчика на *деле* уже разошлись, притом по такому важнейшему вопросу, как «оборончество», как отношение к империалистской войне».

Наконец, после завоевания власти пролетариатом Ленин говорит о «Двух тактиках» в статьях «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (т. XXIII, стр. 387) и «К истории вопроса о диктатуре» (Собр. соч., т. XVII, 1-е изд., стр. 351—354).

Таких примеров использования Лениным своих статей в других работах можно указать до сотни, если не больше, но помимо этого в ряде статей мы можем найти иногда почти дословное повторение прежних высказываний Ленина в других работах без ссылки на источник.

В статьях Ленина мы находим также чисто автобиографические данные, т. е. те места, где Ленин говорит о самом себе, о своей работе, о беседах с товарищами и т. д. Достаточно хотя бы указать на название таких статей, как: «Почему я вышел из редакции «Искры» и «Как мы доехали» (сообщение, сделанное Исполнительному комитету тт. Лениным и Зиновьевым по поручению товарищей, приехавших из Швейцарии).

В таких работах, как «Что делать?», «Шаг вперед два шага назад», Предисловие к сборнику «За 12 лет», «Детская болезнь левизны в коммунизме» и др., а в особенности в различных речах за советский период, мы найдем целый ряд таких высказываний Ленина о самом себе.

Так, например, в брошюре «Что делать?», написанной в развитие тех мыслей, которые высказаны в статье «С чего начать?», Ленин довольно подробно рассказывает о своей работе в «Петербургском союзе борьбы за освобождение рабочего класса», говоря, правда, в третьем лице (т. IV, стр. 385—387).

По поводу ответа на «Credo» Ленин в этой брошюре уже прямо говорит о своем участии в выработке его. Вот что он пишет:

«Credo» не было выдуманно, но оно было опубликовано помимо воли и, может быть, даже против воли его авторов. По крайней мере, пишущему эти строки, который принимал участие в извлечении на свет божий новой «программы», приходилось слышать жалобы и упреки по поводу того, что набросанное ораторами резюме их взглядов было распространено в копиях, получило ярлык «Credo» и попало в печать вместе с *протестом*» (стр. 375—376). К слову «программы» Ленин делает следующую

щее примечание: «Речь идет о *протесте 17-ти* против «Credo». Пишущий эти строки участвовал в составлении этого протеста (конец 1899 года). Протест вместе с «Credo» был напечатан за границей весной 1900 года».

История с ответом на «Credo» достаточно известна, кроме того, по ряду воспоминаний и не требует поэтому особых дополнительных комментариев. Те «жалобы и упреки», о которых говорит Ленин, как теперь выясняется, содержались в письмах А. А. Якубовой (письмо ее вместе с ответным письмом Ленина публикуется в очередном XIII Ленинском сборнике, стр. 93—112).

Из приведенного выше примера, как мы видим, можно почерпнуть ряд ценнейших автобиографических сведений. А отсюда следует, что вообще все произведения Ленина должны быть изучены также и с этой стороны, т. е. в какой мере они содержат в себе автобиографический материал.

Нуждаются ли эти высказывания Ленина о самом себе в проверке? Безусловно. Там, где Ленин говорит, основываясь на своей памяти, возможны неточности, а иногда ошибки, ибо память далеко не всегда надежный инструмент нашего сознания, но все эти указания Ленина имеют исключительную ценность для изучения его биографии.

Здесь в вышеприведенном примере мы как раз находим некоторую неточность, основанную на памяти. Именно: протест против «Credo» был составлен, как известно, из опубликованных писем Ленина за период ссылки (см. «Пролетарская революция» за 1929 г.), не в конце 1899 года, как пишет Ленин, а в августе—сентябре этого года.

В брошюре «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», учитывающей, как говорит сам Ленин, «русский опыт в связи с некоторыми злободневными вопросами интернациональной коммунистической тактики», мы можем насчитать ряд таких автобиографических мест. В параграфе 5, например, Ленин пишет: «Нападки на «диктатуру вождей» в нашей партии *были всегда*; первый раз я вспоминаю такие нападки в 1895 году, когда формально еще не было партии, но центральная группа в Питере начала складываться и должна была брать на себя «руководство районными группами» (Соч., т. XXV, стр. 191).

В этой же брошюре имеется известный пример, взятый Лениным из своей жизни, а именно: нападение вооруженных бандитов на его автомобиль (Соч. т. XXV, стр. 184).

Мы можем указать еще на заметку Ленина: «Памяти Прошьяна» в XXIII томе (стр. 438), в которой Ленин рассказывает о встречах и беседе с Прошьяном по вопросу о слиянии партии большевиков с партией левых эсеров, и «Несколько слов о Н. Е. Федосееве» (Собр. соч. т. XVIII, ч. 2). В этой заметке Ленин, между прочим, оговаривается, что на точность воспоминаний о Федосееве он не полагается. Он пишет в них: «Я слышал о Федосееве в бытность мою в Казани, но лично не встречался с ним». Ленин рассказывает также о неудавшейся попытке устроить свидание с Федосеевым в г. Владимире, куда он специально приезжал для этой цели».

Из заметки, таким образом, можно заключить, что Ленин вообще не встречался с Федосеевым, а лишь переписывался с ним. Однако в «Записках социал-демократа» Мартова (Изд. «Красная новь», 1924, стр. 336) дается описание встречи Ленина с Федосеевым в г. Красноярске в 1897 году, что подтверждается документальными источниками.

Этих примеров вполне достаточно, чтобы иметь представление о той исключительной ценности использования таких иногда невольных свидетелей Ленина о самом себе.

В статьях Ленина мы находим также много пословиц, поговорок, афоризмов. Все это, конечно, является любопытнейшим материалом, который может быть использован для общей характеристики Ленина.

Большая работа в этом отношении была проделана при составлении предметного указателя к первому изданию Собрания сочинений, выпущенного недавно Институтом Ленина. К сожалению, эта часть не была включена в указатель.

Другим видом документных источников являются письма Ленина. В письмах содержится значительно больше чисто автобиографического материала, чем в статьях. В особенности ценными в этом отношении являются письма Ленина к родным, опубликованные в «Пролетарской революции» за 1929 год¹. По письмам из ссылки (1897—1900 гг.), например, можно проследить шаг за шагом все этапы работы Ленина над книгой «Развитие капитализма в России». Письма эти позволяют уточнить целый ряд фактов и дат из жизни и работы Ленина в ссылке.

Зачастую сохранились лишь письма различных товарищей на имя Ленина, в то время как его письма утеряны или уничтожены. Здесь задача биографа—восстановить по ответным письмам авторов возможно полное содержание их переписки с Лениным.

В каком именно смысле должны быть проработаны произведения Ленина при составлении его биографии?

Во-первых, необходимо изучить все произведения Ленина с точки зрения выяснения всей совокупности общей работы над ними Ленина (подготовка их, проработка источников для них, использование своих прежних работ и т. д.), чтобы тем самым составить и дать исчерпывающее представление об общих методах работы Ленина.

Как особая часть этой научно-исследовательской работы—выявление всех случаев использования Лениным основных произведений Маркса и Энгельса и применение извлеченного из них опыта к конкретной исторической обстановке.

Во-вторых, учет всех фактов из жизни и деятельности Ленина, отмеченных им же самим. Проверка их в тех случаях, когда Ленин говорит, основываясь на своей памяти.

¹ См. №№ 2—3, 4, 5, 6 и 11.

В-третьих, для общей характеристики Ленина—учет всех афоризмов, пословиц и поговорок, употребляемых Лениным в своих статьях. Сюда же следует отнести и изучение стиля Ленина.

В общей работе по биографии Ленина, как мы говорили, необходимо пользоваться и официальными документами о Ленине. Жандармские и полицейские донесения и справки дают очень многое для установления отдельных фактических сторон. Но по отношению к этим источникам более всего необходим критический подход, проверка излагаемых фактов. Достаточно хотя бы указать на то, что жандармерией была приписана руководящая роль в Петербургском союзе борьбы П. К. Запорожцу.

Для биографа нужны точнейшие факты, факты и еще раз факты, ибо только они позволят постепенно составить общий биографический обзор жизни и деятельности Ленина.

Вот почему составление календаря жизни и работы Ленина является необходимой составной работой по научной биографии Ленина. Первый опыт в составлении такого календаря был сделан тов. Гляссер (см. «Записки Института», I и III).

В общей статье говорить более подробно о методах работы над различными документными источниками мы считаем нецелесообразным, ибо это привело бы к излишней детализации и потребовало бы уделить этому вопросу еще ряд страниц. Мы считаем нужным лишь указать на некоторый ценный признак в определении дат отдельных документов Ленина. Там, где казалось бы исчерпываются все возможности установления даты документа, можно прибегнуть к внешнему признаку. В известные моменты Ленин писал на различных сортах бумаги, различными чернилами или карандашом. Иногда даже достаточно этого внешнего признака, чтобы отнести документ к определенному месяцу или году.

Например, любопытна в этом отношении одна тетрадка Ленина с неопубликованными еще заметками по аграрному вопросу. Во второй части этой тетради у Ленина имеются выписки к одной книге, изданной в 1901 году. Уже этот факт казалось бы позволяет нам говорить, что тетрадь эта относится к 1901/1902 году. Между тем, при анализе бумаги выяснилось, что она русского происхождения и изготовлена в Перми. Этот факт сразу же дал возможность выяснить, что первая часть работ Ленина по аграрному вопросу в этой тетради относится к последним годам ссылки, а вторая часть уже к искровскому периоду.

II

Богатейшим материалом для биографии Ленина является мемуарная литература.

В работе по научной биографии Ленина необходима лишь та литература о Ленине, авторы которой освещают отдельные факты из жизни и деятельности Ленина, свидетелями которых они сами являлись.

Значительную часть книг о Ленине составляют хрестоматии и различные компиляции, не имеющие научно-исследовательского значения. Просмотр ряда таких книг показывает, что они крайне небрежно составлены. Путем прикрашивания различных фактов из жизни Ленина, дополненных еще рассуждениями от себя, в результате даются совершенно искажающие действительность изображения отдельных событий.

Довольно значительная часть воспоминаний грешит также указанными недостатками, а иногда прямо ложными повествованиями о тех «фактах» из жизни Ленина, которые никогда не имели места.

Вот почему задача биографа—подойти к каждому мемуарному свидетельству с максимальной критической оценкой в смысле проверки точности изложения фактов путем сопоставления с документными источниками, другими воспоминаниями, опроса живых свидетелей и получения новых объективно составленных воспоминаний от других лиц.

В своей заметке «О принадлежности Ленину статьи—К вопросу о хлебных ценах» (Записки Института, III, стр. 87) мы приводили свидетельства трех авторов, относящихся к одному и тому же периоду из жизни Ленина—проезду в ссылку в начале 1897 года. Два свидетельства (Маслова и Санина) с категоричностью утверждали факт приезда Ленина в Самару и написания им указанной выше заметки, опубликованной в «Самарском вестнике».

На основании этих свидетельств, «подтвержденных» исследованиями Ангарского, доказывалась, что Ленин, якобы, жил в Самаре и там же написал эту заметку. Исследования Ангарского оказались односторонними. Ангарский не привлек воспоминания В. Крутовского, рассказывающего о совместном проезде с Лениным без остановки в Самаре до г. Красноярска. Предпочтение, казалось, следовало бы отдать свидетельствам тех лиц, которые в то время состояли в переписке с Лениным по злободневным вопросам, чем Крутовскому, который до этого не был знаком с Лениным.

Для проверки фактов потребовалось точно проследить весь путь следования Ленина в ссылку, пользуясь для этой цели официальным указателем жел.-дор. и др. путей сообщения за 1897—1898 гг.

В нашем распоряжении не имелось тогда других документов, как-то: писем Ленина к своим родным, которые блестяще подтвердили точность изложения фактов именно в воспоминаниях Крутовского, и ошибочность свидетельства Маслова и Санина.

Тщательный анализ документов и воспоминаний позволил исправить ту ошибку, которая была допущена редакцией Сочинений Ленина, включившей указанную выше статью во II том Сочинений.

Этот факт говорит лишний раз за то, что критическая тщательнейшая проверка воспоминаний и фактов в конечном итоге дает ряд новых ценнейших фактов из жизни и деятельности Ленина, позволяет выявить иногда ряд новых заметок и статей Ленина, исправить допущенные ранее

в этом отношении ошибки и послужить основой к более глубокой проработке отдельных вопросов.

Ниже мы обращаем внимание на отдельные места из различной мемуарной литературы о Ленине, чтобы показать на примерах ряд искажений, ошибок, ложных свидетельств, а иногда простых оплошностей, основанных на небрежностях авторов.

Если мы возьмем известную хрестоматию, составленную З. И. Лилиной—«Великий учитель», вышедшую в нескольких изданиях, мы найдем ряд мест, совершенно искажающих действительность.

В этой хрестоматии в разделе «Жизнь Ленина по воспоминаниям» приведена от первого до последнего слова вымышленная скрывающегося под псевдонимом «Старого коммунара» заметка о детских годах Ленина¹ и такое же ложное свидетельство Д. Бушуева о совместной революционной деятельности с Лениным в гимназические годы. Бушуев, называющий себя «другом и спутником детства Ленина», например утверждает: «Повсюду, где только являлась возможность собраться—на гуляньях, прогулках, в садах, а в зимнее время на катках,—мы собирались своим тесным кружком, где Володя Ульянов ставил вопросы о демократии, о крепостном праве, о тяжелом состоянии рабочего класса. Все эти вопросы нами обсуждались и подвергались оживленным дискуссиям. Уже и тогда Владимир Ильич имел всегда за собою большинство, умея доказать остальным правоту своего взгляда».

В этих кружках принимала участие молодежь—ученики всех сословий, все, кто попадал в поле зрения Володи Ульянова».

В опровержение этого нам достаточно привести следующую цитату из брошюры В. Алексеева и А. Швера—«Семья Ульяновых в Симбирске»: «В то время в Симбирске революционных организаций учащейся молодежи не было; не было их, тем более, в гимназии, где незыблемо и твердо царил консервативно-религиозный порядок».

О том же пишет и А. И. Елизарова в своем очерке о Ленине в энциклопедическом словаре «Гранат».

К сожалению, такие «факты», заимствованные из других воспоминаний, не проверяются составителями, и ими грешит не только сборник Лилиной, но и очерк, составленный т. Ярославским, «Жизнь и работа Ленина», где, например, полностью воспроизведены указанные выше воспоминания Бушуева².

Характерно, как т. Ярославский использует это «свидетельство» Бушуева. Вот что он пишет: «Этот рассказ (А. И. Елизаровой—о занятиях Ленина в селе Кокушкино над «Капиталом» Маркса) заставляет нас с

¹ Как впоследствии оказалось, под псевдонимом «Старый коммунара» скрывался не кто иной, как «его сиятельство светлейший князь» Голицын, арестованный в конце 1925 года на Кавказе. (См. ст. А. Голованова «Допотопное ископаемое» или похождения сиятельного мошенника» в газ. «Терек» от 14 ноября 1925 года, Пятигорск.)

² Ем. Ярославский, Жизнь и работа В. И. Ленин. 23 апреля 1870—21 января 1924. Издание четвертое, исправленное. Гиз. Ленинград—Москва. 1925, стр. 22.

некоторой осторожностью относиться к тому, что вспоминает «Старый коммунар» о том, что Владимир Ильич уже был в это время настоящим марксистом. Однако, рассказ В. Бушуева, с которым Владимир Ильич учился в гимназии, вполне подтверждает, что общественные вопросы целиком занимали в это время голову молодого студента Володи Ульянова.

Здесь т. Ярославский не только «поясняет», но запутывает еще больше, так как измышления «Старого коммунара» относятся к 12-летнему возрасту Ленина, когда он учился в III классе гимназии, а в «воспоминаниях» Бушуева речь идет не о «студенте Володе Ульянове», как вытекает из слов Ярославского, а о последних гимназических годах Ленина.

Много фантастичности также в воспоминаниях П. Ушакова, опубликованных в газете «За мир и труд» № 970 за 1925 г. (Ростов-на-Дону), в которой автор повествует о подпольном гимназическом журнале, где, якобы, была даже статья Ленина «Под ударами царизма».

Насквозь вымышленный рассказ проф. В. Углова «Товарищ Ленин в Симбирской гимназии» («Ленинградская правда» 1924 г. № 66), где автор пишет:

«Вспоминается характерный эпизод, который связывался с именем В. И. Ульянова: когда он на выпускном экзамене обнаружил полную неосведомленность по закону божью, то присутствующий архиерей, узнав об успешности Ленина на других экзаменах, предложил поставить ему удовлетворительный балл, если даст слово, что он всю жизнь будет держать на столе у себя евангелие. Ленин наотрез отказался. Поступок настолько понравился своей прямоотой и честностью архиерею, что он все-таки поставил Ленину «тройку» и пропустил его».

П. Черский в своей заметке «Ленин в «Самарском вестнике»¹ также изощряется в фантазии. Вот что он пишет:

«В результате долгих хлопот и при помощи некоторых «влиятельных» в Самаре и родилась газета «Самарский вестник», в которой Ленин, живший в то время за границей, принимал живейшее участие в качестве «постоянного заграничного корреспондента».

Говоря дальше о том, что цензор обращал внимание только на те заметки, в которых говорилось о местной жизни, автор пишет:

«Этим и пользовался «Самарский вестник», который сплошь состоял из писем из-за границы (часть из них принадлежала перу Ленина) (курсив автора) или серьезных и, по мнению цензора, «скучных» статей, в которых опять-таки освещались вопросы, рожденные (?!) за границей».

Как мы видим, здесь помимо фантазии еще и безграмотность ретивого журналиста, очевидно, никогда не выдавшего в глаза «Самарского вестника».

Что остается сказать по поводу подобного рода апокрифических воспоминаний?

¹ «Пролетарский путь» № 193 (740) от 25 августа 1925 г., Ульяновск. «Из прошлого». П. Черский, Ленин в «Самарском вестнике». (Из воспоминаний журналиста.)

Нам кажется, что в большинстве случаев это является не чем иным, как спекуляцией на имени Ленина, и подобные «воспоминания» должны рассматриваться не иначе как своего рода уголовщина, караемая соответствующими законами.

Неточность в датах, касающихся жизни и деятельности Ленина, зачастую ведет к серьезным ошибкам, а отсюда к искажению действительности, ибо перенесение отдельных фактов в другие условия естественно вносит вредную путаницу.

Зиновьев, например, в своей книге «Ленин»¹ пишет: «Когда тов. Ленин был исключен из Казанского университета, он явился в Петроград... и... Ленин через 1—2 года создает в Петрограде первые рабочие кружки» (стр. 11).

Из этих слов можно было бы сделать вывод, что уже в 1888 году Ленин переехал в Петербург и там организовал рабочие кружки. Наряду с этим, Зиновьев неожиданно заявляет: «Ленин сам участвовал в студенческих народнических кружках» (стр. 7). Сопоставляя эти цитаты, мы должны были бы сделать соответствующий вывод о том, что Ленин был народником, и первые рабочие кружки, которыми он руководил, были народническими кружками. Верно ли это? Безусловно нет!

Это вносит исключительную путаницу, это заставляло бы исследователя искать следы народнической деятельности Ленина, выяснять ту обстановку, вокруг которой могли сложиться подобного рода взгляды Ленина, и искать причины такой резкой перемены воззрений Ленина, перехода его от народничества к марксизму.

Тов. Сольц, используя эти воспоминания Зиновьева, вслед за ним повторяет: «Некоторое время т. Ленин участвовал в народовольческих студенческих кружках»².

Мы не собираемся отрицать, и об этом говорит в своих воспоминаниях Н. К. Крупская, что у Ленина в отличие от других представителей марксистских кружков того времени имелось вначале по вопросу о терроре особое отношение,—но это ни в коей мере не дает право в такой форме, как это делает т. Зиновьев, утверждать, что Ленин был народником.

Вл. Князев, следуя за Зиновьевым, также ошибочно говорит о времени начала работы Ленина в Петербурге:

«Когда в 1891—1892 г. Владимир Ильич Ульянов совместно с Запорожцем, Старковым и др. составили программу кружков по образцу программы германской с.-д., работа в наших рабочих кружках стала более углубленной и правильной»³.

Каменев поправляет:

«В 1894 году В. И. выезжает в Петербург»... Сохранилась первая прокламация, выпущенная кружком тов. Ленина. Это—прокламация к рабочим Семянниковского завода в Петербурге. Теперь трудно даже себе

¹ Г. Зиновьев, Ленин. Гиз. 1924, а также Сочинения Зиновьева, т. XV.

² А. Сольц, Владимир Ильич Ленин. Издание «Рабочей газеты» 1924, стр. 5.

³ Сборник Ленинградского Истпарта «Об Ильиче» 1926 г., стр. 111.

представить, что эта прокламация была выпущена в количестве 4 экземпляров и все эти 4 экземпляра написаны были рукой В. И...¹

Мы видим, что ни одна из приведенных дат не соответствует действительности, так как Ленин приехал в Петербург 12 сентября 1893 года и первое время связался лишь со студенческими с.-д. кружками.

Каменев помимо этого ошибочно говорит, что: «сохранилась указанная прокламация «К рабочим Семяниковского завода». До сих пор рукописи ее не найдено.

Зиновьев заявляет также, что в книге «Развитие капитализма в России» Ленин «первый поставил... на очередь вопрос о власти рабочего класса и поставил его не в отдаленном будущем, а как вопрос самого близкого времени».

«В 1896 году,—продолжает Зиновьев,—т. Ленин написал еще одну замечательную работу: «Задачи русских социал-демократов...» Эта книга является, в сущности, дополнением к вышеуказанному труду «Развитие капитализма в России» (стр. 84—85).

Говоря, или вернее запутывая, так, Зиновьев тем самым совершенно упускает из виду всю прежнюю работу Ленина в марксистских кружках в Самаре, Нижнем-Новгороде, Москве и в Петербурге, когда Лениным была проработана и написана брошюра «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»—это классическое произведение глубокой марксистской мысли, где за 5 лет до выхода в свет книги «Развитие капитализма в России» уже ставился во всей конкретности вопрос о коммунистической революции и захвате власти рабочим классом в России.

Это вполне естественно, так как Зиновьев недооценивает роль и значение Самарского периода для Ленина, считая, что в Самаре Ленин лишь «слегка заразился марксистскими идеями» (стр. 11).

В интересах истины мы должны также сказать, что брошюра «Задачи русских социал-демократов» была написана за 2 года раньше книги «Развитие капитализма в России» и не в 1896, а в 1897 году.

Зиновьев вообще недостаточно критически относится к написанному, иногда преувеличивая и прикрашая факты. В этом отношении мы могли бы указать на стр. 12 книги, где он рассказывает о частых посещениях Ленина в СНК представителями местных советов, которые, дескать, принимали участие в петербургских кружках девяностых годов. Мы думаем, что это могли быть лишь единичные случаи.

Воспоминания Зиновьева приобретают соответствующую ценность с того периода, когда он уже непосредственно был связан с Лениным по совместной работе. Но и здесь субъективизм Зиновьева выпирает наружу. Так, говоря об эпохе реакции, Зиновьев пишет:

«В такие минуты познаются истинные вожди, товарищи! Владимир Ильич переживал тогда, как в сущности и все время (?) своей эмиграции,

¹ Л. Б. Каменев, Великий мятежник, изд-во «Пролетарий», 1925 г., стр. 10—11.

самые чувствительные лишения: жил как нищий¹. Стойко и мужественно стоял он (Ленин) на славном посту... эмигрантская публика... утверждала, что мы—маленькая секта, что нас можно пересчитать по пальцам... изошлялись на тему о том, что де полцарства предлагаем тому, кто назовет четвертое большевистское имя кроме Ленина, Зиновьева и Каменева» (стр. 29).

Все это сказано для красного словца, но придает ли это ценность таким очеркам?

Характерно то, что иногда какой-либо факт, относящийся к жизни Ленина, всячески раздувается, дополняется, отчего в конечном счете теряется всякое значение таких воспоминаний. Для примера возьмем заметку А. Кручиной в «Советской Сибири» № 22 от 27 января 1924 г., воспроизведенную затем т. Ярославским в сборнике «Жизнь и работа В. И. Ленина» (стр. 50).

Вот что пишет автор:

«Вся корреспонденция, получавшаяся на имя Владимира Ильича, просматривалась в Минусинске.

В квартире Ильича очень часто производились обыски, не дававшие, правда, никаких сколько-нибудь существенных для начальства результатов.

Ильич мало обращал внимания на строгий надзор, которым он был окружен...»

Эти факты не соответствуют действительности, ибо корреспонденция получалась Лениным без просмотра, а обыск был произведен лишь один раз. Строгого надзора за Лениным также не было. Все эти измышления произошли из-за того, что автор, зная об обыске, произведенном на основании обнаруженного письма Ленина у ссыльного Зобнина, жившего в Верхоленске, немножечко переусердствовал.

Такие «утверждения» уже заставляют подвергнуть сомнению и другие факты, излагаемые автором в своей заметке, хотя значительная часть из них вполне может соответствовать, а в некоторых случаях и соответствует действительности.

В особенности этими прикрашиваниями страдает ряд воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича, зачастую носящих чрезмерно субъективный характер. Свидетельства В. Д. Бонч-Бруевича, сталкивавшегося с Лениным в практической работе в продолжение ряда лет, могли бы быть ценнейшим материалом для биографа, если бы автор более критически относился к ним, не разбрасывая их в различных и многочисленных мелких очерках в различных изданиях. Целесообразнее было бы, если бы автор тщательно проверил то, что им было написано раньше, чем занимался бы переизданием различного рода брошюр, часто дополняя их новыми «рассуждениями».

Если взять его книжку «Как печатались за границей и тайно достав-

¹ Это, конечно, прикрашено, но более верно, чем говорить так, как К. Радек в своей заметке «Швейцарский период»: — «Он (Ленин) сознательно переносил полную нужду»... (Сборник «Первая годовщина», Московский рабочий, 1925, стр. 107.)

лялись в Россию запрещенные издания нашей партии» (Москва, «Жизнь и знание», 2-е издание, 1927 г.), там, Бонч-Бруевич говорит о брошюре «Шаг вперед, два назад», то по его словам выходит, что рукопись, которую «он так бережно «сохранял», была сожжена в Швеции вместе со всем женевским архивом, куда он все отправил для дальнейшего сохранения. И он обрушивается на шведских с.-д. за их вандализм и т. д. Мы должны сообщить в успокоение т. Бонч-Бруевичу, что рукопись с давних пор хранится в архиве Института Ленина.

В другом месте Бонч-Бруевич рассказывает о своей работе по изданию газеты «Вперед» и о беседе с Лениным по этому поводу:

«Заявив ему (Ленину), что пришел по крайне важному делу, я просил, чтобы во время обсуждения намеченного вопроса решительно никто не присутствовал кроме него и Надежды Константиновны. Я боялся всякого излишнего разглашения о газете, так как знал, что многим появление ее будет не по нутру и могут помешать осуществлению плана.

Владимир Ильич насторожился. Я приступил прямо к делу и заявил ему, что время, когда мы могли пробавляться брошюрами, прошло, что наступил момент, когда мы должны начать издавать газету.

— Газету?—вскочил Владимир Ильич... и т. д.

Из этих слов таким образом вытекает, что вся инициатива издания газеты принадлежала В. Д. Бонч-Бруевичу, а не Ленину.

В опровержение этого мы сошлемся на воспоминания М. Лядова, как раз относящиеся к тому же вопросу и говорящие о той же беседе Ленина с Бонч-Бруевичем.

Содержание беседы Лядов передает в следующих словах:

«Ильич хитро улыбается: ...Бонч пришел ко мне, бончил, бончил целых полчаса, так сладко и картинно рассказывал, а у меня работа спешная. Я ему поддакиваю, лишь бы поскорей душу на покаяние отпустил...»¹.

Мы должны сказать, что, после подобного рода воспоминаний, нужно отдать большее предпочтение рассказу И. М. Владимиров, относящемуся к тому же периоду, написанному простым и вполне понятным языком, говорящему о той исключительной роли, которую играл Ленин в деле создания нашей первой большевистской газеты².

Еще более показательное сравнение Ленина с... Иисусом Христом, которое делает Бонч-Бруевич в своей книжке «Покушение на В. И. Ленина в Москве 30 августа 1918 года». (Пенза, 1924 г., стр. 6—7):

¹ М. Лядов, Из жизни партии в 1903—1907 гг. (Воспоминания.) Москва, 1926 г., стр. 63—64.

² И. М. Владимиров, Тов. Ленин в Женеве и Париже. Сборник Ленинградского истпарт: «К первой годовщине смерти В. И. Ленина». Гиз. 1925. Автор воспоминаний, 6. на-борщик газеты «Вперед», пишет: «Вообще, появление этой газеты в свет надо приписать исключительно энергии Владимира Ильича... и т. д. (стр. 107), но и в этих воспоминаниях, к сожалению, встречаются ошибки, как например там, где автор говорит о чтении Лениным лекций для учеников Каприйской школы.

«Худенькое обнаженное тело Владимира Ильича, беспомощно распластавшееся на кровати,—он лежал навзничь, чуть прикрытый,—склоненная немного на бок голова... вдруг напомнили мне какую-то знаменитую европейскую картину снятия с креста Иисуса, распятого попами, первосвященниками и богачами».

И дальше:

«Тот неизвестный, был ли он когда-либо на свете или нет, или кто-то вместо него (?!), какой-то неведомый друг самого беднейшего класса того времени, герой тысячелетней народной легенды,—он жил в воспоминаниях и верованиях человечества века веков.

Не являемся ли мы счастливыми современниками нового явления народу того, кого так долго ожидало исстрадавшееся человечество...»

Комментарии, нам думается, излишни!

В ряде случаев авторы связывают те или другие высказывания Ленина с другими событиями или фактами.

Так, в статье М. Васильева-Южина «Восстание на броненосце «Потемкин» и тов. Ленин» в «Молодой гвардии» № 3 за 1924 год, воспроизведенной затем в сборнике Ярославского «Жизнь и работа В. И. Ленина» (стр. 69—70), автор рассказывает о своей беседе с Лениным перед своим отъездом в Одессу.

Ряд совершенно правильных высказываний Ленина по существу революционных событий в России и основных задач нашей партии и рабочего класса в революционном движении автор относит к одному событию—восстанию на броненосце «Потемкин», почему получается неточность, а в отдельном случае прямое несоответствие.

Так, говоря о директиве Ленина о необходимости захвата города Одессы в наши руки, Васильев-Южин приводит следующие слова Ленина:

«Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. Предложите им захватывать помещичьи земли и соединяться для общей борьбы с рабочими. Крестьянам уделите возможно больше внимания. Союзу рабочих и крестьян в начавшейся борьбе я придаю огромное, исключительное значение».

Здесь автор, восстанавливая по памяти разговор с Лениным, забыл явно основное, что Ленин говорил об общих задачах, а не конкретно о данном факте, ибо развернуть работу среди крестьян в Одессе является бессмысленным. Нам кажутся сомнительными после этого и следующие слова, якобы сказанные Лениным автору указанных воспоминаний:

«Дальше необходимо сделать все, чтобы захватить остальной флот... Тогда немедленно посылайте миноносец за мной. Я выеду в Румынию».

В смысле перенесения авторами содержания речей, произнесенных Лениным в определенных условиях и по определенному вопросу, в другую обстановку и по другому поводу, как вполне естественный результат недостатков нашей памяти, мы можем указать и на следующую запись речи Ленина, сказанной им на банкете во время Лондонского съезда:

«Он говорил приблизительно так: мы знаем, что вы наши классовые

враги, что вы не можете понять нашей пролетарской революции. Но вы, как буржуи и капиталисты, должны быть заинтересованы в победе нашей революции над царизмом, потому что эта победа даст вам возможность в более культурную свободную Россию ввозить гораздо больше товаров, чем сейчас. Вот поэтому в ваших интересах поддержать нашу партию, которая одна может довести революцию до конца»¹.

Не напоминает ли в некоторой части эта речь выступления Ленина в 1921 году в связи с нэпом?

Что касается воспоминаний за советский период, то в этом отношении, казалось бы, дело должно обстоять благополучнее. Но и здесь мы найдем ряд искажений. Мы укажем здесь только на один пример.

Покушение на Ленина изложено в нескольких очерках, причем в каждом из них имеются противоречивые друг другу свидетельства. Достаточно, хотя бы указать на следующее место из воспоминаний П. Дмитриева (б. личного телефониста В. И. Ленина) в сборнике «К годовщине смерти В. И. Ленина» (Ленинградский истпарт, 1925, стр. 174):

«Но и тут Ильич сохраняет обычную бодрость духа.

В Кремле, поднимаясь раненый по лестнице без посторонней помощи, он встречается с т. Семашко и шутит:—А здорово мне руку-то подкузьмили!»

Мы не можем обойти молчанием и книжку Луначарского: «Великий переворот»², написанную еще при жизни Ленина. В книге содержится ряд мест, совершенно искажающих внешний облик Ленина, принижающих значение и роль Ленина как вождя нашей партии.

Мы имеем в виду, не говоря уже о других местах, следующие цитаты:

«Я должен сказать, что как раз петербургский период деятельности Ленина в 1905—1906 гг. кажется мне сравнительно слабым... Мне стало казаться, что эмигрантская жизнь несколько измелчила Ленина, что внутренняя партийная борьба с меньшевиками заслоняет для него грандиозную борьбу с монархией и что он в большей мере журналист, чем настоящий вождь» (стр. 67—68).

Луначарский договаривается даже до следующих слов:

«Ленин приспособился ко времени реакции, которую считал длительной, высказался за думскую борьбу, приблизился к меньшевикам (?!), в то время как я, в особенности увлекаемый моими друзьями и в первую очередь Богдановым, остался на позиции продолжения чисто революционной линии во что бы то ни стало.

¹ М. Лядов, Из жизни партии. Накануне и в годы первой революции (Воспоминания). Изд-ство Коммунистического ун-та им. Я. М. Свердлова. Москва, 1926, стр. 203.

² А. В. Луначарский, Великий переворот (Октябр. револ.), часть первая, изд. З. И. Гржебина. Петербург, 1919 г.

У Ленина оказалось больше политической чуткости, что неудивительно: Ленин имеет в себе черты гениального оппортунизма, то есть такого оппортунизма, который считается с особым моментом и умеет использовать его в целях общей всегда революционной линии» (стр. 69—70).

Интересно отметить, что тов. Луначарский повторяет то же самое и в 1923 году в своей книжке «Революционные силуэты»¹, где приводит в качестве примера «образца такого гениального оппортунизма» Ленина его речь на IV Конгрессе Коминтерна (?!)—(стр. 16).

Мы считаем, что приклеивание к Ленину ярлыков меньшевизма и оппортунизма, хотя бы поясненных таким способом, как это делает Луначарский, является не чем иным, как профанацией ленинизма, хотя Луначарский в предисловии к этой книге пытается утверждать: «Я и сейчас думаю, что характеристики эти достаточно метки и справедливы и могут быть полезными, в особенности для молодых членов РКП, или находящихся за ее рамками друзей ее».

После всего этого, конечно, можно сказать и то, что говорит Луначарский о работе Ленина в Петербурге в 1905/06 году:

«...Работал он, главным образом, в углу (??), почти исключительно пером и на разных совещаниях главных штабов отдельных партий» (?!!) («Великий переворот», стр. 68).

Можно, конечно, продолжить ряд примеров подобного рода искажений фактов из жизни и деятельности Ленина, встречающихся в воспоминаниях различных авторов, но нами были выбраны наиболее типичные, чтобы на них показать, насколько критически необходимо подходить к каждому повествованию о Ленине.

Какже, именно, стороны мы постарались отметить в воспоминаниях о Ленине и очерках отдельных лиц, характеризующих его жизнь и деятельность?

Во-первых, ложные, апокрифические «воспоминания» о Ленине, опровергаемые простым сопоставлением с другими воспоминаниями и источниками.

Во-вторых, ошибочные повествования о тех фактах, которые не имели места, основанные на незнании автора, объясняемом также и тем, что автор, говоря о них со слов других, не являлся сам свидетелем таковых.

В-третьих, небрежность в использовании мемуарных свидетельств, ведущая к ложным выводам, а отсюда—к искажению действительного положения дел.

В-четвертых, ошибки, проистекающие из-за недостатков нашей памяти (перенесение отдельных фактов в другие условия).

В-пятых, прикрашивание и раздувание отдельных событий из жизни Ленина, ведущих опять-таки к искажению фактических сторон жизни и деятельности Ленина.

¹ А. Луначарский, Революционные силуэты. Москва. 1923.

В-шестых, очерки, явно вредные по своему содержанию, умаляющие роль и значение Ленина, как вождя нашей партии.

К последним следует отнести также такие книги, как «Ленинизм» Зиновьева и «О Ленине» Троцкого. Здесь мы не говорим об этой литературе, поскольку она вызвала ряд критических оценок со стороны всей партии. Мы должны только указать, что те факты, о которых говорил Троцкий в своих прежних воспоминаниях о Ленине, получили за последнее время дополнительное освещение в его вышедшей за границей двухтомной книге «Моя жизнь». Нужно указать также, что те факты, о которых Троцкий рассказывал, ссылаясь на недостаточное речательство за их точность в связи с передачей их по памяти, неожиданно «дополнены» целым рядом мельчайших подробностей, никогда не имевших места. Задача биографов — расшифровать всю искусственно сшитую Троцким историю жизни и деятельности Ленина, еще раз разоблачить его гнуснейшую клевету на Ленина, партию и русский рабочий класс, чтобы тем самым раз навсегда положить предел всем подобного рода попыткам ложно информировать рабочий класс других стран о жизни и деятельности Ленина.

III

В заключение несколько слов об использовании в качестве источников для биографии Ленина статей других авторов.

В полемических статьях очень часто можно найти ценные дополнительные сведения о Ленине, которых нет в других источниках. Безусловно, здесь в особенности необходима самая тщательная критическая проверка и оценка отдельных данных.

В качестве примера можно указать на известную брошюру Г. В. Плеханова «О войне»¹. Интересно отметить, что Плеханов в ней ни разу не упоминает о Ленине, хотя косвенно отдельные места этой брошюры фактически направлены против Ленина.

Здесь мы не собираемся проанализировать по существу содержание всех таких косвенных высказываний Плеханова о Ленине, но приведем лишь наиболее характерные цитаты.

Так, в § IV во 2-й части брошюры Плеханов говорит: «Мне писали, что один мой противник (из самых «видных»!), читая «реферат» о войне на собрании русской колонии в Женеве, воскликнул: под влиянием войны старый материалист Плеханов сделался идеалистом; он призывает теперь к законам нравственности и права. «По человечеству» мне не хочется думать, что мой «видный» противник окончательно сделался обскурантом (в гетевском смысле)» и т. д. (стр. 46—47).

На стр. 68—69 Плеханов пишет:

«...не грешат ли непростительным грехом против права каждого народа на существование, не говорят ли дикого и преступного вздора те наши обскуранты, которые не хотят примириться со вступлением Гэда и Самба в министерство?»

¹ Г. В. Плеханов, О войне. Книгоиздательство б. М. В. Попова. Петроград (1915).

Обскуранты старательно разогревают ту мысль анархистов (известного оттенка), что поражение любой капиталистической страны вредно отразится только на интересах ее буржуазии».

Нетрудно понять из приведенных выше цитат, кого имеет в виду Плеханов.

IV

Наша статья была бы неполной, если бы мы не сказали несколько слов об иностранной литературе о Ленине. К сожалению, эта обширнейшая литература до сих пор оставалась как-то вне поля зрения. Нетрудно судить по тем искажениям, какие мы находим в нашей литературе, что здесь дело должно обстоять значительно хуже, хотя бы уже потому, что в ряде изданий (кстати сказать, внешне прекрасно оформленных), мы можем встретить в качестве автографов Ленина рукописи других лиц¹.

Ближайшая задача—подвергнуть критическому просмотру также и произведения иностранных авторов.

Г. Тихомирнов

¹ См. Henri Guilbeaux, Wladimir Iljitsch Lenin. Ein treues Bild seines Wesens. Uebersetzung ins Deutsche unter Mitwirkung von Rudolf Leonhart. Verlag Die Schmiede. Berlin, 1923, стр. 139 и The Man Lenin. — By Isaac Don Levine. New York. Thomas Seltzer. 1924. В обоих этих книгах воспроизведен в качестве автографа Ленина текст резолюции о задачах циммервальдской левой и швейцарской социалистической партии написанной другим лицом.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЫ ВЕНГЕРСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Можно ли говорить о диктатуре пролетариата применительно к тому типу государственной власти, который существовал в Венгрии с марта по август 1919 г.?

Ниже мы рассмотрим эту проблему главным образом в ее связи с двумя сторонами ленинского учения о диктатуре пролетариата: в связи с вопросом о роли партийного руководства, во-первых, и в связи с вопросом о союзе пролетариата с большинством крестьянства, во-вторых.

Мы покажем, что неправильная тактика венгерских коммунистов в 1919 году (и, прежде всего, их ошибки в вопросах о партийном руководстве и о союзе пролетариата с большинством крестьянства) наложили свою печать на социальный характер государственной власти, возникшей в результате первой венгерской пролетарской революции. *Эти ошибки наряду с целым рядом объективных факторов помешали созданию сколько-нибудь полной, законченной, развернутой диктатуры пролетариата*¹.

1. РОЛЬ ПАРТИИ В ПЕРВОЙ ВЕНГЕРСКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВО- ЛЮЦИИ

Диктатура пролетариата предполагает наличие железной, закаленной в борьбе коммунистической партии, связавшей себя неразрывно с рабочим классом и способной руководить этим классом, а через него и всей массой эксплуатируемых, в самой беспощадной, решительной борьбе против капитализма. Где еще не сложилась такая партия, где партия еще неспособна к правильной политике, подкрепленной опытом

¹ Само собою разумеется, что особенности социальной природы Венгерской советской республики были обусловлены не только субъективным фактором — ошибками венгерских коммунистов, но и целым рядом объективно-исторических условий возникновения и существования советской Венгрии. Больше того, самые ошибки венгерских коммунистов могут быть до конца уяснены лишь в связи с обусловившими их объективными факторами (классовый переплет в Венгрии, особенности развития венгерского рабочего движения, сила социал-демократических пережитков у молодой венгерской компартии и т. д.). Вопросу о соотношении субъективных и объективных факторов, наложивших свою печать на ход первой венгерской пролетарской революции, была посвящена наша статья «Венгерская советская республика» в № 11 «Пролетарской революции» за 1929 г. Поэтому мы считаем излишним в настоящей статье вновь возвращаться к этому вопросу.

борьбы масс, где партия еще не научилась опираться в своей практической революционной деятельности на прочный фундамент ленинской теории,—там не может быть и речи о диктатуре пролетариата в сколько-нибудь развернутом, полном, законченном виде.

«Диктатура пролетариата,—говорит Ленин,—есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов—самая страшная сила. Без партии, железной, закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно»¹.

Это сторону ленинского учения о диктатуре пролетариата со всей определенностью подчеркивает тов. Сталин: «Руководство партии есть главное в диктатуре пролетариата, если иметь в виду сколько-нибудь прочную и полную диктатуру, а не такую, какой была, например, Парижская коммуна, представлявшая диктатуру не полную и не прочную... Диктатура пролетариата и руководство партии лежат, так сказать, на одной линии работы, действуют в одном направлении»².

Как же обстояло дело в советской Венгрии? Существовала ли там в 1919 г. партия, способная обеспечить диктатуру пролетариата в сколько-нибудь полном, развернутом, законченном, оформленном виде?

* * *

21 марта 1919 г. в Будапештской тюрьме между арестованными вождами венгерских коммунистов и недавними вдохновителями их ареста, лидерами венгерской социал-демократии, был заключен договор, согласно которому обе партии—коммунистическая и социал-демократическая—объединялись на основе диктатуры пролетариата. Спустя несколько часов—в ночь на 22 марта было образовано советское правительство, которое без всякого сопротивления овладело властью, выпавшей из рук буржуазии—«демократического» правительства Карольи.

В разговоре с коммунистами на другой день после образования советского правительства тов. Бела Кун сказал: «Дело обошлось *слишком гладко*, я не мог спать. Всю ночь я думал о том, в чем заключается наша ошибка, ибо в чем-нибудь должна заключаться ошибка. Все шло *слишком гладко*. Мы узнаем в чем дело, но я боюсь—слишком поздно»³.

В чем же заключалась эта ошибка, которую так остро почувствовал тов. Бела Кун уже на второй день после переворота 21 марта?

В первые месяцы после образования Венгерской советской респуб-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 136.

² Сталин, Ленинизм. Гиз, 1928 г., стр. 35.

³ См. Bela Szanto, Klassenkämpfe und Diktatur des Proletariats in Ungarn. Verlag der Kom. Internationale, 1920, Seite 63.

лики в германской коммунистической прессе раздавались по адресу венгерских товарищей упреки в том, что они взяли власть *без боя*.

И в самом деле, переход власти от буржуазно-«демократического» правительства Карольи к советскому правительству совершился вполне безболезненно; в Венгрии не было бурной и кровавой борьбы, развернувшейся во время Октябрьской революции в России.

Но в этом ли заключалась ошибка венгерских коммунистов? Нет, не в этом! Венгерский пролетариат уже в период Карольи в такой мере фактически являлся господствующей силой и формальный переход к нему государственной власти в такой мере назрел, что в данном случае вооруженное восстание не было безусловной необходимостью. Было бы нелепо не захватить власть, поскольку она сама «давалась» в руки, поскольку правительство Карольи добровольно уступало ее... Ошибка венгерских коммунистов заключалась не в самом факте соглашения с социал-демократами, сделавшем вооруженное восстание излишним, а в том, как и на какой основе было достигнуто это соглашение. Безболезненное зарождение советской власти в Венгрии—это только исторический *фон* огромной ошибки венгерских коммунистов, но еще не самая ошибка. Вполне допустимо было взять власть без применения пулеметов ради того, чтобы использовать мирный переход к советской системе для ее скорейшего укрепления. Но как раз последнего и не было сделано ¹.

Венгерские коммунисты сделали двойную ошибку. Она заключается во-первых, в недооценке значения организационно-самостоятельной, сплоченной и сохраняющей полную свободу маневрирования коммунистической партии как основного инструмента пролетарской диктатуры; во-вторых, в непонимании роли социал-демократии в период пролетарской революции как контрреволюционной силы, как буржуазной агентуры в пролетарских рядах. *Эта ошибка нашла свое выражение в организационном объединении коммунистической партии с социал-демократией.*

Самым лучшим тактическим планом в обстановке 21 марта был бы план правительственной коалиции коммунистов с социал-демократами *без объединения партий*. В этом случае крайнее левое крыло социал-демократии, состоявшее из наиболее революционных элементов партийного и профсоюзного аппаратов и из честных рабочих, выступило бы из социал-демократической партии и примкнуло бы к коммунистам, в рядах которых и вместе с которыми оно в дальнейшем прошло бы практическую школу революцион-

¹ В России летом 1917 г. буржуазия была сильнее, чем в Венгрии в начале 1919 г. Между тем, даже для России Ленин в течение некоторого времени считал возможным «мирный» переход власти к пролетариату, поскольку последний был лучше организован, чем буржуазия, и поскольку власть выпадала из рук буржуазии. По мнению Ленина, мирное развитие русской революции было до июльских дней «возможно и, конечно, наиболее желательно» («К лозунгам»). В начале сентября—после неудачи корниловского путча—Ленин возвращается на короткое время к мысли о «мирном» развитии революции, как возможности «крайне редкой в истории и крайне ценной» («О компромиссах»). Венгерская пролетарская революция осуществила эту возможность, но не сумела использовать ее надлежащим образом.

ной борьбы и большевистской выучки. Уже непосредственно во время переговоров 21 марта некоторые левые вожди социал-демократов (например Е. Ландлер) открыто заявили о своей готовности порвать организационные связи с социал-демократией. Эти элементы вполне искренне намеревались стать на коммунистическую платформу; они готовы были честно бороться за диктатуру пролетариата против буржуазии и, в случае необходимости, против своих вчерашних товарищей, по социал-демократической партии. Что касается правых вождей (Бухингер, Гарами, Пейдль и К⁰), то они, конечно, переметнулись бы в лагерь контрреволюции, но от этого пролетариат решительно ничего не потерял бы. Наконец, центристское большинство руководителей соц.-демократии, несомненно, вынуждено было бы под давлением масс согласиться на условия коммунистов (коалиция без объединения), что в дальнейшем обеспечило бы коммунистам полную свободу политического маневрирования. При первых же признаках измены можно было бы без особых затруднений выбросить центристов из правительства ¹.

Поскольку венгерские коммунисты все-таки пошли на объединение партийных организаций, они должны были *по крайней мере* добиваться организационных гарантий искренности перехода социал-демократов на коммунистическую платформу. Эти организационные гарантии должны были заключаться, во-первых, в чистке социал-демократической партии от оппортунистических элементов и, во-вторых, в закреплении за коммунистами руководящего положения в объединенной партии. Но даже на этом коммунисты не сумели настоять. Из социал-демократической партии *по собственной инициативе* выступила небольшая группа наиболее правых вождей (Бухингер, Гарами, Пейдль и К⁰). О настоящей же чистке не было и речи. С другой стороны, почти все важнейшие посты в руководящих учреждениях объединенной партии были предоставлены бывшим социал-демократам. Так, например, в секретариате ЦК, согласно сообщению в «Ujros Ujsag» от 15 апреля 1919 г. ², было установлено следующее распределение обязанностей:

¹ Повидимому, мысль о том, что при благоприятных обстоятельствах можно будет ликвидировать правительственную коалицию с социал-демократами, была не чужда венгерским коммунистам в 1919 г. По крайней мере, т. Бела Кун впоследствии писал: «Заклячая союз с социал-демократами, коммунисты рассчитывали, что венгерская красная армия, которую нужно было еще создать, объединится с красными войсками Российской советской республики, находившимися в то время в нескольких стах километрах от венгерской границы, и что коммунистам удастся впоследствии выкинуть из правительства тех социал-демократов, которые не согласятся проводить революционную политику. Эта надежда не сбылась. (Бела Кун, Уроки пролетарской революции в Венгрии, в «Правде» от 21 марта 1929 г.). Дело, конечно, не в «несбывшихся надеждах» на помощь российской Красной армии, а в том, что объединение *партийных* организаций сделало неосуществимым разрыв *правительственной* коалиции. При сохранении самостоятельной коммунистической организации можно было бы летом 1919 г. выбросить социал-демократических предателей из советского правительства и без непосредственной помощи российской Красной армии

² Цит. L. Budas, Abenteurer- und Liquidatorentum. Verlag «Vörös Ujsag», 1922, S. 54.

1. *Политическое руководство*—Александр Винче (соц.-дем.; впоследствии злейший противник коммунистов).

2. *Руководство по делам национальных меньшинств*—Иоганн Хирросик (коммунист; до объединения—секретарь коммунистического ЦК).

3. *Агитация и пропаганда*—Иосиф Рабинович (коммунист) и Эмиль Хорти (соц.-дем.).

4. *Руководство столичной организацией*—Стефан Фаркас (соц.-дем.; впоследствии секретарь соц.-дем. партии в эпоху белого террора) и Иоганн Кечкес (соц.-дем.).

5. *Руководство провинциальными организациями*—Рудольф Пайор, Юлиус Целенка и Иосиф Нейман (все трое—социал-демократы).

6. *Работа среди женщин*—Елена Брандштейн (соц.-дем.).

Таким образом, общеполитическое руководство, руководство столичной и провинциальными организациями и работа среди женщин были закреплены за социал-демократами.

Ошибочная тактика коммунистов дала социал-демократической бюрократии возможность быстро оправиться от первоначальной растерянности. Она постепенно начала шаг за шагом отвоевывать позиции у коммунистов. Собственно даже не «отвоевывать», а занимать эти позиции без боя, ибо коммунисты почти не оказывали сопротивления. Уже в начале апреля центральная комиссия профессиональных союзов приняла постановление, что все ответственные работники союзов, как в центре, так и в провинции, остаются на своих прежних местах. Это постановление устраняло возможность чистки рядов профсоюзного актива. Другое постановление центральной комиссии, согласно которому исключение из профессионального союза влекло за собой исключение из партии, фактически отдавало партию в руки оппортунистической профсоюзной верхушки¹.

Правда, в середине мая тов. Бела Кун поднял вопрос об отделении профсоюзов как экономической организации пролетариата от партии как его политической организации. «Профессиональные союзы,—заявил он,—должны заботиться о выполнении своих в высшей степени важных экономических задач, а решение задач политических должно быть делом исключительно только партии». Но это выступление т. Бела Куна встретило самый решительный отпор со стороны бывших социал-демократов, а у коммунистов нехватало решимости довести борьбу до конца. Между тем как раз в это время военное положение Советской республики было относительно благоприятным; румынское наступление было приостановлено, а чехи отброшены и частью разгромлены; момент был вполне подходящий

¹ В Венгрии, начиная с 90-х гг. прошлого столетия, каждый организованный рабочий числился одновременно в соц.-дем. партии и в профсоюзе. Вступая в профсоюз, рабочий тем самым механически зачислялся в соц.-дем. партию. Партийный взнос являлся частью взноса в профсоюз и взимался не индивидуально, а вносился в партийную кассу профсоюзом. Эта система стала разрушаться после октябрьской революции 1918 г., в связи с возникновением второй рабочей партии—коммунистической. Но после объединения социал-демократов с коммунистами вновь был восстановлен прежний порядок.

для разрыва с социал-демократией и реорганизации советского правительства на новой основе. *Но это не было сделано—и в этом заключалась новая тактическая ошибка коммунистов.*

Ничего нет удивительного, что созданный 12 июня партийный съезд состоял в своем большинстве из матерых социал-предателей. Ведь в их руках был весь партийный аппарат! В то время, как съезд покрывал аплодисментами речи Кунфи и других бывших социал-демократов, речи коммунистов выслушивались при гробовом молчании или даже прерывались враждебными выкриками. Предложение о переименовании партии в «Коммунистическую» было отклонено. В Центральный комитет был избран всего один коммунист (Бела Кун). Даже левых социал-демократов (Боканьи, Ландлер) съезд провалил. И только заявление коммунистов, что постановление съезда заставляет их пойти на раскол, побудило съезд произвести новые выборы и создать ЦК на паритетных началах. По вопросу о названии партии было принято компромиссное решение, и партия получила наименование «Венгерской партии социалистических и коммунистических рабочих».

Таковы были непосредственные плоды тактической ошибки венгерских коммунистов ¹.

Нужно, конечно, иметь все время в виду, что тактическая ошибка (ликвидация самостоятельной партийной организации) явилась следствием другой их—не менее крупной—ошибки: *они не понимали подлинной политической роли социал-демократии.* Они допускали, что Вельтнеры, Кунфи и прочие венгерские «каутскианцы» способны в несколько часов поставить крест над своим прошлым. Они забыли, что венгерская социал-демократия является одной из наиболее развращенных ветвей II Интернационала; что в период Кароли она была хребтом буржуазно-«демокра-

¹ Нельзя не отметить, что в Советской России уже через несколько дней после того как стало известным о соглашении венгерских коммунистов с социал-демократами, раздались предостерегающие голоса. Так, например, в «Правде» от 27 марта 1919 г. была помещена статья тов. Осинского «Смысл Будапештского переворота», в которой говорилось: «Партийные товарищи приветствуют коммунистическую революцию в Венгрии. Нас известия из Будапешта настраивают на несколько иной лад: они наводят нас на серьезные размышления... Передача власти партиям, опирающимся на пролетариат, бесспорно выражает банкротство буржуазии, но не надо слишком увлекаться этой постановкой вопроса. Банкрот в буржуазном мире слишком часто объявляет себя несостоятельным для того, чтобы спасти часть своего капитала и позже опять всплыть на поверхность, нередко и для того, чтобы запутать своих кредиторов... Расчеты буржуазии ясны: она хочет передать защиту Венгрии от союзников в руки вождей, за которыми в данный момент только и пойдут массы. Она хочет, чтобы идея обороны социалистического отечества заставила рабочих выступить на защиту Венгрии, которую буржуазия постарается оставить просто отечеством... Конечно, она (буржуазия) ведет игру с огнем... Закрепив за собой исходные позиции, коммунисты при первом столкновении с социал-демократами, тормозителями революции, выбросят их вон,—и тогда уже совершенно безболезненно. Это вполне возможно, если венгерские товарищи будут вести политику трезвую, решительную и гибкую. Против их вхождения в правительство возражать, особенно, не зная положения вещей, не приходится. Но мы думаем, что они сделали крупную ошибку, согласившись на слияние партий».

тического» режима; что «переход» на «коммунистическую» платформу был ею предпринят прежде всего в целях сохранения остатков своего влияния на массы; что она органически неспособна принять диктатуру пролетариата и советскую власть; что она как до, так и после перехода власти к советам представляла собой не что иное, как буржуазную агентуру в пролетарских рядах. Венгерские коммунисты считали социал-демократию партией рабочего класса, тогда как в действительности она перешла на сторону буржуазии и превратилась в «буржуазную рабочую партию».

В «Письме к венгерским рабочим» тов. Ленин писал: «Большинство социалистических вождей в Европе, как социал-шовинистского, так и каутскианского направления, так погрязло в предрассудках чисто мещанских, воспитанных десятилетиями сравнительно «мирного» капитализма и буржуазного парламентаризма, что понять советской власти и диктатуры пролетариата они не могут. Пролетариат не в состоянии совершить своей всемирно-исторической освободительной миссии, не устранив с своей дороги этих вождей, не удалив их прочь»¹. Этого совета и предупреждения венгерские коммунисты не поняли или поняли его слишком поздно, когда уже трудно было что-либо исправить.

То обстоятельство, что часть социал-демократов была субъективно искренна при объединении с коммунистами, имеет второстепенное значение. Обстоятельства и формы объединения ни в малейшей мере не способствовали действительному превращению этих субъективно честных социал-демократов в подлинных коммунистов, и если такое превращение в отдельных случаях все же имело место, то это происходило вопреки объективному значению договора 21 марта. «Нет сомнения,—писал Ленин в «Заметках публициста»,—что часть венгерских социалистов искренно перешли на сторону Бела Куна и объявили себя искренно коммунистами. Но суть дела от этого несколько не меняется: «искренно» объявивший себя коммунистом человек, который на деле вместо беспощадно твердой, неуклонно решительной, беззаветно смелой и геройской политики (только такая политика соответствует признанию диктатуры пролетариата) колеблется и малодушничает,—подобный человек своей бесхарактерностью, своими колебаниями, своей нерешительностью совершает такую же измену, как и непосредственный предатель. В личном смысле разница между предателем по слабости и предателем по умыслу и расчету очень велика; в политическом отношении этой разницы *нет*, ибо политика—это фактическая судьба миллионов людей, а эта судьба не меняется от того, преданы ли миллионы рабочих и бедных крестьян предателями по слабости или предателями по корысти»².

* * *

Подобно тому как в объединенной партии бывшие социал-демократы играли руководящую роль, так и в государственном аппарате они за-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 225 — 226.

² Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 33.

крепили за собой важнейшие посты. При образовании советского правительства, принявшего по русскому образцу название Совета народных комиссаров, в него вступил только один коммунист—тов. Бела Кун (в качестве наркоминдела). Все остальные были социал-демократами,—в том числе Бем и Кунфи, занимавшие министерские посты в кабинете Карольи»¹.

Чтобы оградить советы рабочих депутатов от непосредственного влияния масс, социал-демократический нарком внутренних дел выработал избирательную систему, переносившую центр тяжести выборов из рабочих масс в особые «кандидатские комиссии». Советы строились по территориальному признаку, а не вырастали непосредственно из гущи рабочих масс фабрик и заводов. Выборы происходили по спискам, иногда включавшим 200—300 кандидатов; списки эти для каждого округа начались «кандидатскими комиссиями», состоявшими из представителей партийного аппарата (т. е. фактически из старой социал-демократической бюрократии). Неудивительно, что при такой избирательной системе в советы проходили почти исключительно скрытые и даже явные оппортунисты из среды старых профсоюзных вождей. В первых числах апреля была создана «кандидатская комиссия» для проведения перевыборов Будапештского совета рабочих депутатов; в нее вошло всего два коммуниста; прочие восемь членов были профсоюзными бюрократами, которые в дальнейшем не мало потрудились, чтобы преградить доступ в Будапештский совет подлинно-революционным элементам. Деятельность этой комиссии характеризуется тем фактом, что ее стараниями в Будапештский совет был проведен социал-демократ Бухингер, отказавшийся 21 марта подписать договор с коммунистами и представлявший собою законченный тип контрреволюционера. Когда коммунисты заявили решительный протест против избрания Бухингера, один из «вождей» советской республики—социал-демократ Вельтнер—напечатал в «Nepszava» горячую статью в его защиту...

Руководящее положение бывших социал-демократов в советском правительстве давало им возможность широко влиять на политику. Вследствие этого *старая государственная машина не была целиком уничтожена*. Тысячи старых чиновников продолжали работать в правительственных учреждениях, переименованных после переворота 21 марта на советский лад. «Бывшие полицейские и охранники,—пишет тов. Грейнер,—спешили признать советскую власть, ежедневно посылая приветствия Совету народных комиссаров. Даже прокуроры и судьи просили оставить их на службе в революционных трибуналах... В советских учреждениях, в судах, в милиции и даже в Красной армии бывшие чиновники и офицеры монархического строя оставались на работе не только в качестве специалистов, но часто как руководители этих учреждений»².

Тот факт, что старый государственный аппарат не был полностью

¹ Позднее состав Совнаркома подвергся некоторым изменениям: в него было введено еще несколько коммунистов; однако социал-демократы попрежнему оставались в большинстве.

² И. Грейнер. Революция в Венгрии 1918—1919 гг. (журн. «Пролетарская революция», 1927 г., № 5, стр. 153).

ликвидирован, вынуждены в той или иной форме признать все участники венгерских событий. «Бюрократический аппарат буржуазного государства,—писал еще в 1920 г. Блазиус Колошвари (псевдоним т. Бела Куна),— не был полностью разрушен диктатурой пролетариата. Люди, политическое прошлое и мировоззрение которых было основано на парламентаризме и на связанной с последним предвыборной «охотой за голосами», должны были всячески препятствовать пролетариату отбросить то самое чиновничество, на которое социал-демократические министры и их жаждавшие мандатов товарищи еще так недавно, при подготовке выборов в Учредительное собрание, рассчитывали, как на избирателей»¹.

В том же духе высказывается и тов. Е. Варга: «Все чиновничество, не исключая высших представителей власти, осталось на своих постах, заверяя пролетарское правительство в своей лояльности и готовности служить новому режиму... Ввиду того, что все старое чиновничество оказалось на стороне нового правительства, старый государственный аппарат не был разбит в той мере, в какой это требовалось для обеспечения господства пролетариата»².

В Красной армии, руководство которой почти до самого момента падения советской республики было сосредоточено в руках социал-декрата Вильгельма Бема, были заведены порядки, имевшие целью превратить ее в орудие социал-демократической политики. М. Габор сообщает следующие подробности этих порядков: «Боясь потери своего влияния на мобилизованных рабочих, они (социал-демократы.—В. М.) провели систему так называемых рабочих батальонов, организуя эти батальоны по профессиональным союзам и отдельным заводам... Можно себе представить, какое военное значение могут иметь батальоны, состоящие сплошь из одних кельнеров или портных или сапожников... Невозможно было в этих батальонах поддерживать дисциплину, ибо люди в них считали себя не красноармейцами, а лишь членами того или иного профессионального союза»³. Само-

¹ Blasius Kolozsvari, Von Revolution zu Revolution Wien, 1920, Seite 6.

² Варга, Советская Венгрия («Известия ЦИК СССР» от 21 марта 1929 г.).

³ М. Габор, Доклад о падении советской власти в Венгрии (в журн. «Ком. Интернационал», № 7—8 за 1919 г.).—Тов. Бела Санто прибавляет к этому следующие любопытные подробности: «Рабочие массы крупных промышленных предприятий создавали собственные части и благодаря этому обособлялись от остальных частей армии, главным образом, от ее крестьянских формирований... Утверждением, что рабочие формирования крупной промышленности были попросту производственными формированиями, еще ничего не сказано. Они были скорее профсоюзными формированиями, организационным скелетом для которых послужили профсоюзные организации на производстве, которые были пропитаны и наполнены реформистским духом цеховщины и ее дисциплиной. Их основной опорой были выборные на производстве лица, которые и выдвинули из своей среды командиров частей, причем значение придавалось не военным знаниям и боевому опыту, не революционной готовности к самопожертвованию и не храбрости, а почти исключительно длительности состояния в профсоюзной организации и должности, занимаемой данным товарищем в этой организации. В составе армии рабочие формирования вели себя тоже, как профессиональные организации. При каждом возникавшем вопросе, будь он хозяйственного или политического порядка, с ним необходимо было вести переговоры, как будто бы дело шло о заключении тарифного договора» (Бела Санто, Десять лет венгерской революции, «Военный Вестник № 12 за 1929 г.).

собой разумеется, что в Красной армии коммунисты систематически устранились с командных и политических постов и заменялись социал-демократами или даже заведомыми контрреволюционерами, работавшими почти без всякого политического контроля. Когда нужно было пополнить пострадавшую в боях роту, Бем обычно разрешал вопрос таким образом, что оставлял уменьшившуюся численно роту такой, как она была, и одновременно создавал новую роту, чтобы таким образом влить в армию новую группу белых офицеров. Вследствие этого в Красной армии складывались ячейки контрреволюции, возглавляемые и прикрываемые социал-демократической верхушкой.

Наконец, необходимо упомянуть, что через посредство Гарамы, Пейдля и других социал-демократов, отказавшихся подписать соглашение 21 марта и бежавших вместе с буржуазией за границу, социал-демократическая бюрократия все время была связана с венгерской контрреволюционной эмиграцией, а через нее и с агентами Антанты. Вильгельм Бем, который вскоре после своего вынужденного ухода из Красной армии вновь всплыл в Вене в качестве посла Советской республики, тотчас же вступил в негласные переговоры о восстановлении в Венгрии буржуазно-демократического строя ¹.

¹ Весьма интересные факты о связях между венгерскими «советскими» социал-демократами и агентами Антанты сообщил в журнале «Worker's World» американский капитан Грегори — офицер, представлявший в Вене известную «Организацию помощи» Гувера. К сожалению, у нас нет под руками этого журнала. Приводим несколько выдержек из воспоминаний Грегори в том виде, как они были напечатаны в «Известиях ВЦИК» от 24 августа 1921 года. Капитан Грегори пишет: «Гувер в Париже, действовавший совместно с Верховным советом, был главным фактором падения Венгерской советской республики. Мне была дана инструкция держаться вне политики. Но мне нужно было действовать прямо. Сначала я сблизился с Бемом, венгерским послом в Вене, намереваясь использовать его в качестве вождя антисоветского движения. Затем я послал за двумя влиятельными «рабочими» представителями в советском правительстве, которые тайно явились в Вену. С самого начала я доверил свои планы представителю британской военной миссии и итальянскому дипломатическому представителю, которые помогали мне формулировать те основы, на которых союзные правительства согласились бы оказать поддержку новому венгерскому правительству. Гувер из Парижа прислал проект условий союзнической помощи. Бем был только орудием, вождями движения были «рабочие демократы» (профсоюзные вожди? — В. М.) и либералы. Однако, без сомнения, Гувер был главным деятелем и организатором быстрой помощи, так как Верховный совет проявлял нерешительность. Американская организация помощи собиралась прекратить свою деятельность из-за недостатка денег, когда представитель ведомства продовольствия венгерского правительства тайно явился в Вену просить американцев о посылке продуктов. Сначала я отказался, ссылаясь на блокаду Красной Венгрии, но потом согласился, потребовав немедленной уплаты золотом и предложив три поезда, нагруженных продовольствием. Тогда вождь рабочих Агостон созвал большое собрание (Будапештского совета рабочих депутатов? — В. М.) и стал во главе контрреволюционного движения. Бела Кун скрылся, а Агостон сделался премьер-министром нового коалиционного правительства». В этом сообщении есть несколько мелких фактических неточностей (например главой нового правительства был не Агостон, а другой профсоюзный лидер — Юлиус Пейдль), но в основном оно не противоречит показаниям других «героев» венгерской контрреволюции, прибавляя лишь ряд интересных подробностей о предательской роли социал-демократов.

Вполне естественно, что при таких условиях венгерская буржуазия в период советской власти не только не была разгромлена и ослаблена, но, наоборот, получила широкую возможность оправиться от пережитого ею политического банкротства. «Венгерская буржуазия,—пишет Блазиус Колошвари (Бела Кун),—была чрезвычайно слаба накануне 21 марта, до провозглашения диктатуры. Но при помощи осторожного использования диктатуры она набиралась сил. Она организовывалась под прикрытием тех, кто из оппортунистических соображений прикинулся коммунистами; силы международной контрреволюции поддерживали ее; когда же агенты Антанты удачно подточили изнутри диктатуру пролетариата, а извне направленный контрреволюционный удар выбил оружие из рук частью не-сознательного, частью утратившего веру пролетариата,—тогда буржуазия выступила на арену во всеоружии, в полном расцвете своих сил»¹.

* * *

Подведем итоги.

В 1919 г. в Венгрии еще не существовало железной, закаленной в боях коммунистической партии, способной победоносно руководить массами в борьбе со всеми силами и традициями старого буржуазного общества.

Партия, возникающая в результате объединения коммунистов с социал-демократами, не только не могла успешно руководить массами, но, наоборот, зачастую действовала против интересов революции. Отдельные вожди этой партии (из числа бывших социал-демократов) выступали в роли предателей и душителей революции. Они стремились охранить от разрушения старый государственный аппарат в целях буржуазной реставрации.

Можно ли в таком случае говорить о диктатуре пролетариата применительно к тому политическому строю, который существовал в Венгрии с марта по август 1919 г.? Нет, нельзя говорить,—«если иметь в виду сколько-нибудь прочную и полную диктатуру, а не такую, какой была, напр., Парижская коммуна, представлявшая диктатуру неполную и не прочную» (Сталин).

Таков тот вывод, который мы обязаны сделать, если хотим трезво разобраться в истории первой венгерской пролетарской революции.

2. БЫЛ ЛИ ОСУЩЕСТВЛЕН В СОВЕТСКОЙ ВЕНГРИИ СОЮЗ ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА?

Наличие крепкой коммунистической партии не является единственным условием диктатуры пролетариата.

Диктатура пролетариата предполагает классовый союз пролетариата с трудящимися массами мелкобуржуазных классов,—прежде всего, трудящимися массами крестьянства. Где не осуществлен такой союз, там не может быть речи о диктатуре пролетариата в сколько-нибудь полном,

¹ Blasius Kolozsvary. Von Revolution zu Revolution. Wien, 1920, S. 6.

законченном, развернутом виде. Это положение составляет одну из основ ленинизма, и спорить против него можно только с точки зрения, не имеющей ничего общего с ленинской теорией диктатуры пролетариата.

«Диктатура пролетариата,—говорит Ленин,—есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма»¹.

«Диктатура пролетариата,—писал т. Сталин в своей брошюре «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов»,—не есть простая правительственная верхушка, «умело» «отобранная» заботливой рукой «опытного стратега» и «разумно опирающаяся на те или иные слои населения. Диктатура пролетариата есть классовый союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для свержения капитала, для окончательной победы социализма, при условии, что руководящей силой этого союза является пролетариат»².

Как известно, против такого определения диктатуры пролетариата возражала так называемая «новая оппозиция» 1925 года. В одном из своих инструктивных докладов тов. Каменев, полемизируя с такого рода пониманием диктатуры пролетариата и явным образом имея в виду только что приведенное место из брошюры тов. Сталина, говорил: «Диктатура не есть союз одного класса с другим» (см. «Правда» № 11 от 14 января 1925 г.).

Партия в свое время с величайшим единодушием осудила этот неправильный, неленинский тезис тов. Каменева. «Я утверждаю,—писал тов. Сталин,—что заявление тов. Каменева о том, что «диктатура не есть союз одного класса с другим», данное в такой безоговорочной форме, не имеет ничего общего с ленинской теорией диктатуры пролетариата. Я утверждаю, что так могут говорить лишь люди, не понявшие смысла идеи смычки, идеи союза пролетариата и крестьянства, идеи гегемонии пролетариата в этом союзе»³.

Но, может быть, приведенные формулировки Ленина и Сталина имеют отношение лишь к *российской* действительности? Быть может, они неверны применительно к другим странам, в частности, применительно к Венгрии?

В брошюре т. Сталина «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» имеется место, стоящее в самой непосредственной связи с интересующим нас здесь вопросом. Охарактеризовав—вслед за Лениным—диктатуру пролетариата, как особую форму классового союза между пролетариатом и большинством крестьянства в целях создания и упрочения

* 1 Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 241.

2 Сталин, Вопросы ленинизма. Гиз, 1928 г., стр. 173.

3 Там же стр. 21.

социализма, тов. Сталин продолжает: «Одна из особенностей Октябрьской революции состоит в том, что эта революция является классическим проведением ленинской теории диктатуры пролетариата. Некоторые товарищи полагают, что эта теория является чисто «русской» теорией, имеющей отношение лишь к российской действительности. Это неверно. Это совершенно неверно. Говоря о трудящихся массах непролетарских классов, руководимых пролетариатом, Ленин имеет в виду не только русских крестьян... Ленинская теория диктатуры пролетариата есть не чисто «русская» теория, а теория, обязательная для *всех* (курсив мой.—В. М.) стран. Большеизм не есть только русское явление. «Большеизм,—говорит Ленин,—есть «образец тактики для всех»¹.

Вряд ли нужно напоминать, что эта мысль является одним из краеугольных камней ленинизма. В целом ряде работ Ленина и документов Коминтерна союз пролетариата с большинством крестьянства рассматривается как одно из основных условий пролетарской диктатуры—и не только для экономически-отсталых стран вроде Венгрии, но и для передовых империалистических стран. Проблема «смычки» *общеизвестна*. Она имеет значение не только для России, но и для *всех* других стран.

Обратимся теперь к конкретным особенностям венгерской аграрной экономики и к тактике венгерских коммунистов в аграрном вопросе. Посмотрим, как выглядят эти особенности и эта тактика в свете ленинского учения о диктатуре пролетариата, как форме классового союза пролетариата с большинством крестьянства в целях построения социализма.

* * *

Сельское хозяйство играет в Венгрии огромную роль. Оно занимает около 65% населения. При этом Венгрия является страной *крайне неравномерного и антидемократического распределения земельной собственности*. По данным 1920 г.², вся полезная сельскохозяйственная площадь страны составляла (включая пашню, леса огороды, пастбища и луга) 16 163 810 йох³ земли. Эта площадь распределялась между крестьянами (размер владений 0,1—100 йох) и крупными землевладельцами (свыше 100 йох) следующим образом: у 526 000 крестьянских дворов было 7,51 миллионов йох, у 7 166 крупных землевладельцев было 8,64 миллионов

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 174.

² Мы предпочли принять за основу данные переписи 1920 г. по следующим причинам. Во-первых, из более ранних переписей только перепись 1895 г. дает более или менее ясную картину распределения земельной собственности; все позднейшие дореволюционные обследования этот вопрос вовсе обходили; но само собой разумеется, что данные 1895 г. слишком устарели и не могут характеризовать аграрные отношения ближайших предреволюционных годов. Во-вторых, революция 1918—1919 гг. не оставила заметных следов в области распределения земельной собственности; есть, поэтому, все основания считать, что перепись 1920 г., в основном, довольно точно отражает картину поземельных отношений в Венгрии непосредственно перед революцией.

³ Венгерский «йох» = 951 кв. саж. = 0,57 га. Десять йохов составляют немного меньше 4 десятины.

йох. Таким образом, 1,4% всех землевладельцев владели 53,5% всей земли, а 98,6% всех землевладельцев—только 46,5% всей земли. Каких поистине необъятных размеров достигали владения некоторых помещиков, свидетельствуют следующие цифры: Эстергази принадлежало 516 тысяч йох, Шенборну—240 тысяч, Карольи—175 тысяч, Пальфи—100 тысяч, Андраши—92 тысячи.

Масса крупных землевладельцев отличалась большой монолитностью в смысле своего сословного состава. Подавляющее большинство крупных земельных собственников были дворяне. Правда, в Венгрии направление развития состояло в том, что размеры дворянского землевладения с течением времени сокращались. С одной стороны, землю разоряющихся дворян скупали банки, акционерные общества и отдельные капиталисты. С другой стороны, часть земли переходила в руки зажиточных крестьян. С 1905 г. по 1921 г. из рук помещиков в руки кулаков перешло 594 тысячи йох земли. Однако этот переход дворянской земли в руки «чумазных лендлордов» не мог принять сколько-нибудь значительных размеров уже в силу того, что из 8,64 миллионов йох крупновладельческой земли 3,69 миллионов йох составляли фиденкомиссы, монастырские, казенные, общинные и т. п. земли, вообще не подлежащие купле-продаже. Широкое распространение такой архаической формы землевладения, как фиденкомиссы, чрезвычайно замедляло процесс демократизации землевладения в Венгрии¹.

Итак, во владении 526 тысяч крестьянских дворов было 7,51 миллионов йох. Как же распределялась эта земля (в 1920 г.) между различными группами внутри крестьянства? Об этом позволяет судить следующая таблица:

Размер хозяйств:				Количество хозяйств:
До	1 йоха			31 225
От 1 до	5 йох			194 378
» 5 »	10 »			134 173
» 10 »	20 »			100 113
» 20 »	50 »			55 766
» 50 »	100 »			10 892

Если принять, что хозяйства от 1 до 10 йох составляли группу, сочтавшую обработку собственной земли с продажей своей рабочей силы на сторону,—то группа *бедняцких* хозяйств охватывала 67% общего числа хозяйств. Если отнести хозяйства от 10 до 50 йох к *средняцким*, то удельный вес этого слоя выразится в 21%. Наконец, группа *зажиточных крестьян*—«гроссбуаэров» (от 50 до 100 йох)—составит всего 2%. Таким образом подавляющее большинство венгерского крестьянства жило в условиях крайней земельной тесноты.

Совпадало ли в Венгрии крупное землевладение с крупным хозяйством? Известно, что в России (за вычетом прибалтийских и украинских губерний) такое совпадение обычно не имело места. В России преобладали

¹ См. Л. Мадьяр, Аграрная политика пролетарской диктатуры в Венгрии (журн. «Ком. Интернационал» № 12 за 1929 г.).

мелкие хозяйства на крупных латифундиях (в форме крепостнически-кабальной аренды и т. п.). Иное дело—в Венгрии. Крестьянская аренда не получила здесь широкого распространения. В 1910 г. в Венгрии (в ее теперешних границах) было не более 8 тысяч исполщиков. В 1920 г. число дворов, арендующих помещичью землю, не превышало 25—26 тысяч, что составляло лишь 5% всех дворов,—и только после мировой войны это число достигло, примерно, 60—80 тысяч. Но еще и сейчас крестьяне арендуют у помещиков всего лишь 464 тысячи йох, что составляет не более $\frac{1}{17}$ части всей помещичьей земли. Таким образом, в подавляющем большинстве случаев венгерские помещики «сами» ведут хозяйство в своих латифундиях, применяя для этого наемный труд сельскохозяйственных рабочих.

Рассмотрим теперь вопрос о развитии торгового земледелия в Венгрии. В какой мере сельское хозяйство втянулось уже в товарный оборот? Еще до революции 1848 г. венгерские помещики снабжали мясом не только венгерские и австрийские, но и немецкие и итальянские города. Венгерское вино отвоевало себе рынок в Германии, в Польше и даже в России. После отмены крепостного права втягивание сельского хозяйства в товарный оборот пошло особенно быстро. Л. Мадьяр следующим образом характеризует значение торговых культур в современном венгерском сельском хозяйстве: «Молочное хозяйство имеет огромное значение. Виноделие—очень распространенная культура, а виноградник требует вложения очень значительного количества капитала и труда. Где разводится, например, токайское вино, там 1 500 хозяйств на 10 000 йох эксплуатируют 30 000 рабочих. Один йох виноградника стоит в 8—10 раз больше, чем обычная земля. Пчеловодство, разведение шелковичных червей, фруктоводство имеют все возрастающий удельный вес. Огородничество имеет очень большое значение, и достаточно указать, что 3 000 огороднических предприятий эксплуатируют более чем 120 000 рабочих. Птицеводы уже снабжают и лондонский и мадридский рынок».

Одна из важнейших товарных культур в венгерском сельском хозяйстве—скотоводство. Вот таблица, показывающая рост скотоводства в Венгрии (в довоенных границах):¹

	Всего голов:	
	1895	1911
Рогатый скот	6 738 365	7 319 121
Лошади	2 308 457	2 351 481
Свиньи	7 330 347	7 580 446
Овцы	8 122 682	8 548 204
Козы	308 810	426 981

¹ Julius v. Rubinek, «Die Landwirtschaft Ungarns» (сборник «Ungarn», Budapest, 1917, S. 335).

Все виды скота численно возросли в период 1895—1911 гг.; особенно возросла численность рогатого скота. Нужно кроме того иметь в виду, что в 1895 г. большую половину (51%) всего рогатого скота составляла малоценная венгерская порода; между тем, в 1911 г. она составляла уже только четверть (27,8%).

После всего сказанного не может быть никаких сомнений, в какую сторону развивались аграрные отношения. Они развивались в капиталистическом направлении. Однако *было бы глубочайшей, непростительной ошибкой, если бы мы сделали отсюда те выводы, что помещичьи латифундии в Венгрии уже превратились в капиталистические «сельскохозяйственные фабрики» и что феодальные пережитки уже не играли существенной роли.* Конечно, Венгрия давно уже вступила на путь постепенного «мирного» перерастания крепостнического помещичьего хозяйства в хозяйство буржуазное, «юнкерское». Она даже ушла по этому пути несколько дальше, чем царская Россия. Но, тем не менее, многочисленные пережитки «средневекового варварства» еще сохранились в венгерской деревне. Сомневаться в этом—непростительно, ибо об этом с кричащей несомненностью свидетельствуют факты.

Прежде всего бросается в глаза *техническая отсталость* венгерского сельского хозяйства. В 1919 г. в Венгрии было лишь 365 паровых плугов и 128 тракторов, которые распахивали всего около 400 тысяч йох земли. В отношении применения искусственного минерального удобрения Венгрия далеко отстала от других стран. По данным Рубинек¹, применение искусственного удобрения за 1905—1914 гг. составляло в среднем за год:

Бельгия	применяла	265,9	килограмма	на	гектар
Англия	»	191,2	»	»	»
Германия	»	184,2	»	»	»
Франция	»	78,2	»	»	»
Австрия	»	43,5	»	»	»
Венгрия	»	17,4	»	»	»
Россия	»	2,6	»	»	»

Даже в 1927 г., когда потребление минерального удобрения в два раза превышало довоенное, больше половины крупных хозяйств вовсе не применяли минерального удобрения.

Результатом технической отсталости сельского хозяйства была его *низкая производительность*. По среднему урожаю с одного гектара Венгрия занимала среди прочих европейских стран одиннадцатое место. В Европе средний урожай с одного гектара ниже венгерского только в Испании и в Италии, почва которых не выдерживает никакого сравнения с венгерской.

Темп повышения урожайности в Венгрии был весьма медленный. В этом отношении Венгрия гораздо ближе к дореволюционной России, чем, например, к Германии. Средняя урожайность с одного гектара в период

¹ Julius v. Rubinek, назван. соч., стр. 328.

с 1881 г. по 1914 г. в Венгрии повысилась в отношении пшеницы на 7,5%, овса на 18,1%, картофеля на 11,2%, кукурузы на 23,3%. Между тем в Германии период 1908—1912 гг. по сравнению с периодом 1883—1887 гг. дал повышение урожайности пшеницы на 54%, ржи на 78%, овса на 68%, картофеля на 53%.

Посмотрим теперь, как было налажено производство в крупных хозяйствах. *Основной чертой организации помещичьего хозяйства являлось соединение капиталистической системы (наемный труд) с видоизмененной формой отработочной системы.* Что в Венгрии крупное землевладение совпадает с крупным хозяйством и что, следовательно, здесь находит широкое применение наемный труд сельскохозяйственных рабочих,—об этом мы уже говорили. Как же обстояло дело с отработками?

В первые десятилетия после «освобождения» крестьян, произошедшего в Венгрии в 1850 г., здесь процветала отработочная система в тех же варварских, средневековых формах, что и в пореформенной России. Но, примерно, с 90-х гг. прошлого века эта система претерпела некоторые изменения. В чем же заключались эти изменения? Тов. Л. Мадьяр пишет: «Чтобы обеспечить для себя необходимое количество рабочих рук, крупное хозяйство... создало... систему, которую мы бы назвали по-русски: системой издольного поденщика. В чем заключается эта проклятая система? Карликовый крестьянин, бедняк, а также и поденщик чрезвычайно нуждаются в венгерской деревне в кукурузе или в картофеле для прокорма свиней. Основное питание этих слоев населения состоит из хлеба и сала. Бедняк и сельскохозяйственный рабочий-поденщик всячески стараются получить хотя бы кусок земли, обеспечивающий их кукурузой или картофелем. Помещик нуждается в рабочих руках во время страды, бедняк и с.-х. рабочий-поденщик нуждаются в кукурузе или картофеле. Так и родилась система издольного поденщика. Бедняк или поденщик получали кусок земли, отведенный под кукурузу или картофель. Распахивали эту землю помещичьим инвентарем, засевали семенами помещика, но все остальные работы (копать землю, полить, полоть, собрать урожай), требующие как раз большего количества ручного труда, выполняет уже батрак или бедняк. Урожай кукурузы или картофеля делится в известной пропорции. В девятых годах издольный поденщик получал одну треть урожая, до войны уже часто давалась только одна четвертая часть... За это кроме работы на этом куске земли издольный поденщик обязан платить известную сумму денег за право получения доли урожая, и кроме этого он еще обязан во время уборки отработать на земле помещика несколько рабочих дней... Эта проклятая система становится все более невыносимой и для бедняков и для поденщиков, ибо постоянно растет денежная сумма и постоянно растет количество рабочих дней, которыми поденщик обязан помещику»¹.

Нетрудно видеть, что перед нами—система, основанная, главным образом, на докапиталистических приемах эксплуатации рабочей силы. Прав

¹ Л. Мадьяр, названн. работа, стр. 16—17.

да, «издольные поденщики» пользуются не своим, а помещичьим инвентарем,—в этом именно и заключается отличие системы «издольных поденщиков» от чистой формы отработок. Но, с другой стороны, мы находим здесь такие «классические» черты докапиталистической эксплуатации, как оплата натурой («доля урожая») и фактическое прикрепление закабаленных поденщиков к помещичьей земле.

Дополним нашу характеристику отношений между владельцами сельскохозяйственных латифундий и их рабочими еще следующей выдержкой из работы В. Тотомианца: «Сельский рабочий больших имений или латифундий живет на ферме в домах казарменного типа. В лучшем случае он и его семья пользуются отдельной комнатой при общей кухне. Батрак, нанимаясь на целый год, обязан предоставить для работы в течение 24 дней свою жену. В награду за это он (и его жена) получает от 40 до 100 крон в год зернового хлеба на сумму до 120 крон, небольшой огород и кроме этого необходимейшие жизненные припасы. Батрак не имеет права ни на один день отлучаться от работы. Только в хорошо поставленных имениях его редко заставляют работать по воскресеньям. Службу свою он может покинуть только на новый год, т. е. в холодное и неблагоприятное для него время. Очень немногим батракам удастся при таких условиях скопить денег на покупку клочка земли. Огромное количество их живет под ярмом вечной эксплуатации. Чахотка и тиф довольно обычные гости в жилищах батраков. Медицинская помощь не организована»¹.

Каковы были результаты полуфеодальной эксплуатации деревенских поденщиков, об этом рассказали сами же представители правящих классов. В докладе правительству окружной начальник комитета (округа) Чанад вынужден был констатировать, что «этот наиболее полезный слой населения не является гражданином государства, а парием земли, о котором нельзя сказать, что он живет, а лишь, что он прозябает». Председатель союза крупных аграриев в 1908 г. заявил, что «если смертность сельского пролетариата будет продолжаться в том же темпе, то страна обречена на гибель».

Подведем теперь итоги нашего краткого обзора венгерской аграрной экономики.

Аграрные отношения в Венгрии характеризуются тесным сплетением многочисленных остатков средневекового феодального уклада с архисовременными приемами капиталистической организации производства.

Экспроприация крестьянской земли в пользу помещиков, стоящая в связи с проникновением капитализма в сельское хозяйство, подвинулась в Венгрии дальше, чем в дореволюционной России. Это привело к образованию огромных латифундий, на которых применяется наемный труд сельскохозяйственных рабочих, и к зарождению широкого (относительно большего, чем в дореволюционной России) слоя безземельного и малоземельного крестьянства.

¹ В. Тотомианц, *Формы аграрного движения*. СПб, 1907 г., стр. 111.

Но, с другой стороны, Венгрия в смысле развития производительных сил сельского хозяйства еще весьма отстает от передовых капиталистических стран.

Причиной слабого развития производительных сил являются докапиталистические пережитки, во множестве сохранившиеся не только во взаимоотношениях между помещиками и крестьянами, но даже в области организации производства в самих помещичьих латифундиях.

Все это означает, что *аграрное развитие Венгрии отнюдь еще не разрешило задач буржуазно-демократического переворота в сельском хозяйстве и не освободило широкие слои революционной демократии, во главе с пролетариатом, от необходимости бороться за разрешение этих задач. Эта борьба должна протекать в тесной связи с борьбой пролетариата за его особые, самостоятельные задачи, как класса, стремящегося к уничтожению всех вообще видов частной собственности, всех вообще форм эксплуатации.*

* * *

В течение многих столетий венгерское крестьянство жило надеждой, что огромные земельные владения магнатов когда-нибудь перейдут в его руки. Но аграрно-финансовая олигархия, державшая в своих руках власть до октябрьской революции 1918 г., не могла и не хотела допустить коренную реформу. Пришедшее же ей на смену правительство Кароли бесплодно топталось на месте и ничего не успело изменить в деревне. Вполне естественно, что крестьянство было вполне равнодушно к судьбе этого правительства, доказавшего свое бессилие разрешить аграрный вопрос. Но, к несчастью для венгерской революции, и советское правительство, сменившее мелкобуржуазных «демократов» и псевдосоциалистов, *не сумело довести до конца аграрную революцию.* Оно не учло стремлений крестьянства и не пошло ему навстречу.

3 апреля 1919 г. был издан декрет, по которому все крупные и средние хозяйства со всем их живым и мертвым инвентарем безвозмездно переходили в собственность государства. Национализированная земля подлежала передаче в кооперативную обработку, для чего должны были образоваться товарищества сельскохозяйственных рабочих. Членами этих товариществ могли стать все, кто принимал участие (не менее 120 рабочих дней в году) в обработке земли данного хозяйства. Вся чистая прибыль от ведения хозяйства должна была распределяться между членами этих товариществ.

В дальнейшем был опубликован дополнительный декрет, освобождавший от экспроприации все хозяйства ниже 100 моргенов (около 50 десятин). В общем экспроприации подверглось около 50% всей земельной площади и от 35 до 40% пахотной земли.

Практически удалось провести в жизнь только первую часть декрета от 3 апреля: земля была подвергнута национализации, но кооперативные товарищества сельскохозяйственных рабочих не получили большого раз-

вития. В большинстве случаев управление национализированными поместьями фактически осталось за прежними управляющими и даже владельцами, перешедшими на службу к советскому государству. «Чтобы только не повредить урожаю,—пишет Е. Варга,—правительство в большинстве случаев оставляло в экспроприированных имениях весь служебный персонал. Они руководили хозяйством попрежнему, теперь только за счет государства. Во многих случаях оставляли в качестве управляющего даже бывшего землевладельца—там, где он сам вел хозяйство. То же самое делалось и в России при экспроприации крупных промышленных предприятий. Но в то время, как в России сейчас же выступали фабрично-заводские комитеты, фактически осуществляя рабочий контроль, на экспроприированных крупных имениях Венгрии предусмотренное, правда, образование подобных же комитетов оставалось, по большей части, на бумаге... Владелец продолжал жить в прежнем помещичьем доме, выезжая на четверке, и рабочие попрежнему называли его «барином»¹.

Каковы были политические результаты аграрной политики советского правительства?

Прежде всего нужно со всей определенностью подчеркнуть, что эта политика была бессильна нанести смертельный удар пережиткам венгерского феодализма. Она не стирала, а, наоборот, закрепляла границы между землей крупных и мелких землевладельцев, исторически сложившиеся в течение многих веков помещичьего господства. Вместо того, чтобы сломать все перегородки землевладения и тем самым максимально затруднить возврат к старым порядкам,—она стремилась увековечить эти архаические, средневековые перегородки. Эта черта аграрной политики венгерского советского правительства была отлично подмечена политиками и публицистами контрреволюции. Нескрываемая ирония чувствуется в следующих строках, вышедших из-под пера Оскара Яси, бывшего министра в кабинета Кароли: «Венгерский феодализм должен быть вечно благодарен венгерскому большевизму: именно этот последний дискредитировал... политику раздела земли и спас крупную поземельную собственность, перекрасив ее в красный цвет. Он не только оставил в неприкосновенности латифундии, но даже в полном смысле слова принес облегчение крупным землевладельцам. Один из моих друзей—помещик из Трансдубии—доказывал мне с цифрами в руках, что в период тяжелых экономических затруднений, когда отдельный помещик не мог бы перенести тяжесть фантастически вздутой заработной платы и все более обострявшейся нехватки промышленных изделий и семенного материала,—этот помещик был спасен советской республикой, которая приняла на себя заботы о заработной плате и о необходимом капитале»².

В результате ошибочной политики советского правительства широкие массы крестьянства испытывали крайнюю неудовлетворен-

¹ Е. Варга. Проблемы экономической политики при диктатуре пролетариата. Гиз 1922 г., стр. 91.

² Oskar Jaczi, Magjariens Schuld, Ungarns Sühne, München 1923. Seite 133.

ность. Декреты советского правительства несколько не улучшили их положения. Земля, правда, переменила владельца; из рук помещика она перешла в руки государства; но крестьянской бедноте она все-таки не досталась. Революция прошла мимо деревни, не постучавшись в окно бедняка. Поэтому крестьяне не были заинтересованы в сохранении советского строя. Они относились к нему равнодушно или даже прямо враждебно.

В стране, где сельское хозяйство поглощает 65% всего населения и где беднота составляет подавляющее большинство крестьянства, это обстоятельство имело огромное значение. Оно лишило советскую власть опоры в огромных слоях населения и превратило значительную часть крестьянства в орудие контрреволюции.

Непонимание необходимости объединения «крестьянской войны» с пролетарской революцией, неумение использовать демократическое аграрное движение в интересах борьбы за социализм—такова одна из коренных ошибок венгерских коммунистов. Эта ошибка не только являлась причиной разрыва между пролетариатом и основными массами крестьянства в Венгрии, но повлияла и на чешских, румынских, словацких, сербских крестьян, составляющих основное ядро тех армий, которые Антанта послала против венгерской пролетарской революции. Эти иностранные крестьянские армии задушили советскую Венгрию¹.

До каких нелепостей договаривались руководители Венгерской советской республики в вопросе о крестьянстве и путях развития деревни к социализму, свидетельствует книга т. Е. Варга «Проблемы экономической политики при диктатуре пролетариата», написанная уже после падения Советской республики, когда, казалось бы, можно было дать вполне трезвую оценку причин ее крушения. В этой книге т. Е. Варга пишет: «Мы считаем утопическим оптимизм Ларина (речь идет об одной статье т. Ларина эпохи «военного коммунизма».—В. М.), будто под влиянием государственных крупных хозяйств крестьяне придут к добровольному отказу от своей частной собственности...» Что же предлагает т. Варга взамен мероприятий, которые он считал утопическими? «Путем организации просветительной работы мы могли бы научить крестьян лучшим методам хозяйства, повысить их потребности и предупредить таким образом возврат к замкнутому домашнему хозяйству». Но сам т. Варга не очень верит в силу просветительных мероприятий. Он тут же предлагает другой план социалистической реорганизации сельского хозяйства,—план,

¹ Небезынтересно отметить, что русские большевики уже тотчас же после возникновения Венгерской советской республики предупреждали венгерских товарищей об опасности недооценки крестьянских требований. В передовой статье от 22 марта 1919 г., приветствуя Венгерскую советскую республику, «Известия ВЦИК» писали: «Не может быть никакого сомнения, что первым делом венгерского советского правительства будет урегулирование земельного вопроса по образцу русского декрета от 26/X 1917 г. Экспроприация земельной собственности в Венгрии и передача ее венгерским крестьянам будет блестящим примером для крестьян Румынии и, прежде всего, для крестьян Семиградья, которые встанут против олигархии румынских бояр». К несчастью, венгерское советское правительство не пошло по этому единственно правильному пути.

который ярко характеризует аграрную политику советской Венгрии; *«В этом случае т. е. в случае провала просветительных мероприятий.— В. М.) нет другого средства, кроме экспроприации самой земли... Организациям, состоящим из сельских пролетариев и находящимся под контролем местного совета,—мелким трудовым товариществам должны были бы быть переданы экспроприированные крестьянские имения для коллективной обработки за натуральную арендную плату»*¹.

Нужно ли говорить, что этот проект насильственной коллективизации трудовых крестьянских хозяйств представляет собою образец доктринерского применения марксистского метода и что он ничего общего не имеет с ленинской постановкой вопроса о союзе рабочего класса с большинством крестьянства?

Образцом *правильной* тактики в крестьянском вопросе является тактика *русских большевиков* при захвате политической власти в 1917—1918 гг. Как известно, этот крупнейший тактический маневр, закрепивший военный союз пролетариата с крестьянством и тем самым укрепивший советскую власть, заключался в том, что декрет о земле был составлен на основе тогдашнего требования подавляющего большинства крестьянства о раздроблении крупных имений и об уравнительном землепользовании. Будучи уступкой тогдашним настроениям крестьян, декрет о земле в то же время являлся одной из первых переходных мер на пути к социализму, ибо он способствовал укреплению диктатуры пролетариата, которая составляет основное и важнейшее условие для социалистического преобразования общества.

Подобная же тактика должна была применяться и в Венгрии, где подавляющее большинство крестьянства—совершенно так же, как это было в России—добивалось уравнительного землепользования.

Поскольку *такая* тактика не применялась, поскольку пролетарская революция не была объединена с «крестьянской войной», поскольку союз пролетариата с большинством крестьянства в целях построения социализма не был закреплен разрешением аграрного вопроса в духе крестьянских требований,—постольку не может быть речи о существовании в Венгрии в 1919 году сколько-нибудь полной, развернутой, законченной диктатуры пролетариата.

Венгерская революция 1919 года привела к возникновению первичной, начальной, подготовительной формы пролетарской диктатуры—формы исторически необходимой и прогрессивной, но, тем не менее, неспособной обеспечить победу социализма.

Таков вывод, который обязан сделать всякий, кто хочет изучать историю первой пролетарской революции в Венгрии под углом зрения ленинизма, кому претит пустое «революционное» фразерство и кто хочет называть вещи их настоящими именами. Вл. Миросhevский

¹ Е. Варга, назван. сочинение, стр. 95—96. — Следует отметить, что т. Варга впоследствии отказался от положений, выставленных в этой работе, и подверг аграрную политику Советской Венгрии надлежащей критике. См., напр., его статью о Венгрии в «Ежегоднике Коминтерна» за 1923 год.

О РАСКОЛЕ В РСДРП И МОИХ ЗАГРАНИЧНЫХ ВСТРЕЧАХ С В. И. ЛЕНИНЫМ

1902—1904 гг.

(Отрывки из воспоминаний)

III

В предыдущем отрывке ¹ я говорил, какие соображения и обстоятельства заставили меня по приезде за границу поселиться в конце концов в Женеве. В те годы в Женеве жила масса русских всех возрастов и всяких направлений и взглядов, начиная от радикально-демократических и кончая социал-демократическими и эсеровско-анархическими элементами. Преобладала, конечно, молодежь—преимущественно учащаяся,—социалистически-революционно настроенная. Обилие русских (точнее—россиян) придавало даже особый отпечаток всему городу, и «русские» (сами швейцарцы—женевцы валили всех выходцев из России, независимо от их национальности, в одну кучу—«русские»), раз попав в Женеву, действительно вскоре начинали чувствовать себя «как дома». Недаром некоторые путники предлагали переименовать Женеву в «город Женевск, Швейцарской губернии». В самом деле, где бы вы ни шли по городу или в окрестностях его, всюду могли встретить толпы людей, оживленно и шумно болтающих или спорящих между собою по-русски. Это и другие подобные «расейские» привычки делали то, что многие из нашей рядовой эмиграции даже не испытывали необходимости научиться иностранному (французскому) языку, чтобы объясняться с местным населением. С другой стороны, уже в то время,—а в дальнейшем, как увидим ниже, еще больше,—именно Женева становилась наиболее крупным и оживленным центром русской заграничной политической жизни по сравнению с другими европейскими городами.

Итак, я в Женеве. Предстояло ознакомиться возможно полнее и подробнее с новейшей русской политической литературой, в частности и главным образом с «Искрой» и «Зарей»—с их направлением и взглядами по вопросам программы, тактики и организации нашей партии. К этому времени уже была издана и получила широкое распространение книжка Ле-

¹ «Пролетарская революция», 1929 г., кн. август — сентябрь.

вина «Что делать?», а незадолго перед моим приездом был опубликован проект программы партии, разработанный редакцией «Искры» и «Зари».

Книжка Ленина «Что делать?», десятка два вышедших уже номеров «Искры», три или четыре номера журнала «Зари» и некоторые другие вещи и, наконец, упомянутый проект партийной программы «Искры» и «Зари», с одной стороны, с другой—довольно частые беседы с Плехановым на разные темы и переписка с Лениным дали мне, до того оторванному от живой жизни в продолжение более чем двух лет, возможность в сравнительно короткий срок освоиться с положением дел, ознакомиться детально с направлением «Искры» и ее взглядами по вопросам программы, тактики и организации.

К этому времени издание «Рабочего дела», с его «Листками» уже фактически прекратилось; попытка Акимова с Мартыновым воскресить его в виде какого-то органа—что-то вроде «Красное знамя», или «Наше знамя» что ли, хорошенько не помню,—тоже потерпело неудачу: вышли лишь два или три номера, кажется, и наши «экономисты» в этом смысле остались «безработными». Это ли обстоятельство или обида какая на Ленина за его «Что делать» (за главу, например, «Как Мартынов углубил т. Плеханова»), только долго Мартынов не мог тогда успокоиться и не упускал ни одного случая, чтобы в своих выступлениях на рефератах паки и паки не уделить должного внимания Ленину, что большей частью делалось им в начале речи, которая обычно начиналась: «Ленин—в своей книжке «Что делать»... В конце концов публика так привыкла к этому, что бывало только успеет он медленно произнести: «Ленин»... как кто-нибудь из слушателей спешил громко подсказать: «В своей книжке «Что делать?»..., чем вызывал сдержанный добродушный смех аудитории.

К описываемому времени (осень и затем зима 1902 г.) в России стало сильно расширяться массовое революционное движение рабочих в крупных городах и фабрично-заводских центрах, и особенно на юге, принимая, под руководством местных социал-демократических комитетов и организаций, все более политический, организованный характер. Знаменитые ростовские забастовки, происходившие в ноябре того года и превратившиеся в длительные массово-политические митинги-демонстрации, представляли собою явление, по своим размерам и выдержанности не имевшее себе равного во всей истории революционного движения в России. Я помню, с каким напряженным и неослабевающим вниманием слушала наша женеvская публика простые, безыскусственные доклады двух рабочих из числа непосредственных участников и руководителей ростовских стачек—Ставского и Мочалова; тотчас по окончании этих грандиозных забастовок им счастливо удалось скрыться и вскоре после того прибыть за границу к Плеханову.

Эти ростовские события явились тогда как бы поворотным пунктом и сигналом к подобным же выступлениям в других городах.

Наряду с этим росло и ширилось, судя по всему, влияние «Искры» на местные социал-демократические комитеты и организации, а через них

на передовые слои пролетарской массы. Популярность «Искры» уже в это время была огромна; к началу 1903 года она бесспорно стала тем, чем задавалась быть при своем основании: стать общерусской политической газетой. Ее направление—программа, тактика и организационные принципы—с каждым месяцем, с каждым новым очередным номером получало более широкое признание, отвоевывало себе все новые и новые комитеты.

Появившиеся еще в первой половине 1902 года органы нарождавшихся уже тогда партий: социалистов-революционеров—«Революционная Россия» и либералов—«Освобождение» не только не могли ослабить эту роль «Искры» но, наоборот, еще более усиливали ее, давая прекрасный материал для разоблачения буржуазно-классовой сущности этих партий.

Спустя некоторое время по прибытии нашем в Женеву я и Прасковья Ивановна были приняты, по предложению Владимира Ильича, в члены заграничной Лиги русской революционной социал-демократии, о чем сообщил нам, кажется, из Парижа, один из администраторов Лиги—Дейч. Мы вступили в местную группу содействия организации «Искры». В зиму и весну 1902/03 года у меня было несколько кружков самообразования и пропаганды, состоявших главным образом из русской учащейся молодежи, очень революционно настроенной и весьма сочувствующей социал-демократии искровского направления; многие члены этих кружков мечтали о том, чтобы, получше подготовившись теоретически и практически, вернуться в Россию на подпольную практическую работу. Помню, в один из этих кружков Плеханов очень просил меня принять обеих его дочерей—студенток, но беда в том, что одна из них совсем не говорила по-русски и дома даже с родителями объяснялась не иначе, как по-французски, а другая при нужде хоть и говорила по-русски, но весьма плохо. Это во-первых, а во-вторых,—что-то не замечалось у них соответствующего настроения и интереса. Так у нас из этих переговоров ничего и не вышло...

Зато когда однажды Плеханов зашел ко мне рассказать об упомянутых выше ростовских товарищах, только что прибывших в Женеву, просил о их «духовном снабжении» и пр., я весьма охотно взялся выполнять это его предложение.

Приблизительно в эту же пору мне пришлось на короткое время взять на себя заведывание лигийской типографией в Женеве. Как раз в этот промежуток времени поступила в набор рукопись брошюры Ленина «К деревенской бедноте», присланная им из Лондона; затем брошюра К. Каутского «Социальная революция и на другой день после социальной революции», А. Тун «История революционных движений в России» с предисловием Плеханова и некоторые другие вещи.

С социалистами-революционерами, пытавшимися своей трескучей революционной фразеологией по вопросам о крестьянстве и аграрной программе и своей тактикой «эксцитативного» террора повлиять на отсталые элементы из рабочей массы и на кое-какие местные организации, велась

ожесточенная полемика не только на страницах «Искры», но и путем рефератов, устраиваемых главным образом в Женеве, а иногда в Париже, в Берлине и Берне. С этими рефератами или на этих рефератах выступали со стороны социал-демократов Ленин и Плеханов—воевать с эсерами и не только по аграрному вопросу, но и вообще,—это был, положительно, конек Плеханова; от эсеров выступали Чернов и Гоц-Рафаилов. Эти рефераты привлекали не только всю массу местной публики, переполнявшей собою огромное помещение: специально послушать их приезжали «гости» из других городов: Берна, Цюриха, Лозанны, а бывало иногда и из Парижа или Берлина. Помимо таких рефератов бывали доклады, так сказать, и общего характера, по поводу каких-либо крупных событий в России. Об одном из таких докладов—о ноябрьских забастовках в Ростове-на-Дону—я уже говорил выше. Вспоминается мне также реферат Плеханова по поводу еврейского погрома в Кишиневе. Председательствует Дейч. Народу—видимо-невидимо, страшная теснота. В конце зала у выходных дверей стоит, на всякий случай, «стража» из своих же весьма дюжих товарищей. Среди общей тишины слышится только взволнованный голос докладчика, излагающего ход событий... Вдруг у дверей слабый шум и тотчас вслед за тем раздается громко, на весь зал, голос с сильным восточным акцентом: «Георги Валэнтыныч, замалчи»... Плеханов, ни капельки не смутившись, продолжает как ни в чем не бывало... Тут же вновь повторяется тот же голос: «Георги Валэнтыныч, прэкрати, да, ва!»... Все невольно оглянувшись, видят в конце зала здорового детину с поднятым в руке револьвером, направленным прямо на Плеханова. Это—«известный» в то время в Женеве анархист, одноглазый верзила, охотник в пьяном виде похулиганить на разных собраниях; на этот раз, подвыпивши, незаметно как-то он прошел к нам со своими собутыльниками; они особенно не любили эс-деков и в частности Плеханова. После короткой возни «стража» наша и другие близстоящие обезоружили анархиста и выставили его с его компанией за дверь. Однако, как ни быстро происходит все это, возмущение и волнение охватывает весь зал; особенно нервничают женщины: слышатся истерические выкрики, с кем-то дурно, возня... И вот в этот момент общей суматохи вдруг зал погружается в тьму... «Остроумный» хозяин кафе, услышав шум и крики наверху, решил «для восстановления спокойствия», как он потом объяснял, выключить свет, что, конечно, только усилило кутерьму. Свет снова появился, и на услужливое предложение того же хозяина—не вызвать ли жандармов (полицейских), обращенное к Плеханову, последний иронически поблагодарил его, прося только оставить нас в покое. Тут же все успокоилось, продолжение и конец реферата прошли уже без всяких инцидентов.

Тем временем в жизни партии наступали важные, решающие события: вопрос о созыве второго очередного съезда партии уже с конца 1902 и начала нового года стал первоочередной, неотложной задачей. Огромные завоевания «Искры» во всех областях внутрипартийной жизни, ее блестящие успехи в деле строительства и объединения партии все больше

и шире получали признание на местах; эти бесспорные фактические успехи надо было торжественно юридически, так сказать, закрепить в интересах дальнейшего и более мощного роста партии и революционного движения в России. Это закрепление, это «увенчание» (да простится мне это либеральное словечко) результатов более чем двухлетней упорнейшей работы предстояло завершить съезду.

Таким «собирателем» партии, таким своего рода коллективным «калитою» была «Искра» вообще и в частности и главным образом Ленин, которому благодаря его—помимо всего прочего—блестящим организаторским способностям и энергии удалось довести дело до конца.

Как известно, создан был Организационный комитет (ОК) по созыву второго съезда, куда входили представители различных организаций, в том числе и организации «Искры». Вся тяжесть постоянного и напряженного руководства действиями этого ОК фактически,—как можно было тогда уже догадываться и как впоследствии подтвердилось это,—легла на плечи Ленина. Тот, кто вел в те времена более или менее ответственную партийную работу в российском подполье, может легко себе представить, какие громадные трудности приходилось преодолевать почти на каждом шагу ОК в своей работе по подготовке съезда. Немало было ухлопано средств и людских сил на эту работу. Однако после 9-месячной (ноябрь 1902—июль 1903 г.) упорнейшей работы ОК наконец блестяще выполнил возложенную на него задачу: съезд был созван на 30 июля 1903 г., торжественно открыт при наибольшей, при тогдашних условиях, полноте представительства действовавших на местах комитетов и организаций.

Следует, однако, заметить при этом, что по мере приближения срока созыва съезда кое-какие неискровские и антиискровские остаточки и осколки стали обнаруживать некоторые признаки жизни. Среди них относительно наиболее «солидные»—рабочедельцы («экономисты» тоже) с возглавляемым ими «Союзом русских социал-демократов» за границей, не на шутку зашевелились и прилагали все усилия к тому, чтобы где можно оторвать от местных комитетов какие-нибудь группы с целью добиться представительства этих групп на съезде. Но все эти старания имели в конце концов весьма мизерный успех: в одном только Питере им удалось временно отколоть от комитета группу с рабочедельческим направлением; этой-то группе, называвшей себя петербургской рабочей организацией или «Союзом борьбы», и был тогда предоставлен один из двух голосов петербургского комитета (каждому комитету или заменяющему его союзу было предоставлено ОК два голоса); при этом любопытная деталь: петербургский комитет послал на съезд рабочего А. Шотмана—рабочего-металлиста (на съезде—Горский); названная же рабочая организация—интеллигентку Л. Махновец (на съезде—Брукер). Таким образом, этот один голос вместе с двумя голосами заграничного союза русских социал-демократов (Мартынов и В. Махновец-Акимов, и составили те три рабочедельческих голоса, которые фигурировали на съезде. Плюс к ним пять ан-

тиисковских голосов Бунда—вот всего восемь неискровских голосов из общего числа 51 решающего голоса на II съезде партии.

Но здесь я несколько забежал вперед. Вопрос о переселении «Искры» в Женеву ставился не раз уже с 1902 года некоторою частью редакции; особенно горячо стоял за это Плеханов; помню высказывавшееся им иногда недовольство и раздражение территориальной оторванностью от «Искры», а более или менее частые поездки его в Лондон представлялись ему, по его словам, неудобными... Ленин был все против такого переезда. Наконец столь долгожданное переселение состоялось: в конце апреля 1903 года «Искра» с лондонской частью редакции переехала в Женеву, и печатание газеты продолжалось уже здесь. Кроме Ленина и Крупской переехали сюда также Мартов и Засулич; Старовер же (Потресов), прибыл еще раньше, зимою, из какого-то санатория, где он лечился. Только П. Аксельрод продолжал оставаться в своем Цюрихе. Приблизительно в это же время прибыл, кажется, из Парижа и Троцкий.

Владимир Ильич приехал в Женеву совсем больной. У него была на груди какая-то сыпь,—видимо довольно мучительная, раздражающая штука; по-французски называлась она «feu sacré»—«святой огонь», и в минуты спокойствия В. И., помню, сам же посмеивался над этим наименованием—«святой огонь». Во время болезни он помещался в каких-то меблированных комнатах на Рон Пуан, где его устроили, кажется, супруги Бонч-Бруевич. По выздоровлении Владимир Ильич поселился в одной из окрестностей Женевы.

С этого же времени начинается последний период подготовки к съезду—самый интенсивный и горячий. Приблизительно месяца за полтора до съезда понемножку стали съезжаться в Женеву делегаты. Все с нетерпением стали ожидать открытия съезда. Ленин особенно волновался, тормошил и подгонял искровскую часть ОК и русский отдел организации «Искры».

Наконец он открылся—этот так долго ожидавшийся и так тщательно подготавливавшийся съезд. Почти пять с половиной лет отделяли его от первого съезда. Все придавали ему особое значение, как важнейшему событию в жизни партии. Всеми чувствовался какой-то подъем, и ничто, решительно ничто, не предвещало каких-либо непредвиденных печальных событий. Разумеется, никто и не думал, что на съезде все пройдет как по нотам—без сучка и задоринки; нет, таких наивных чудачков не было. Все думали, что, вероятно, будет борьба, а временами, быть может, и ожесточенная, но... съезд!—верховный орган, его воля—общеобязательна для всех членов партии, снизу доверху, его решения непрекаемы; они могут быть изменены или вовсе отменены только съездом же! Следовательно, какие бы там бои не происходили, или вернее, именно в результате этих боев, возродится единая партия с единой программой, тактикой и организационными формами. Так казалось всем нам—не участникам съезда, да так, вероятно, думали и сами съездовцы. К сожалению, на деле вышло не совсем так...

Однако, судя по некоторым сведениям, вначале все шло хорошо, как впоследствии и подтвердилось, вся первая половина съезда прошла достаточно дружно: бундовскую федерацию с треском провалили, проект программы «Искры», с незначительными поправками, был утвержден, «Искра», как таковая, т. е. как орган определенного направления, была признана центральным органом партии (ЦО), принят был организационный устав партии—хотя с небольшой «трещиной» (по выражению Ленина): § 1 его прошел в формулировке Мартова, а не Ленина.

Бунд, обидевшись, что его «федерацию» съезд отверг, демонстративно заявил, что он выходит из состава РСДРП, и тут же покинул съезд. Вскоре, после того, когда за распусчением таких самостоятельных групп как организации «Искра», «Южный рабочий», «Освобождение труда», очередь дошла до заграничного «Союза русских социал-демократов»—представители его, рабочедельцы Мартынов и Акимов, обидевшись тоже за роспуск их «Союза», также демонстративно покинули съезд. Таким образом, из восьми антиискровских голосов семь выбыло (5 бундовских и 2 из трех рабочедельческих). Вслед за тем при обсуждении вопроса о центрах (ЦК и ЦО), о выборе личного состава их и пр. уже часть самих искровцев повела себя так, что создала некоторую угрозу возможного раскола.

Такого рода поведение со стороны части искровцев было тем более странным, что ее возглавляли люди, которые, казалось, ни в каком случае не должны были взять на себя эту печальную роль. Но обо всем этом мы, лигисты, узнали позже, когда съезд уже закрылся, а до того нам казалось—мы даже уверены были в том,—что все его работы шли и закончились во вполне благоприятном «искризму» направлении.

Вскоре по окончании съезда участники его стали разъезжаться. Многие из них двинулись в Женеву. В это время, если не ошибаюсь, набирался № 47 «Искры». В числе первых приехал и Ленин—это было в конце августа. Помню, однажды, вернувшись домой после обеда, я нашел на столе его записку, где он писал, что посылает эту записку с Vertrauensmann (доверенное лицо—это был, кажется, Павлович-Красиков), что тот должен сообщить мне кое-что и что, наконец, он сам хочет поскорее повидаться и подробнее поговорить со мной, для чего рассчитывает зайти к нам на другой день утром. Мы с П. И. были, разумеется, чрезвычайно рады этому и с нетерпением стали ожидать его. На другой день утром Владимир Ильич действительно зашел к нам (познакомился тут же впервые с П. И.), и вскоре мы с ним вдвоем ушли «на часок» пройтись и потолковать. Этот «часок» длился довольно долго, и я вернулся домой что-то к вечеру. П. И. терялась в догадках, куда я пропал на целый день, а я и не замечал, как время летело...

Отправились мы с ним куда-то за город, и Владимир Ильич оживленно, но не горячась, не разбрасываясь, стал передавать, в самых существенных чертах, конечно, все, что происходило, день за днем, на самом съезде и около съезда—до ухода Бунда и после того; рассказывал также

и об условиях работы еще до съезда внутри редакционной шестерки, о взаимоотношениях между членами редакции, об удельном весе и работоспособности того или другого из этих членов. Временами я останавливал и переспрашивал его в наиболее запутанных местах, и он вновь подробнее освещал отдельные моменты борьбы, характерные группировки при различных голосованиях на съезде и т. п.

Нечего и говорить, с каким напряженным, неослабным вниманием следил я все время до самого конца за рассказом Владимира Ильича. Меня, как вскоре многих и многих других, поразило, ошеломило и глубоко огорчило своей полной неожиданностью не то, конечно, что состав искровцев на съезде оказался далеко не однородным, не первосортным, так сказать; что одни из них оказались более сильными, последовательными, выдержанными, а другие слабыми, непоследовательными, колеблющимися; нет, конечно, это было в порядке вещей. Точно так же не было ничего удивительного и в том, что между этими, с одной стороны, и рабочедельцами и бундовцами—с другой, часто бывало при голосованиях некоторое «родство душ» что ли, трогательное взаимное протяжение,—нет, и не это. А вот факт такого резкого расхождения, раскола, перед лицом съезда, среди самих руководителей «Искры». При этом—подумать только!—не по какому-либо принципиальному вопросу—таких уже не было—а по вопросу о *личном составе* центров: ЦО и ЦК! Но что уже совершенно было дико, это то, что возглавил-то эту оппозицию не кто другой, как... Мартов—друг Ленина, *ближайший товарищ и соратник его по работе* за все время существования «Искры» и до нее!!! Между тем как ранее, еще до съезда, поскольку бывали конфликты, трения, размолвки внутри редакционной шестерки по различным существенным вопросам, как, например, по поводу проекта аграрной программы Ленина и другим, разделение, поскольку оно имело место, происходило главным образом, если не всегда, между «молодыми» (Ленин, Мартов и Старовер-Потресов) с одной стороны, и «стариками» (Плеханов, П. Аксельрод, Засулич),—с другой, не говоря уже о столкновении с Плехановым (группой «Освобождение труда») при самом основании газеты, благодаря чему «чуть не потухла «Искра».

И все это только потому, что съезд выбрал не всю редакционную шестерку, а лишь часть из них... Нет, это было слишком. Прямо не верилось, не хотелось верить этому! Ленин говорил тогда об этом шаге Мартова с чрезвычайным сожалением, высоко ценя его блестящие публицистические способности и вообще считая его крайне необходимым членом в редакционной коллегии. Многие из нас, в том числе и сам Ленин, не теряли надежду, что дело еще поправится, что Мартов не станет по каким-то семейно-психологическим мотивам дальше упорствовать в своем отказе принять избрание его съездом в редакцию, что воля съезда, интересы партии и политические соображения превозмогут в конце концов в нем его неприятные личные переживания—«измену» (sic!) по отношению к неизбранным товарищам по редакции.

Попытки к примирению, товарищеские переговоры с целью немедленного восстановления мира в партии,—эти попытки начались еще в Лондоне, тотчас по закрытии съезда, и продолжались в Женеве. Автор этих строк также пытался, по предложению Ленина и своему личному желанию, в частной, товарищеской душевной беседе склонить Мартова войти в редакцию и возможно скорее ликвидировать этот скандальный конфликт. Это было вскоре по возвращении всех из Лондона—в самом конце августа. Беседа велась у нас в самых мирных тонах, совершенно спокойно. Я указывал на всю нелепость инцидента, который, раз возникши, уже в силу своей внутренней логики не может оставаться в одном положении и, не будучи быстро улажен, поведет лишь, хотим мы того или нет, к дальнейшему обострению и углублению его, а это уже подрыв той самой работы, которую с таким успехом, несмотря на колоссальные трудности, вел он же, Мартов, вместе с другими; что избранники редакции ведь этим ни в какой мере не лишаются возможности работать в том же ЦО и по-прежнему влиять на ход дел в партии; если же есть какие-либо принципиальные расхождения, то имеется же полная возможность излагать и разбирать их на страницах той же «Искры»; ведь нельзя же допустить, что и тут в конце концов идет борьба из-за какого-то чина или звания; что то самое большинство (в 24 голоса) «ленинцев», которое установило редакционную тройку вместо прежней шестерки, оно же при выборах в эту тройку отдало свои голоса ему же, Мартову, который ведь получил от этого самого большинства даже на два голоса больше (22), чем Ленин (20), и на многое другое я указывал ему и убеждал, просил не отказываться идти навстречу «врагам» в их попытках добиться мира, но—увы!.. все напрасно. Мартов и слышать не хотел о своем вхождении в редакцию без остальной тройки; он все твердил, что это было бы «позором» для него (после всего того, что произошло на съезде. Все его антидоводы в конце концов сводились в сущности к тому, что раз съезд признал «Искру»—ЦО, то этим самым как бы выразил доверие, утвердил весь состав прежней ее редакции... Временами его возражения становились суше, от них веяло иной раз холодком. Так и ушел я тогда ни с чем от него.

В духе Мартова были настроены и другие представители меньшинства. Как нам передавали съездовцы,—Троцкий, например, при обсуждении вопроса о редакционной тройке ЦО и о выборах в нее, горячо возражал против этих выборов, убеждая делегатов, что съезд не имеет ни нравственного, ни политического права перекраивать редакцию, считая это слишком щекотливым вопросом. А другой делегат из меньшинства—Локерман-Царев—при этом сокрушался: «...как должны отнестись избранники редакции к тому, что съезд не желает далее их видеть в составе редакции» и т. д. все в том же духе. Мотивы действительно архи-«политические».

А вот как смотрел на это дело в то время, например, Плеханов, несомненно тоже сведущий и в «нравственном» и «политическом» правах

съезда насчет «перекройки». Помню, как-то на частном совещании, тоже вскоре по возвращении из Лондона, один из русских делегатов съезда укоризненно спросил Плеханова: «Как же так, Георгий Валентинович, столько лет еще в группе «Освобождение труда» работали Вы вместе с Верой Ивановной и Аксельродом и теперь вот вдруг разошлись?..», на что Плеханов быстро и запальчиво ответил ему: «Что же, товарищ, мы крысы, сросшиеся хвостами, что ли, что не можем разойтись!»

Позднее, месяца два-три спустя, я не без горечи смеялся в душе над собственной наивностью, думая этой своей попыткой добиться от Мартова какого-либо благоприятного шага. В *тот момент* мы еще не знали и не подозревали, что такого рода поведение Мартова и ближайших его товарищей из съездовского меньшинства искровцев—что это только первая страница из истории партии на данном этапе ее развития; что это пока лишь цветики, а ягодки будут впереди...

А теперь посмотрим, как эти «ягодки» созревали. Я уже говорил, что многие российские делегаты, прежде чем вернуться в «родное» подполье, двинулись предварительно в Женеву; с другой стороны, что было вполне естественно, все наши лигисты бросились узнавать о делах съезда; все с жадностью и напряженно выслушивали отдельные рассказы о съездовских событиях. Но несмотря на эти отдельные более и менее отрывочные рассказы, первое время среди лигистов еще не было полного разделения на сторонников съездовского большинства и меньшинства, и на некоторые частные собрания, устраиваемые лидерами того или другого крыла, ходили не одни лишь определенные сторонники данного лагеря.

Так, на одном из собраний, созванном Лениным в конце августа или начале сентября, в числе присутствующих были некоторые, в то время еще не успевшие стать определенно на сторону мартовцев: например Басовский-Дементьев и другие, фамилии коих уж не помню. На собрании присутствовал и выступал рядом с Лениным в полном согласии с ним и Плеханов, который держался как-то более воинственно по отношению к Мартову и его сторонникам, чем Ленин. Последний без свирепости, но очень живо и отчетливо, с огоньками в глазах и часто с тонкой иронической усмешкой излагал различные перипетии борьбы, особенно обострившейся во второй половине съезда и окончившейся отказом мартовцев от участия в голосовании при выборах и пр. Помню, с каким боевым вдохновением говорил Владимир Ильич о протестах меньшинства после того или иного неприятного для них решения съезда: обсуждается тот или другой вопрос, говорил он, разгорается борьба, страсти кипят... Но вот мнения высказаны, вопрос голосуется... руки поднялись, решение состоялось, борьба кончилась. Переходим к следующему вопросу. О чем еще тут толковать?!

Два члена новой, избранной съездом, редакции ЦО—Ленин и Плеханов—прилагали в течение долгого времени все усилия к тому, чтобы первый же номер «Искры», как ЦО партии, вышел при участии всех *избранных* редакторов в возможно широком сотрудничестве осталь-

ных, избранных членов бывшей шестерки. Настойчиво приглашали Мартова занять, согласно воле съезда, свое место в редакции, чтобы, таким образом, не было никакого перерыва в функционировании новой редакции в ее полном составе. Эти усилия выразились в неоднократных попытках— в течение конца августа, в сентябре и в начале октября—путем устных и письменных переговоров, на тех или иных *приемлемых* условиях, т. е. без прямой ломки решений съезда, умиротворить мартовцев. Но все это последними или холодно отвергалось, или в ответ предъявлялись совершенно неприемлемые, явно несуразные требования, сводящиеся к тому, чтобы во всех центральных органах партии (в Совете, в ЦО и ЦК) им принадлежало большинство, а при напоминании им о решениях съезда представители мартовцев (например Дан) весьма недвусмысленно отвечали: неужели можно говорить «без улыбки авгура» об этих решениях...

И не о мире думало в это время меньшинство. Оно мобилизовывало свои силы и лихорадочно готовилось... к проведению в жизнь постановления съезда, к живой положительной работе на местах—думаете, читатель? Как бы не так! Что съезд, если не все его решения «нам» по душе, если с некоторыми из них «мы» не согласны, как бы говорили нам мартовцы. «Мы» устроим другой, свой съезд; на нем нас, заграничных, наверное, будет большинство, и тогда, дескать, посмотрим, чья возьмет... И всюду начали мартовцы говорить о необходимости скорейшего созыва съезда заграничной Лиги и усиленно готовиться к нему. Тут кстати же для них прибыл в Женеву, бежавший из ссылки, Дан, который быстро после того стал на сторону меньшинства, сделавшись с тех пор одним из его лидеров.

Приблизительно в начале второй половины сентября прибыл из России в Женеву член ЦК Ленгник («Курц») — на смену Носкову, уехавшему «домой» еще из Лондона, тотчас после съезда. Этот член ЦК, участвуя с этих пор вместе с Плехановым и Лениным в переговорах с мартовцами относительно скорейшего восстановления мира в партии, был так же, как и прочие рядовые члены Лиги—сторонники большинства, против немедленного созыва съезда Лиги, справедливо полагая, что этот съезд *в данное время* ничем не содействуя делу объединения партии и налаживанию практической работы на местах, поведет лишь к дальнейшему усилению и обострению борьбы меньшинства с большинством, являясь не чем иным, как ареной для сведения счетов «обиженных», «опозоренных», «заезжаемых», «казнимых» и пр. и т. п. с «обидчиками», «заезжателями», «бюрократами» и прочее. Это—с одной стороны, с другой—на основании одного из параграфов организационного устава партии, принятого съездом (§ 13), Лига кое в чем весьма существенном преобразовывалась; от нее отпадал ряд функций, как-то: издательство, непосредственное сношение с русскими организациями, транспорт и прочее; она сводилась на положение одного из местных комитетов партии. Да, в сущности, это «преобразование» в действительности было не чем иным, как уставным закреплением, юридическим выражением того, что существовало *de facto* задолго до съезда.

Пробыв год с лишним за границей, я что-то не заметил особой активности и размаха в деятельности Лиги вообще и ее администрации, как таковой, в частности. В этом я убедился еще больше из доклада Шарко (Крупской) о деятельности Лиги на съезде последней¹; да, наконец, некоторые члены администрации Лиги как бы даже забыли, что они члены администрации, и им пришлось срочно напомнить об этом. Впрочем, к этому я вернусь еще несколько ниже.

Указанные выше функции Лиги перешли фактически и непосредственно к «Искре», к лондонской части ее редакции, где сосредоточились все связи, сношения с Россией, посылка людей, налаживание транспорта и т. п. И если ряд членов Лиги очень энергично и успешно работали по разным отраслям организации «Искры», то уж, конечно, не потому, что они были таковыми членами.

Таким образом, партийный устав, приравнявший Лигу к местной организации, требовал тем самым внесения соответствующего изменения и в существовавший до того устав Лиги. В силу этих соображений и обстоятельств член ЦК в своем «Циркуляре ЦК РСДРП членам заграничной Лиги русской революционной социал-демократии», сообщая кратко о важнейших решениях съезда, о перемене в положении Лиги и указывая, что делегатом Лиги готовится подробный письменный отчет о съезде для членов ее, извещал, что ЦК приступает к разработке нового устава Лиги и приглашает всех членов, и в особенности администрацию, содействовать ему в этом деле в той или иной форме своими советами, указаниями; что по выработке нового устава последний будет предложен на рассмотрение Лиге, для чего и будет созван съезд.

Член администрации Дейч единолично также обратился с «Открытым письмом» к членам Лиги, уверяя, что изменения в положении незначительны, что Лига и без ЦК сама внесет в свой устав нужные поправки, что ЦК тут делать нечего, а посему полагает с своей стороны, что «члены Лиги должны возможно скорее собраться на съезд...»

В ответ на эти два обращения (ЦК и Дейча) группа лигистов—сторонников большинства партийного съезда, в числе 12, со своей стороны обратилась ко всем остальным членам Лиги также с «Открытым письмом», в котором, вполне присоединяясь к предложениям ЦК, резко протестует против содержания и тона обращения Дейча, который к тому же, как

¹ В примечании к тому месту «Открытого письма членам заграничной Лиги», подписанного ее членами — большевиками, где говорится о слабой деятельности Лиги, два члена ее администрации, Шарко (Крупская) и Литвинов, говорят, между прочим, следующее: «Напоминаем т. Дейчу его собственные и вполне справедливые отзывы, по которым группы содействия только там хорошо и работают, где нет членов Лиги. Характерен также отзыв другого нашего товарища по администрации в его письме по поводу предстоящего съезда: Съезд может устранить недовольство членов Лиги положением дел внутри организации, так как до сих пор членство являлось лишь каким-то почетным званием, создавая этим какую-то бумажную организацию. Последний год показал, что дела Лиги падают, связи ослабевают». Пользуясь случаем, заявим в свою очередь, что дезорганизованность и нежизнеспособность прежней Лиги для нас вне всякого сомнения».

член администрации Лиги, не имел, по мнению авторов письма, никакого права на подобное единоличное выступление без ведома и согласия остальных членов администрации. На заседании же администрации, которая фактически тогда состояла из трёх членов—Дейча, Крупской и Литвинова,—предложение Дейча о немедленном созыве съезда Лиги торжественно проваливается двумя голосами против Дейча. Тогда Дейч, вспомнив, что в администрации формально числятся еще два члена: Лейтейзен—в Париже и Вечеслов—в Берлине, которые к тому времени уже с год, если не больше, фактически не принимали никакого активного участия в делах администрации,—запрашивает их относительно своего предложения. Те, с давних пор живущие за границей и не успевшие хорошенько разобраться, в чем дело, поддерживают Дейча, высказываясь за созыв съезда. И вот последний, вопреки желанию ЦК и указанному выше протесту большевистской части Лиги, созывается...

Но еще за месяц и более до него лигисты—члены оппозиции, строго следуя «лояльному» примеру Мартова и бывших членов редакции «Искры» (недаром все твердил Мартов—«строго придерживаясь рамок партийного устава») неизменно отвечали отказом на все приглашения ЦК принять на себя те или иные ответственные функции, приступить к той или иной работе. Таким образом, еще задолго до съезда Лиги тактика бойкота центральных учреждений партии со стороны оппозиции полностью была налицо: литераторы бойкотировали ЦО, практики—ЦК, но в то же время литераторы создавали и распространяли *свою* литературу, всячески подрывая авторитет ЦО и осыпая главным образом и специально Ленина обвинениями в сверхцентрализме, бюрократизме, робеспьеровщине, самодержавии, введении осадного положения в партии и т. д. в этом роде вплоть до того, что де Ленин *бешено* спорил, стучал кулаками, хлопал дверью... А практики, возвращаясь в Россию, разъезжали по комитетам, старались в них всячески скомпрометировать ЦК, подорвать доверие к нему, рассказывая всякие небылицы о том, что ЦК смотрит на местных работников, как на пешек, слепых и безусловных исполнителей своей воли и т. п., всемерно добиваясь перехода этих комитетов на сторону оппозиции.

И все это называлось действовать, «не переходя за рамки партийного устава».

Итак, съезд Лиги. Он назывался II очередным съездом «Заграничной Лиги русской революционной социал-демократии»; открылся 26 октября 1903 г. в Женеве, имел шесть заседаний и закрылся 31 октября.

Мартовцы, или меньшевики, чувствуя, очевидно, по предварительным подсчетам, что они здесь будут в большинстве и сумеют взять реванш за свое поражение на партийном съезде, что вершать дела на нем будут именно они, старались придать ему особую торжественность: бюро съезда—председатель, вице-председатели, секретари, регламент, проверка мандатов и пр.,—словом, как «в больших домах». Состав съезда на первом заседании—34 члена с 42 голосами (это последнее число и показывало количество членов Лиги, проживавших в это время за границей). Эти 42

голоса, как в дальнейшем выяснилось при всех существенных голосованиях, распределялись так: 18 большевистских, 22 меньшевистских и 2 голоса нейтральных, воздерживавшихся все время при голосованиях. Из отсутствующих на первых заседаниях 9 членов Лиги трое передали свои голоса большевикам: Алексеев, Мальцман и Этингер; четверо—меньшевикам: Гуревич, Гурский, Лейтейзен и Шергов; один—нейтральному: Якубова-Тахтарева—своему мужу Тахтареву. Чтобы покончить с этим распределением, скажу тут же, что со второго заседания и до конца съезда один из отсутствовавших меньшевиков—Гуревич самолично присутствовал на нем, а один из членов Лиги—большевик Бобровский («Петров») с этого же второго заседания отсутствовал на съезде, письменно сообщив председателю, что вынужден выехать из Женевы и передает свой голос Гальперину («Конягину»); наконец, после 5 заседания, ушел нейтральный Тахтарев с двумя голосами; таким образом со второго заседания на съезде Лиги соотношение получилось такое: 14 большевиков с 18 голосами, 19 меньшевиков с 22 голосами, т. е. меньшевики оказались в большинстве на четыре голоса. Учитывая это обстоятельство и желая использовать его с самого начала занятий съезда, меньшевики, внезапно проникшись миролюбием, горячо возражали против предложения большевиков о пофракционном построении президиума (бюро) съезда и предлагали «выбрать бюро из трех лиц вне зависимости от взвешивания их качеств», т. е. не взвизывая на то—большевик или меньшевик данный кандидат. Например, Троцкий, оспаривая предложение сторонников съездовского большинства, горячо убеждает собравшихся отклонить это предложение, «потому что,—видите ли—сюда собралось не какое-то «большинство» и «меньшинство», а просто (это «просто» было прямо восхитительно в устах «щекотливого» и «заежаемого» Троцкого.—И. Л.)—члены Лиги»... «Мы не должны заранее и искусственно (курсив мой.—И. Л.) делить наш съезд на какое-то «большинство» и «меньшинство»... И это говорилось им после уже двухмесячной яростной борьбы меньшинства, одним из лидеров которого был сам же Троцкий,—против большинства. В председатели прошел, конечно, меньшевик (Гинзбург-Кольцов), в вице: один меньшевик (Дан), один большевик (Л. Аксельрод-Ортодокс); секретари выбирались по одному с каждой стороны на каждое заседание. Порядок дня: 1) отчет администрации, 2) доклад делегата Лиги на II съезде партии, 3) устав Лиги, 4) выборы. Предложение большевиков о признании правомочными тех членов Лиги, которые лишь недавно выехали в Россию на работу, и об утверждении присланных некоторыми из них мандатов,—это предложение меньшевики, опасаясь увеличения голосов своих противников, после довольно оживленных дебатов, проваливают. Оглашается письменное приветствие съезду представителя ЦК, который благодарит за приглашение его на съезд, напоминает о необходимости пересмотра устава Лиги в соответствии с решением партии и выражает пожелание успехов в работах съезда. После того съезд переходит к порядку дня. Отчеты членов администрации—Дейча и Шарко

(Крупской) о деятельности Лиги проходят, насколько помнится, без особых инцидентов.

Дальше... дальше атмосфера сразу начинает накаляться: предстоит доклад делегата Лиги о втором партийном съезде. Тут я должен предварительно напомнить об одном обстоятельстве. Лига делегировала на съезд двоих: Ленина и Мартова, но, ввиду неприбытия из России делегатов от организации «Искры», перед самым съездом уже, на собрании искровцев решено было поделить между ними представительства: Лиги и организации «Искры». Но чтобы никому не было обидно, так как—как говорил Ленин на съезде Лиги—каждый из них предпочитал быть представителем организации «Искры», то бросили между собой жребий, по которому организация «Искры» с ее двумя голосами досталась Мартову, а два голоса Лиги остались за Лениным, который и стал на съезде ее единственным делегатом.

Ленин, прежде чем начать свой доклад, просил съезд, во-первых, снять, в отступление от принятого регламента, по этому пункту порядка дня ограничение времени в интересах полноты доклада и, во-вторых—разрешить ему касаться в своем докладе и частных заседаний организации «Искры», имевших место в промежутки между некоторыми заседаниями съезда. Вот тут-то, т. е. собственно с обсуждения этого второго предложения Ленина, и пошли первые «схватки боевые» Мартова, «да говорят, еще какие», поддержанные его сторонниками,—с Лениным и Плехановым (или попросту скандалы и «сцены», не раз вынуждавшие нас в дальнейшем покидать зал заседания). Мартов, добившись от съезда права на «корреферат» (содоклад), возбужденно и резко восстал против желания Ленина касаться заседания организации «Искры», толкуя это предложение, как желание Ленина передавать разные частные разговоры, обрывки и мимолетные замечания и проч., и предостерегая от опасности таким путем дойти и до всяких сплетен. Ленин спокойно и несколько насмешливо возражал на это, что заседания организации «Искры»—это не «частные разговоры», что они, эти заседания, по его мнению, определенно дополняют и разъясняют отдельные моменты борьбы на самом съезде, что именно Лиге, как близко стоящей к организации «Искры», необходимо знать это, что он готов и перед всей партией рассказать о происходившем на этих заседаниях и что, таким образом, Мартову все равно не удастся скрыть это ни от кого... На раздавшийся в этот момент со стороны меньшевиков возглас «Ого!», Ленин заканчивает: «И мы посмотрим, кому удастся удержаться на высоте принципиального спора, и кто вынужден будет спуститься в мрачную область сплетен.—Мы будем посмотреть, мы будем посмотреть!», с ироническим задором заключает он. После некоторых препирательств большевиков во главе с Плехановым с меньшевиками, решение принимается в духе предложения Ленина, и тогда Мартов заявляет, что раз, несмотря на его предупреждения, решено говорить обо всем, то в таком случае он снимает с себя ответственность за последствия и тоже сочтет себя вправе в своем корреферате коснуться всего, что он найдет

нужным, в том числе и противоречивого поведения Плеханова. Поднимаются протесты против каких-то намеков, «личностей» и т. п. Плеханов приглашает Мартова не стесняться, говорить все. «Мне в таком случае,— говорит Мартов,—придется упомянуть и о противоречиях, бывших в поведении т. Плеханова: на частных заседаниях «Искры» он говорил одно, а на съезде—другое». (Плеханов с места: «это неверно!»). Мартов, обращаясь к Плеханову: «На частных заседаниях организации «Искры» вы были солидарны со мною, голосовали же на съезде не со мной». Плеханов сильно протестует против этих слов Мартова и несколько раз повторяет: «Это неверно, неверно, неверно!».

Помню, Плеханов при этом страшно волновался и был прямо взбешен. Вообще вся эта сцена была очень бурная¹.

Наконец первое заседание кончилось.

Второе и первая половина третьего заседания посвящается докладам Ленина и Мартова. Один—чисто политический, другой... как-бы это покороче охарактеризовать... ну, доклад о нравственности, что ли, о высших законах морали, о велениях и императивных мандатах ее, о благородстве и низости, правде и лжи, об «открытых забралах» и интригах и проч. в этом духе. Подробностей этих докладов я уже не помню, да вряд ли они теперь, двадцать шесть слишком лет спустя, представляют интерес для читателя. А сущность их сводилась вот к чему.

Ленин в своем реферате говорит, что по признанию съездом правильности программы и тактики «Искры» предстояло в определенных формах закрепить достигнутые результаты и в области организационных задач партии, обеспечивающих дальнейший рост и единство ее, и предупредить всякую опасность возвращения к прежнему кустарничеству и кружковщине; идея организационного централизма, так настойчиво проводившаяся «Искрой», должна была наконец получить свое практическое осуществление. Давая анализ различных политических группировок на съезде до ухода Бунда и рабочедельцев и после того, Ленин говорит о *политических ошибках* Мартова, возглавившего все непоследовательные, «мягкие», неустойчивые элементы среди съездовских искровцев, которые чем дальше, тем глубже тянули его в «болото». Вместо того, чтобы исправить свою первую ошибку (при обсуждении и решении вопроса о § 1 партийного

¹ Это столкновение Мартова с Плехановым, вызвавшее тогда такую бурю, впоследствии было ликвидировано таким образом. В редакцию протоколов Лиги поступило от Мартова такое заявление: «Считаю своим долгом указать на то, что заявления т. Плеханова, сделанные им во время первой половины партийного съезда, о которых я говорил в своей речи, как о противоречащих его позднейшей тактике, были им сделаны не на заседаниях съезда и не на официальных собраниях организации «Искры», а в частном обмене мнений с отдельными членами редакции». Плеханов, ознакомившись с этим заявлением Мартова, в ответ на него отправил в ту же редакцию протоколов Лиги письмо, в котором между прочим, писал: «Итак, между тем, что я говорил на заседании организации «Искры», и тем, что говорилось мною на заседаниях съезда, противоречия не было. Значит, опасение указать на это не существовавшее противоречие не могло никому помешать ссылаться на заседания организации «Искры».

устава) и быстро выбраться из «болота», Мартов стал свои последующие ошибки возводить уже в принцип и тем самым сильнее погружаться в это «болото». Постепенно накапливаясь, эти политические ошибки Мартова и его друзей привели к тому, что они резко разошлись с твердыми, выдержанными искровцами, ставшими большинством съезда с момента ухода бундовцев и рабочедельцев. Это резкое расхождение достигло своего апогея на съезде, к концу его, при обсуждении вопроса о личном составе партийных центров и выборе в них. Им, Лениным, еще задолго до съезда был составлен проект выбора съездом двух троек: в редакцию ЦО и в ЦК. Эти шесть лиц вместе по большинству двух третей голосов дополняют, если это необходимо, состав редакции ЦО и ЦК кооптацией и делают соответствующий доклад съезду.

С этим планом были ознакомлены еще до съезда все редакторы и Мартов, конечно, в том числе, причем последний тогда не только не возражал, но вполне соглашался с ним. Об этом же знали многие съездовцы еще до открытия съезда, а в начале съезда этот проект ходил по рукам у делегатов. Точно так же он, Ленин, говорил Мартову, что если кто-либо предложит на съезде утвердить прежнюю редакционную шестерку, то он все равно поставит формально на обсуждение съезда свой проект о тройках и об избрании не только ЦК, но и редакции ЦО. Так что со стороны Мартова, знавшего об этом, было, по мнению Ленина, большой бестактностью выдвигать на съезде вопрос об утверждении старой редакции. Что касается состава ЦК, то еще задолго до наступления выборов, на частных заседаниях организации «Искры» шла борьба между большинством и меньшинством из-за списка кандидатов в ЦК. Большинство сначала предлагает на этих заседаниях пятерку из трех большевиков и двух меньшевиков. Меньшинство—против и предлагает пятерку: *трех меньшевиков и двух большевиков* и проваливается на этом. Большинство тогда все же предлагает тройку из двух большевиков и одного меньшевика. И только после формального отказа меньшевистского кандидата,—видимо, по примеру Мартова,—его кандидатура заменяется третьим большевиком, и съезд выбирает в ЦК всех троих большевиков.

Мартов свой содоклад или, как он сам называл его, корреферат, начал тотчас вслед за окончанием доклада Ленина, на втором же заседании, и закончил на третьем. В течение всего своего доклада он был в крайне нервном состоянии, сильно волновался; временами его речь превращалась в какие-то почти истерические вопли, в которых слышались отдельные отрывистые фразы, очень резкие по форме и совершенно не идущие к делу...

В чем же дело? Беда Мартова была в том, что он свои *политические ошибки* на втором съезде, на которые настойчиво указывал ему Ленин в своем докладе на Лиге,—сам же старался превратить в какие-то «позорящие» его личную нравственность обвинения. Вообразив себе дело именно так, он яростно набрасывается на своего *политического* противника с разного рода оскорбительными контробвинениями. Короче: чисто политический спор сводится к вопросу о личной нравственности.

Мартов рассказывает, между прочим, о «тройственном союзе», заключенном по предложению Ленина еще в ссылке между ним, Лениным и Потресовым с целью тесной совместной работы над восстановлением единой революционной с.-д. партии, и о «шестерном» союзе этой группы с группой «Освобождение труда»; что с тех пор была проделана огромная работа, в результате чего осуществлен был и самый съезд; что «союз» этот с тех пор наложил на него нравственные узы, и то или иное голосование не в состоянии расторгнуть эти узы... «Целость литературной группы, сплотившей партию, была основной гарантией устойчивости партийного направления в наших условиях... «Это было частью моего—и всей «Искры»,—символом веры, и тот, кто хотел от нее отказаться, должен был прямо и ясно сказать это!», восклицает Мартов. (Протоколы съезда Лиги, стр. 53.) Но ведь Мартов же знал еще до съезда о плане Ленина двух троек и о выборе не только ЦК, но и редакции ЦО, и что Ленин, во всяком случае, вынесет на съезд вопрос об избрании редакции ЦО? «Да, я знал», говорит Мартов. «Чтобы объяснить, почему это предложение не могло быть нами понято, как желание Ленина прекратить существование группы «Искра», как коллегию, достаточно здесь указать: во 1) что мы в то время еще не знали, какой будет съезд, и шли сознательно на уступки «демократическим» понятиям о системе выбора, почему и не ставили вопроса об утверждении группы, как коллегии; во 2) не могло быть сомнения для всех нас, что если трое из нас будут выбраны редакторами, «необходимость» дальнейшей кооптации не подлежит сомнению, ибо никто из редакции не ставил вопроса о желательности распускания литературной группы «Искры». (Протоколы, стр. 53.) Сохранение целостности этой группы было для Мартова своего рода императивным мандатом, нравственным обязательством перед редакцией; правда, этого обязательства он не оговорил при отмене императивных мандатов, но... *«Есть вещи, которых порядочные люди не оговаривают»*—подчеркивает Мартов. Далее, рассказывая об ожесточенных спорах на заседаниях организации «Искры» по поводу ОК, списков кандидатов в ЦК и о прочих инцидентах, он вновь возвращается к пресловутым «позорящим слухам», «нравственным узам» и т. п.

«Чтобы покончить с этим пятнанием моей репутации,—говорит Мартов, заканчивая свой доклад,—я должен здесь прямо поставить Ленину вопрос: подтверждает ли он, что я сказал неправду, когда я заявил, что на предложение о сокращении редакции до 3-х *согласия* не давал? Солгал ли я? Если Ленин ответит, что я солгал, я вызываю его на третейский суд, который решит, кто из нас обманул партию... я требую, чтобы третейский суд разобрал это дело и, если он найдет, что я солгал, я заявляю, что сделаю из этого неизбежный вывод, *что человек, признанный солгавшим перед партией, не достоин занимать ответственный пост в партии*».

Общее возбуждение в зале доходит до высшей точки, создается со-

вершенно невозможная атмосфера... Меньшевики добились своего: это уж не съезд, не партийное заседание, а какой-то уличный скандал...

Тотчас по окончании речи Мартова Ленин зачитывает и вносит в президиум съезда следующее свое заявление (Протоколы, стр. 66): «Я протестую самым энергичным образом, как против *жалкого* приема борьбы, против постановки Мартовым вопроса о том, кто солгал или кто интриговал в изложении частной беседы между мною, им и Старовером. Я констатирую, что этот прием противоречит вопиющим образом вчерашним заявлениям самого Мартова. (Эти заявления Мартова имели место не 27, а 26 октября, т. е. на первом заседании.—И. Л.) о безразличности, мешающей доводить дело до неразрешимого вопроса о правдивости изложения частных бесед! Я заявляю, что Мартов *совершенно неверно* изложил частный разговор en question, что принимаю всякий третейский суд и вызываю на него Мартова, если ему угодно обвинить меня в поступках, несовместимых с занятием ответственного поста в партии. Я заявляю, что нравственный долг Мартова, выдвигающего теперь не прямые обвинения, а темные намеки, что его долг иметь мужество поддержать свои обвинения открыто и за своей подписью перед всей партией, и что я, как член редакции ЦО партии, предлагаю Мартову от имени всей редакции немедленно издать отдельной брошюрой все его обвинения. Не делая этого, Мартов докажет только, что он добивался одного скандала на съезде Лиги, а не нравственного очищения партии»¹.

По открытии прений по докладам слово берет после короткой речи Засулич «Плеханов, который (как сказано в Протоколах) заявляет, что он собирался отвечать Мартову на его, так называемый, корреферат длинной речью принципиального характера и полагает, что все видели, как он делал с этой целью отметки в своей тетради, но происшедшая сцена не дает ему возможности отвечать, и потому он ограничивается констатированием того, что, вопреки своему заявлению на первом заседании съезда Лиги, Мартов в своем реферате ни о каких противоречиях в поведении его, Плеханова, на заседаниях организации «Искры» и на заседаниях съезда не упоминал». (Протоколы, стр. 68.) Вслед за этим большевики, за исключением секретаря на данном заседании Н. Инсарова и вице-председателя—Ортодокса, покидают заседание.

Перед окончанием этого (3-го) заседания выступает Мартов с краткой речью, которую заканчивает так: «Обращаю внимание, что я не говорил, что Ленин солгал. Я сказал, что если заявление Ленина верно, следовательно, на съезде я солгал и понесу за это ответственность. Тоже и об «интриге». В интриге Ленина я не обвинял, *он действовал откры-*

¹ Как известно, никакого третейского суда впоследствии не было, и личная сторона конфликта между Лениным и Мартовым была исчерпана месяц спустя (29 ноября 1903 г.) обменом между ними обоюдным письменным заявлением, в котором каждый из них, не сомневаясь в добросовестности и искренности другого, признает конфликт результатом недо-
разумения. — И. Л.

то (подчеркнуто мною—И. Л.), а моя роль выставлена, как роль интригана» (Протоколы).

На другой день четвертое заседание начинается со следующего устного заявления Ленина: «Я заявляю, что после того, как *вчерашний, так называемый*, корреферат Мартова перенес прения на недостойную почву, я считаю ненужным и невозможным участвовать в каких бы то ни было прениях по этому пункту Tagesordnung'a (порядка дня—И. Л.), а следовательно отказываюсь и от своего заключительного слова. Тем более, что если Мартов имеет мужество выдвигать определенные и открытые обвинения, то он обязан сделать это перед всей партией в той брошюре, на составление которой я вызвал вчера Мартова формально» (Протоколы).

Вслед за этим председатель, выразив протест против выражения Ленина о перенесении прений на недостойную почву, оглашает письменное заявление, поступившее в бюро съезда и подписанное всеми наличными большевиками—членами Лиги,—в знак их солидарности с Лениным и Плехановым: «Нижеподписавшиеся, выслушав заявление тов. Плеханова и Ленина о том, что после недостойного поведения т. Мартова во время его так называемого корреферата они не считают возможным продолжать прения по поводу доклада Лиге о II съезде партии,—видят себя обязанными довести до сведения съезда Лиги, что это заявление вполне соответствует тому впечатлению, которое было произведено на них указанным поведением. Продолжение прений по указанному пункту было бы несогласно с достоинством настоящего съезда и партии. Поэтому мы ограничиваемся выражением своего полного сочувствия решениям II очередного съезда РСДРП и строгого осуждения тем товарищам, которые, не одобряя этих решений, позволили бы себе мешать работе центральных органов партии. (Протоколы, 4-е заседание.) Следуют двенадцать подписей, которые я привожу здесь с указанием в скобках подлинных фамилий, или широко распространенных псевдонимов: Ортодокс (Л. Аксельрод), Конягин (Гальперин), Литвинов, Таг. (Пятницкий), Бонч-Бруевич, Эммануилов (Кореневский), Инсарова (П. Лалаянц), Н. Инсаров (И. Лалаянц), Шарко (Крупская), Исакович (И. Аксельрод), Сарафский (Бауман), Перова (Величкина).

По прочтении этого заявления все подписавшие его (за исключением Ортодокс, Конягина и Эммануилова) вместе с Лениным и Плехановым спокойно направляются к двери, покидая зал заседания, но оппозиции это не нравится, она явно нервничает; слышится голос Мартова, который неистово выкрикивает вслед уходящим: «Господа (курсив мой.—И. Л.), из вас многие ушли, другие собираются уходить... вы называете мое поведение недостаточным, где и когда... мне дадите... удовлетворение?». Кое-кто в этот момент еще не успел уйти и протестует; так, Бонч-Бруевич протестует против выражения «господа», говорит, что действительно считает его, Мартова, поведение недостойным и готов дать в любое время объяснение... Конягин (секретарь) встает и заявляет, что объяснения будут даны на следующем заседании.

После ухода большевиков продолжаются и оканчиваются на этом заседании прения по докладам Ленина и Мартова; принимаются резолюции. Искерпав, таким образом, данный пункт порядка дня и устроив небольшой перерыв, оппозиция намеревается перейти к следующему пункту—к проекту нового устава Лиги, составленному самой оппозицией, но в виду отсутствия большевистской части съезда откладывает обсуждение его до следующего дня, и заседание закрывается.

На пятом заседании большевики присутствовали в полном составе. Начинается обсуждение проекта устава Лиги; докладчик—Троцкий. Тут оппозиция уже совсем не постенялась с решениями партийного съезда: проект составлен в духе полной автономии Лиги, превращения ее как бы в партию в партии. Тут и самостоятельная литературно-издательская и распространительская деятельность Лиги, и отсутствие права ЦК вводить в Лигу вообще и в администрацию ее в частности новых членов и вообще контроля со стороны ЦК, и непризнание за ЦК права изменения и утверждения устава и т. д., и т. п. Предварительно обсуждается вопрос об обязанности Лиги представить свой проект устава, по обсуждении и принятии его съездом Лиги, на утверждение ЦК. Прения принимают довольно бурный характер. Оппозиция изоцряется в этих прениях в ехидных шуточках и насмешечках: по адресу ЦК слышатся словечки, вроде: помпадурство, помпадурский централизм, *lesè majesté* (оскорбление величества.—И. Л.) и т. д.

В конце концов со стороны большевиков предлагается резолюция (предложение Конягина): «Устав Лиги вступает в силу лишь с момента утверждения его ЦК-том». Производится именное голосование с таким результатом: *за*—18 (большевики), *против* 22 (оппозиция), *воздержалось* 2 (Тахтарев с двумя руками). В противоположном духе, т. е. против представления устава на утверждение ЦК, предлагает резолюцию Мартов. Вновь происходит поименное голосование с обратной группировкой голосов: *против* 18, *за* 22, воздержались те же два голоса. Меньшевики торжествуют свою «победу» над... решением партийного съезда. Ленин от имени большинства—сторонников этого съезда протестует тут же против непредставления устава Лиги на утверждение ЦК, считая это вопиющим нарушением партийного устава.

Дальше идет обсуждение проекта по пунктам, которое занимает всю вторую половину этого заседания и часть следующего шестого.

Перед закрытием пятого заседания Конягин получает, наконец, слово, которого он просил еще в начале его, для оглашения письменного заявления, подписанного теми же 12 большевиками, что и предыдущее их заявление на 4-м заседании съезда Лиги:

«В бюро съезда Лиги РРСД.

Мы, нижеподписавшиеся, крайне возмущены тем недостойным поведением тов. Мартова и большинства Лиги, которое выразилось в предыдущем заседании перенесением принципиальных дебатов на почву сплетен, темных намеков, ругательств (крики «позор» и т. п.), заподозриваний и

пр. Мы обвиняем большинство «Лиги» в создании и допущении этой недостойной атмосферы, которая лишила нас всякой нравственной возможности участвовать в заседании, которая сорвала объяснения и прения по существу. Например, тов. Плеханов вынужден отказаться от приготовленной уже им принципиальной речи, считая недостойным для себя становиться на ту почву, на которую перешли дебаты.

«Мы заявляем, что в поведении большинства Лиги мы видим лишь попытку меньшинства партийного съезда найти арену для борьбы с большинством партийного съезда путем охарактеризованных выше недостойных приемов. Мы обращаемся с этим заявлением в Центральный Комитет нашей Партии и просим его, во-первых, разобрать наш конфликт с большинством «Лиги» (согласно § 6 устава Партии) и вынести свое решение по вопросу о том, кто виноват в сорвании принципиальных споров по 2-му пункту порядка дня лиговского съезда. Во-вторых, мы просим ЦК принять меры к тому, чтобы превратить «Лигу» из арены сведения счетов партийного меньшинства с партийным большинством в арену дружной практической работы под руководством созданных партийным съездом центральных учреждений» (Протокол, стр. 112).

Обсуждение по пунктам проекта устава Лиги, начавшееся, как я уже сказал, еще накануне, продолжается на шестом заседании. Все идет «как по маслу»: все принципиальные поправки и изменения, предлагаемые большинством к тому или другому параграфу, оппозицией дружно проваливаются... Наконец, детальное обсуждение кончено, и устав в целом той же оппозицией, вопреки уставу Партии и против голосов большевиков, принимается. По требованию большевиков объявляется перерыв на полчаса, после чего тотчас берет слово присутствовавший на заседании член ЦК Ленгник и читает от имени ЦК следующее заявление:

«Заявление ЦК РСДРП:

Товарищи! Я вынужден заявить от имени ЦК, что утверждение устава Лиги ЦК-том считаю безусловно необходимым и всякие действия Лиги и съезда на основании неутвержденного устава объявляю недействительными и противоречащими постановлению ЦК и уставу партии.

1. Переходя к содержанию устава, заявляю, что он не может быть утвержден в принятом съездом виде, и я просил бы сейчас же внести в него некоторые изменения. Второй съезд нашей партии признал необходимым существование лишь одной руководящей организации в центрах деятельности Партии и поручил ЦК принять меры к установлению такого единства. Издание же Лигой общепартийной литературы грозит нарушить это единство, и потому я прошу от имени ЦК вычеркнуть те пункты устава, которые трактуют об издательской деятельности Лиги. При этом считаю долгом заявить, что ЦК, задавшись целью создать обширную брошюрную литературу, которая ставила бы себе задачей, например, систематическую популяризацию партийной программы и резолюций съезда, приглашает всех членов Лиги посильно содействовать этому стремлению ЦК, который с готовностью издаст всякую брошюру, могущую иметь зна-

чение для агитации и пропаганды идей революционной социал-демократии.

2. Кроме того, в целях устранения возможных недоразумений, прошу внести в устав, что ЦК определяет местонахождение администрации и вводит членов как в нее, так и в самое Лигу (см. § IV, § XII и примечание 2 к § XII, каковое примечание должно быть или опущено или дополнено словами «или гарантия ЦК»).

3. Далее, § III должен быть изменен, так как Лига, помимо назначенных ЦК лиц, может сноситься лишь с ЦО и с ЦК.

4. Устав может быть изменен и на экстренном съезде.

Прошу настоящий съезд Лиги принять резолюцию по поводу объявленного постановления ЦК. Представитель ЦК Х.».

По окончании чтения этого заявления оппозицией разыгрывается заключительный аккорд лигийских скандалов, устраивавшихся ею на съезде:

Председатель. «По поводу сейчас прочитанного заявления члена ЦК Х. предлагаю перейти к очередным делам и обжаловать его действия через нашу администрацию, как не соответствующие уставу партии, в Центральный Комитет». Громкие аплодисменты большинства съезда.

Член ЦК Х. «Я прошу принять резолюцию по поводу моего заявления».

Председатель. «Я не считаю возможным ставить на голоса резолюцию по этому поводу. Мы переходим к очередным делам».

Член ЦК Х. «В таком случае я объявляю...

Председатель (звонит). «Вы не имеете слова».

Член ЦК Х.... объявляю это собрание незаконным, как не исполнившее распоряжения ЦК, удаляюсь с него и предлагаю желающим последовать за мной» (Протоколы).

После этих слов все присутствовавшие на заседании большевики—не исключая на этот раз и вице-председателя Ортодокс и секретаря Эммануилова,—возмущенные до последней степени поведением оппозиции, поднимаются с мест и, вместе с членом ЦК, направляются к выходу, чтобы вовсе покинуть съезд. Оппозиция уже окончательно распоясавшись, стоя, хором вопит вслед нам: «Долой полицию! Долой жандармов! Долой немецких шуцманов!».

По уходе большевиков оппозиция завершает свои подвиги утверждением своего устава и выбором администрации,—вопреки прямым указаниям представителя ЦК.

Так закончил свои занятия этот печальной памяти «съезд» обиженных редакторов и литераторов, «смело» попиравших неудобные им решения партийного съезда и открыто шедших на раскол.

На другой день, первого ноября, Совет партии на своем заседании признал действия представителя ЦК на съезде Лиги правильными и предоставил ему реорганизовать Лигу, путем ввода в нее новых членов. Особенно горячо стоял за это Плеханов. Но это решение Совета не было осуществлено...

Еще накануне этого заседания Совета, вечером дня закрытия лигийского съезда, большевиками—членами Лиги было устроено частное со-

вещание. Все уже в сборе, нет еще только Плеханова. Вид у всех хмурый, удрученный, настроение подавленное всем происшедшим, но решительное. Но вот входит и Георгий Валентинович—мрачнее осенней тучи, глубоко взволнован—никогда раньше я его таким не видел; входит и молча садится. Молчат и остальные. Наконец,—кто-то предлагает открыть заседание, выбрать председателя. Выбираем, помнится, Плеханова. И вот Г. В. вдруг совершенно неожиданно и отрывисто заявляет: «Надо мириться!»... Все поражены; снова молчание. Наконец, я не выдерживаю и, обращаясь к нему, спрашиваю: «Георгий Валентинович, как же так, после всего происшедшего—мириться!!! Что это значит?—После небольшой паузы, он, пристально глядя на меня, говорит, «Николай Иванович ¹, я Вам сейчас объяснить этого не могу, я Вам после скажу». К сожалению, мне так и не пришлось больше после того с ним увидеться и услышать от него объяснения: я через несколько дней срочно выехал в Россию. Тогда мы были все в полном недоумении от его слов. А он начал говорить о том, что надо, наконец, покончить с этими вечными расколами в нашей партии, что мы начинаем напоминать собою Екатерину II, которая одно время так часто прогоняла своих министров, что на это обратили внимание, наконец, ее друзья—корреспонденты, иностранные ученые, которые в письмах спрашивали ее, что за монстры (уроды, чудовища.—И. Л.) у нее министры, что она никак не может с ними ужиться; а она каждый раз отвечала им, что уж это последний раз, что больше ей уже не придется их менять... Затем Плеханов тут же обращаясь к Владимиру Ильичу, стал уверять его, что принятие обиженных, бунтующих редакторов в редакцию лучший способ успокоить и обезопасить их, что «мы (т. е. Плеханов и Ленин.—И. Л.) их задушим в своих объятиях». И прочее, и т. д.

Так мы и разошлись в тот вечер, насколько помнится, ни о чем толком не поговоривши.

Столь крутой поворот со стороны Плеханова нас тем более поразил, что именно он особенно воинственно был настроен по отношению к мартовцам после съезда партии—как до лиговского съезда, об этом я уже упоминал выше, так и во время этого съезда. Тут он все время, что называется, кипел, принимал очень близкое и активное участие в выработке тех или иных мероприятий со стороны заграничного представителя ЦК (проект ввода новых членов в Лигу, преобразование ее, заявление ЦК на съезде и проч.).

Итак, Плеханов вдруг, испугавшись надвинувшегося раскола, «сдал», как говорил тогда Ленин. Да, Плеханов не выдержал натиска заграничных литераторов. Здесь, как я себе объясняю поведение Плеханова в то время, в последний момент он, не сознавая сам того, отдал дань слишком долгому своему пребыванию за границей, слишком большой оторванности от подлинного движения в тогдашней России. Группа заграничных интеллигентов, солидных литераторов, заслонила собой в его глазах подлинную Рос-

¹ Это была моя кличка за границей в то время, а потом и в России. — И. Л.

сию; он увидел в этой группе «соль» движения и считал необходимым в интересах партии во что бы то ни стало помириться с экс-редакторами, надеясь успокоить их раздраженное самолюбие.

Ленин не верил в благотворность этого шага Плеханова и тогда же (1 ноября) заявил ему о своем выходе из редакции, *но он не хотел* этим устраниться от работы в «Искре», бойкотировать ее, как то делали Мартов и его друзья. Он заявил Плеханову, что не только будет работать в «Искре», но даже готов, при известных обстоятельствах, не настаивать, в интересах внутреннего мира, на опубликовании о своем выходе из состава редакции. Говоря так, он был и в этом случае вполне последователен и верен существу тех предложений, с которыми он настойчиво обращался от своего и Плеханова имени (т. е. от редакции «Искры») к оппозиции не раз вскоре после партийного съезда.

Правда, Мартов тоже после того съезда заявил в своем «Еще раз в меньшинстве» о нежелании раскола: «Меньшинство,—говорил он там,—претендует на одну честь— дать первый в истории нашей партии пример того, что можно, оказавшись «побежденными», не образовать новой партии»... «Меньшинство не верит в мистическую силу бумажных резолюций и видит в глубокой жизненной обоснованности своих стремлений залог того, *что чисто идейной пропагандой внутри партии* (курсив мой.—И. Л.) оно добьется торжества своих организационных принципов».

Ленин в своей брошюре «Шаг вперед, два назад»¹ по поводу этого заявления Мартова замечает: «Какие это прекрасные, гордые слова и как горько было убедиться на опыте, что это—только слова».

Действительно мартовцы ищут лишь возможности «чисто идейной пропагандой внутри партии» добиться «торжества своих организационных принципов»? Что же, редакция ЦО, избранная съездом, лишает их этой возможности? Нисколько. Вот что, между прочим, писал Ленин в своем письме в редакцию: «Почему я вышел из редакции «Искры»?»²—в ответ на статью «Наш съезд», помещенную в № 53 «Искры» (т. е. в первом по возвращении в редакцию экс-редакторов): «Новая редакция (т. е. Плеханов и я),—говорит Ленин в этом письме,—приглашает сотрудничать всех старых редакторов, приглашает, конечно, сначала без «формализма», словесно. Получает отказ. Тогда мы пишем «бумажку» (бюрократы!) к «уважаемым товарищам» и просим сотрудничать вообще и в частности *излагать свои разногласия на страницах редактируемых нами изданий*. Получаем «формальное» заявление о нежелании принимать *никакого участия в «Искре»*».

Итак, с одной стороны—на словах: «не образовать новой партии», «чисто идейной пропагандой внутри партии» добиться «торжества своих организационных принципов»; с другой—на деле: полный бойкот избран-

ных партийным съездом центральных учреждений путем непризнания их, отказа от участия в работе, самоустранение и дезорганизаторская деятельность... Вот это-то противоречие между словами и делами и возмущало тогда больше всего Ленина и остальных большевиков. Вот что писал Владимир Ильич в конце того же письма «Почему я вышел из редакции «Искры»?» по этому поводу: «А различие между оттенками искровцев?—спросит читатель. Во-первых, ответим мы на это, различие состоит в том, что по мнению большинства можно и должно проводить свои взгляды в партии независимо от переделки личного состава центров. Всякий кружок, хотя бы рабочедельцев, имеет право, войдя в партию, требовать возможности высказывать и проводить свои взгляды, но ни один кружок, хотя бы и генералов, не в праве требовать представительства в центрах партии. Во-вторых, различие состоит в том, что, по мнению большинства, вина формализма и бюрократизма падает на того, кто своим отстранением от работы под руководством центров затруднил возможность неформалистического ведения дела».

Каковы же были те «свои» организационные принципы, в торжестве которых меньшинство тогда не сомневалось и которые так упорно оно отказывалось излагать и защищать на страницах ЦО?—на чем не настаивал Ленин. Все, что мы слышали от меньшинства до лигйского съезда и на нем самом, сводилось в сущности к нападкам на тот централизм, который защищался как организованный принцип еще до партийного съезда, и который получил свое признание на самом этом съезде,—этот централизм стал именоваться теперь меньшинством не иначе как централизм механический, помпадурский, полицейский и проч. все в этом же роде; в резолюции, предложенной съезду Лиги Аксельродом, Мартовым, Засулич и Потресовым, централизму «бюрократическому» противопоставлялся централизм «истинно-социал-демократический», за который и призывались бороться все «сознательные товарищи», конечно, «в рамках партийного устава...»

Нет, это был набор пустых слов, никому ничего не объясняющий, ничего не обосновывающий. Мартовцы сами это, видимо, сознавали. Поэтому с переходом ЦО в их руки, в частности тотчас после письма Ленина «Почему я вышел из редакции «Искры»?»—Мартов, по поручению остальных своих товарищей по редакции, взялся, наконец, по настоящему, так сказать, «обосновать» организационные принципы меньшинства, в результате чего и явилась тогда его брошюра: «Борьба с «осадным положением» в партии».

Вот что, между прочим, мы узнали тогда (я лично был в это время уже в России и читал ее в Одессе) из этой брошюры (привожу две-три выдержки): «Политика «осадного положения» потерпела очевидное крушение. Переход «Искры» в руки старой редакции (наконец-то!—И. Л.) показал всю ее нежизнеспособность; поход на Лигу (меньшевики тут *немножечко* спустились; свой *поход на партию* они называли «походом» большинства на Лигу.—И. Л.) доставил носителям системы неизлечимые раны.

¹ Перепечатано в Сочинениях, т. VI, изд. 1929 г.

² Редакция отказалась напечатать это письмо в «Искре», и Ленину пришлось тогда выпустить его отдельным листком. Перепечатано в Сочинениях, т. VI, изд. 1929 г.

Система, в сущности, уже убита, ее следует только похоронить, чтобы по возможности скорее забыть о ней» (стр. 66).

Поспешность порою бывает весьма гибельна: вот не послушались тогда совета «мудрого змия»—Плеханова и торопливо повесили «кота» за лапку, а тот взял да ожил и всех смертельно перекусал (см. иллюстрацию Лепешинского: «Как мыши кота хоронили»). Извиняюсь за отступление, слушаем дальше Мартова:

«Дело в том, что «искровство» представляло собою определенную форму применения основных и, в этом смысле, «неизменных» принципов революционной социал-демократии к меняющимся задачам практической политики непрерывно развивающейся партии» (стр. 67). «К моменту партийного съезда *«искровство» положительно стало задерживать дальнейшее развитие партии* (курсив мой.—И. Л.). Раскол внутри «искровцев» неожиданно для них самих обнаружил, что «искровство», как особая форма революционного социал-демократизма, пережило себя» (стр. 67—68). «Никакие бюрократические соображения о «поддержании престижа власти», никакие банапартистские аргументы в пользу неизменности решений, в которых де съезд воплотил «волю партии» иметь таких-то «вождей» (в самом деле: чем «мы» хуже других?—И. Л.), не должны отклонять его (ЦК.—И. Л.) от этих шагов, диктуемых ему интересами партии» (стр. 73).

Вот в чем, оказывается, состояли «организационные принципы» оппозиции, и вот чего она желала добиться «чисто идейной пропагандой внутри партии»!

А вот и результаты этой «чисто идейной пропаганды»: харьковский комитет, например, под влиянием оппозиции, договорился в своей резолюции до такой откровенности—привожу конец ее из «Борьбы с «осадным положением» в партии» Мартова: «...Харьковский комитет вместе с тем выражает надежду, что в ближайшем будущем вновь избранные партийные учреждения исправят исправимые пока еще ошибки съезда» (стр. 74). Картина: съезд, как *всеми признанный* верховный орган партии, избирает партийные учреждения, а эти последние—исправляют «ошибки съезда». И все это—о, конечно!—«в рамках партийного устава».

Оппозиция явно стремилась к расколу: да он, этот раскол, в сущности, был уже налицо. Надежды Плеханова не оправдались, Ленин, как я уже говорил, вышел уже из редакции ЦО. События партийной жизни у нас в Женеве неслись с такой стремительностью, что за ними не успевали следить наши даже в других *заграничных* городах, не только что в России с ее подпольными условиями. А между тем вся надежда была на ЦК—на русскую часть его: за границей был в это время лишь один его представитель. Ленин по выходе своем из ЦО хотел «окопаться» в ЦК. Предстояло принять быстрые и серьезные решения... Полный контакт со всем составом ЦК являлся настоятельной необходимостью...

Тогда на меня была Лениным и Ленгником возложена миссия—немедленно выехать в Россию, ознакомить возможно подробнее ЦК со всем

ходом событий, имевших место перед открытием съезда Лиги, на самом этом съезде и в первые дни по закрытии его, и всячески настаивать о скорейшем выезде в Женеву Кржижановского и еще какого-либо другого члена ЦК. Отъезд мой из Женевы состоялся дня через четыре или пять по окончании съезда Лиги и поворота Плеханова: числа 4 или 5 ноября 1903 года.

Покойный Кнуньянц («Рубен», «Русов»), один из кавказских делегатов на II съезде партии, снабдил меня «своим» паспортом на имя какого-то персидского подданного Жан-Жакоб-Леон; документ оказался, как я сам убедился потом, очень хорошим, с персидским и французским текстом; паспорт был выдан персидским генеральным консульством в Париже на имя представителя какой-то французской торговой фирмы; в нем, между прочим, была обращена просьба ко всем гражданским и военным властям иностранных государств оказывать возможное содействие владельцу сего паспорта при исполнении им своих обязанностей. Правда, я старался как-то избегать этого «содействия» русских властей...

Выехав из Женевы рано утром на пароходе до Лозанны (чтобы не обратить на себя внимания русских шпионов в Женеве), я здесь уже сел на поезд и через Лион, Париж, Берлин и проч. быстро и благополучно прикатил в Россию. Впрочем, имел остановку в Париже на один только день, где моим «гидом» явилась студентка Шустова (ныне по мужу Шаповалова). С ней мы весь день летали по Парижу, как уторелые: побывали на кладбище Père la Chaise—у стены коммунаров, испещренной надписями на разных языках и увешанной венками с красными и траурными лентами; там же осмотрели и крематорий. Побывали в Лувре, в восковом музее революции, в Ботаническом саду, в О-бон-марше и т. д. и т. п. А вечером удалось нам даже попасть на оперу «Отелло» в la grande Opera.

Резиденция ЦК или его бюро находилась тогда в Киеве и обставлена была, как и следовало, конечно, очень конспиративно. У меня была явка на Политехнический институт к профессору Тихвинскому, который должен был связать меня с Кржижановским. Пока он налаживал мне эту встречу, я остаток дня (дело было к вечеру) побродил по городу и, подкормившись, явился, как было между нами условлено, к тому же Тихвинскому на ночевку. Ночевал я в том же институте—в какой-то лаборатории, очень богато обставленной, среди каких-то машин и приборов, куда он меня таинственно провел и, кажется, без огня, чтобы не привлечь внимания сторожей и вообще посторонних. Впрочем чьими-то заботливыми руками была там—на этот случай, повидимому—устроена достаточно удобная постель.

На другой день утром по данному мне адресу я отправился к супругам Кржижановским. За завтраком я рассказал им в нескольких словах о цели моего приезда. Условились о встрече в тот же вечер на заседании совместно с остальными наличными членами ЦК, на котором я сделаю подробную информацию. Расставшись до вечера, я отправился с подо-

бающими предосторожностями разыскивать семью Ульяновых, которая тоже в то время жила в Киеве, и с которыми я не виделся до того около четырех лет (со времени моих переговоров с Владимиром Ильичем в Москве, в марте 1900 г., о предполагавшемся тогда созыве II съезда). Застал дома только Марию Александровну и Анну Ильиничну. После оживленной беседы, расставаясь, мы с Анной Ильиничной уславливаемся еще раз до моего отъезда из Киева встретиться, и местом встречи, по ее предложению, назначаем Владимирский собор.

Вечером, как было условлено с Кржижановским, я явился в назначенное место; собралось человек пять или шесть совершенно в то время мне незнакомых. Я рассказал самым подробным образом о событиях последнего времени за границей, ответил на ряд вопросов, заданных мне в связи с моей информацией, не переставая вновь и вновь указывать на важность и необходимость скорейшего отъезда в Женеву двух членов ЦК, в том числе обязательно Кржижановского. С самого начала я не мог не обратить внимания на некоторое благодушное настроение у собравшихся в отношении к развернувшимся в конце партийного съезда и после него событиям. У меня получилось впечатление, — да это отчасти и не скрывалось слушателями, — что *здесь* все еще склонны приписывать известной нервной взвинченности и горячности отдельных лиц с той и другой стороны, считать преувеличенной тревожность положения, и допускают возможность, что дело все еще может быть вполне улажено путем мирных переговоров. Но по мере ознакомления с ходом последних событий, с фактами в конце лигийского съезда и тотчас после него, — это настроение заметно менялось. Впрочем, такое настроение, как пришлось вскоре убедиться, наблюдалось здесь, т. е. в России, первое время не только в центре, но и на местах: видимо, волна еще не докатилась. И это обнаруживалось как со стороны комитетов большинства, так и меньшинства. И те и другие в то время, видно, не успели еще достаточно консолидироваться.

К концу собрания решено было, что Кржижановский во всяком случае двинется за границу и по возможности в ближайшие же дни. В отношении меня решено было так: я закрепляюсь в Одесском комитете, как месте постоянной работы, а оттуда, глядя по обстоятельствам, время от времени заглядываю в тот или иной из южных комитетов.

Переночевав на этот раз у Кржижановских, я на другой же день двинулся в Одессу, предварительно повидавшись официально, так сказать, с Дмитрием Ильичом, от которого получил цекистскую явку в Одесский комитет через ветеринарного врача Малянтовича; неофициально — с Анной Ильиничной. Зная по опыту, как часто явки «шалют», я при получении явки спросил Д. И., — уверен ли он, что явка вполне действительна и без всяких «сюрпризов». Он решительно заявил мне, что на этот счет я могу быть вполне спокоен, и что он сам был на-днях в Одессе и мог лично убедиться, что явка действует безукоризненно. Прекрасно! Затем повидался с Анной Ильиничной; при прощании, мимо

ходом, она сообщила, что в Одессе проживает одна ее знакомая, очень хороший человек, не революционерка, но сочувствующая и при случае вполне может оказать какую-либо конспиративную услугу; по профессии— акушерка, проживает там-то; назвала фамилию ее Каган, или что-то в этом роде, теперь уже точно не помню; предложила когда-нибудь зайти— познакомиться и передать той от нее привет. Повторяю, это было сказано между прочим, наспех, и я особенно не старался зафиксировать в памяти ее адрес, никак не предвидя в этот момент, что он окажется очень скоро для меня спасительным. Приехал я в Одессу вечером. Темно уже. Города не знал я тогда совершенно, очутился в нем впервые; знакомых не души; сдав вещи тут же на вокзале, направился я с видом беззаботно прогуливающегося человека на данную мне Д. И. явку. Малянтович, судя по адресу, должен был жить где-то на другом конце города, ближе к морю.

Прошел всю Ришельевскую, нашел, наконец, нужную мне улицу и дом; уверенно поднимаюсь и звоню. Открывают и на мой вопрос отвечают, что здесь такого нет и никогда не жил; быть может этажом ниже или выше; двигаюсь вверх, вниз по лестнице, везде пучат на меня глаза, качают головой и захлопывают дверь. Тычусь в соседние дома, справа и слева, но уже не так уверенно... Нет нигде! Вновь и вновь в голове перебираю название улицы, номер дома,—все так, а человека вот нет, точно заговор какой-то. Натурально, огорчен и зол. Куда деться? В гостиницу, в крайнем случае, но ведь назавтра опять та же история... Вернуться в Киев... Но ведь это же скандал!.. Решил в конце концов пока что зайти в ресторанчик, подкрепиться кое-чем и спокойно вновь обдумать свое положение. Недалеко от набережной захожу в какое-то «кафе Фанкони». За столиком, ища какого-либо выхода из неприятного положения, вдруг вспомнил про знакомую Анны Ильиничны, но опять беда: все помню, а номер дома забыл. Но тут, действительно, оказалось, что «нет худа без добра»: помни я номер, опять ни черта бы не добился. Как?! Да, так! Представьте себе, читатель, что бывают случаи, когда лучше не знать номера дома, которого ищешь.

Иду по нужной мне улице (это была та же Ришельевская, надо было ближе к вокзалу, по нечетной стороне,—это я сообразил по некоторым имевшимся у меня данным). Ищу на воротах и подъездах табличку: акушерка такая-то. Нашел! Звоню и, действительно, попадаю к тому, кого ищу, знакомлюсь и передаю привет; принимают очень приветливо и просто, кругом шум, пение, веселье. Масса молодежи. Оказывается, я попал на какое-то семейное торжество: не то день рождения, не то свадьба; меня тут же подхватывают и безо всяких разговоров волокут в столовую, где за большим столом идет прямо пир горой. Сажают и тут же одни накладывают мне кушанье на тарелку, другие наполняют стакан. И я положительно оказался в положении человека, попавшего «с корабля на бал!»

Наконец, опомнившись от всей этой неожиданности, я отзываю незаметно в сторонку свою незнакомую знакомку и, кое-что объяснив насчет

себя, спрашиваю, не знает ли она такого-то врача. Оказывается, прекрасно знает и очень часто видится с ним и с женой его. А где он живет? спрашиваю. Называет тот же самый адрес, который дан был мне в Киеве. На мое замечание, что такого там нет, она поднимает меня на смех, говорит, что еще в этот день утром была у них и уверяет меня, что я не на той улице искал. Каждый из нас из кожи лезет, доказывая свою правоту. В конце концов решаем так: я остаюсь до утра у них или, ради наилучшей безопасности—у одного из их гостей, который с удовольствием заберет меня к себе на ночевку, а утром она самолично доставит меня к этому самому Малянтовичу, и я позорно проиграю пари. Наутро отправляемся вместе, и она прямехонько приводит меня туда, куда мне нужно, и тут же, торжествуя, обращаясь ко мне, спрашивает, здесь ли я был? Отвечаю, что нет, ибо номер дома совсем не тот. Как? Поднимает голову и в самом деле номер вовсе не тот. Тут уже я посмеялся вдоволь над ней. Возвращаясь к себе домой, она не без удивления «открыла», что и она живет «не там», а Малянтович, узнав о моих мытарствах, тут же устремился на улицу, чтобы самому удостовериться в происшедшем «чуде». Однако хорошо хоть то, что все кончилось благополучно. Искомый врач оказался на своем месте и все прочее дальше пошло великолепно.

В чем же все-таки дело? Этого никто не мог сразу объяснить. Лишь спустя несколько дней изумленные одесситы узнали, что все это—шалости игрового начальства. В городе, видите ли, постепенно накопилось по главным улицам очень много домов под одними и теми же номерами, но с прибавлением, для отличия, букв «а», «б», «в». Неизвестно: взор ли начальства стали возмущаться сии невинные литеры или соображения «высшей» охранной политики,—только в один прекрасный день на градоначальника (кажется, генерал Нейгардт был там в то время) нашло административное вдохновение: уничтожить все буквы и заменить последующими порядковыми номерами. Сказано—сделано. И чуть ли не в одну ночь, с чисто военной стремительностью «реформа» была совершена, и притом—без всякого предварительного или последующего оповещения о том населении. Впрочем, одесские градоначальники всегда отличались какой-то особенною восторженностью...

Малянтович направил меня к одному из членов комитета—врачу Богомольцу; сам же он в комитете не состоял, но был в общем в курсе дел и считался своим человеком, оказывая комитету немало ценных услуг. Через Богомольца познакомился я с остальными членами комитета и в первую голову с Левицким Константином Осиповичем, ныне уже покойным, прекрасным человеком во всех отношениях, скромным, но весьма выдержанным и ценным работником. Жена его Е. Г., ныне коммунистка, не состоя в то время членом комитета, была посвящена, несомненно, в его дела, оказывала ему постоянное активное содействие, будучи верным помощником своего супруга; словом, была как бы техническим секретарем комитета. Кроме Левицкого в составе комитета я застал: Скрипника, С

которым я оказался случайно знакомым еще до того, именно по Красноярской пересыльной тюрьме во время отправки студентов в Сибирь; в Одессе он уже был одним из активнейших работников, ведал, если не ошибаюсь, Пересыпским районом, куда входили, кажется, и каменоломни; затем, кажется, студент Мейерсон и еще кто-то, не помню кто, и, наконец, Локерман (один из делегатов Донского комитета на II съезде под кличкой Царев,—один из «мягких» искровцев, примкнувший там к меньшинству). Затем, уже позже, в начале 1904 года, прибыла из Женевы и тоже вступила в Одесский комитет Прасковья Ивановна Лалаянц.

Из периферийных работников весьма энергичных, пылких и деятельных молодых людей, помню: Михаила Лашевича («Миша-трудник» — кличка по ремесленной школе «Труд», в которой он тогда не то учился, не то уже окончил курс), Леву Потушанского, Михаила Лазуркина, Эпштейна, братьев Фельдман Григория и Александра. Была масса других работников, более или менее тесно связанных с организацией и в той или иной сфере оказывавших ей содействие, но в большинстве случаев я лично с ними не сталкивался, а фамилий их и вовсе не помню, но, как другие передавали, в большинстве это были люди очень славные, преданные, немало способствовавшие общему успеху дела.

По рассказам, Одесский комитет перед II партийным съездом был неоднородным, его состав по своему духу и направлению *целиком* не был искровским или во всяком случае выдержанно-искровским, был наполовину шатким, расплывчатым. Из двух делегатов его на съезде: один был Землячка, другой—Зборовский, который примкнул на съезде к меньшинству. По окончании съезда, как мне передавали, доклад о нем в Одесском комитете был; именно Землячка будто бы делала этот доклад; делал ли, кроме того, доклад Локерман-Царев, которого я там застал, или кто-либо другой из меньшевиков, я не знаю. Ко времени моего приезда в Одессу комитет был в общем большевистским, за исключением Локермана, довольно добродушного, как мне показалось, меньшевика. Среди большевиков вначале некоторые оттенки все же были: Левицкий и Скрыпник занимали вполне определенную и решительную позицию в отношении меньшинства съезда, остальные—один или двое, не помню—примыкали к ним; Богомолец же держался немножко вяло, миролюбиво что ли, уж не знаю, как сказать.

На одном из первых же заседаний комитета я сделал подробнейший доклад о положении в партии за время с окончания II съезда и до своего отъезда из Женевы. Тактика бойкота со стороны мартовцев за это время, их поведение на лиговском съезде и все прочее вызвало общее возмущение. Даже Локерман не пытался защищать их действия, а только старался смягчить и объяснить как-нибудь все происшедшее раздражением и прочими психологическими причинами. После подробного и продолжительного обсуждения моего сообщения была принята резолюция, резко осуждающая поведение мартовцев и протестующая против попыток их нарушить постановление съезда. Тут же решено было на закрытых собраниях членов

организации, в пропагандистских кружках сделать сообщение о партийном съезде и последовавших вслед за тем событиях, но на открытых широких собраниях, ввиду отсутствия еще со стороны ЦК официального извещения о состоявшемся II съезде партии и принятых им решениях, с таким сообщением не выступать. Это дало повод какому-то досужему «собственному» корреспонденту сообщить в новую «Искру», что Одесский комитет-де всячески старается скрыть от широких кругов сознательных рабочих действительное положение вещей в партии. Повидимому, это сообщение послужило новой «Искре» основанием к враждебному обращению ее к Одесскому комитету, с демагогическим призывом к рабочим — «ломать все интеллигентские перегородки» и потребовать от комитета сообщения «всей правды»...

Однако на этой демагогической выходке «Искра» ничего не заработала; рабочим ничего не пришлось «ломать», ибо они уже до того были прекрасно осведомлены обо всем и, ознакомившись с этим обращением, весело посмеялись над «Искрой»: они уже прочно стояли на стороне своего большевистского комитета. Подобающий ответ, посланный впоследствии комитетом в форме «письма в редакцию», в «Искре», насколько помнится, не был помещен.

Связь наша с заграницей в это и в последующее время поддерживалась по тем временам довольно аккуратно; в то же время меньшевики нас не забывали своей литературой: мы своевременно получали номера новой «Искры», отдельные брошюры вроде «Борьба с «осадным положением» в партии». «О заезжаемых и заезжателях» и пр., что держало нас в общем курсе дел и давало комитету возможность соответственно реагировать в своих выступлениях устно и в листовках. Мы видели, что борьба в центрах не только не приостановилась, не говоря уже о прекращении ее, о чем мечтал Плеханов, но все сильнее и сильнее разгоралась: аппетиты оппозиции росли с каждой новой уступкой; ультиматум ЦК, в составлении которого участвовал Ленин, уже в это время как член ЦК, предъявленный оппозиции в конце ноября: 4 места в редакции ЦО, одно место в Совете партии, 2 места в ЦК и пр.—уже не удовлетворял ее. Оставшиеся на съезде в меньшинстве, оппозиция захотела теперь быть в большинстве во всех партийных центрах: в ЦК, в ЦО и в Совете. Она требует (*требуется!*) от съездского большинства полной капитуляции, на меньшее она не согласна никак!

Между тем вся эта возня с оппозицией, эта «кооптационная» канитель, повидимому, поглощала все силы нашего ЦК: на местах не видно никакой помощи от него ни людьми, ни литературой, не говоря уже о руководстве. По крайней мере, Одесский комитет совершенно предоставлен самому себе; постепенно «кустарными» способами приходится убеждаться, что и в других ближайших к нам местах та же история. Действительно, полная... «автономия». Мы делали все, что могли: отзывались на местные и общерусские события, выпускали листки, расширяли связи и кружки пропаганды. Позднее, уже в 1904 году, мы старались поддерживать связь

с соседями (например с Симферополем, Севастополем, Ялтой, Николаевым, сносились с Екатеринославом), иногда делились листками; в самые же острые моменты, случалось, и людей временно посылали на поддержку после жандармских набегов. Наша местная «техника»—типография работала с полным напряжением.

А тем временем развернулись внешние события: в конце января (ст. ст.) 1904 г. грянула русско-японская война; империалистические хищники не ладили между собой, кучка русских титулованных и нетитулованных грабителей, при поддержке царского правительства, уже чересчур глубоко запустила свою лапу в лесных концессиях на р. Ялу в Корее...

Был выкинут лозунг—немедленное приостановление военных действий и созыв Учредительного собрания, которое решит вопрос о способах и условиях скорейшего прекращения войны. В развитие этого положения велась пропаганда в кружках и на «массовках», выпускались агитационные листки с разъяснением смысла и характера этой войны, причин, вызвавших ее, и с призывом к низвержению самодержавия.

Ну, а как обстояли дела в это время в партии? Весьма печально. Кризис дошел до высшей точки своего развития, что подтверждалось сведениями, дошедшими до нас приблизительно в конце февраля 1904 г. Благодаря широко раскрытым Плехановым дверям редакции ЦО туда хлынули все старые редакторы «Искры». Утвердившись там, они забрали в Совете оба места от ЦО. Вместе с Плехановым, к тому времени окончательно перекочевавшим в лагерь мартовцев, последние и тут получили большинство в три голоса против двух голосов представителей от ЦК. Таким образом оппозиции оставалось теперь забрать в свои руки для своего полного торжества лишь ЦК, что ей и удалось сравнительно совсем легко. Ленин, видя, что оппозиция ведет войну «до победного конца», что недавний съезд партии с его решениями идет насмарку во славу лигийского съезда,—вместе с другим членом ЦК поставил в Совете партии вопрос о необходимости срочного созыва третьего съезда. Предложение это тут же было провалено тремя голосами против двух.

Приблизительно в это же время или несколько позже в составе самого ЦК происходят некие перемены (еще до кооптации представителей оппозиции). Кое-кто сам устраняется, кое-кого забирают. Более или менее скрытое примиренческое настроение у некоторых из оставшихся начинает явно проступать наружу. По вопросу о созыве третьего съезда начинается расхождение внутри ЦК: одни за созыв его, другие—против этого и за мир с оппозицией во что бы то ни стало, ценой чего угодно, вплоть до полной капитуляции перед мартовцами. Особенно далеко пошел в этом отношении Носков («Нил»—«Глебов»), тот самый, который был единственным наличным кандидатом в ЦК в большевистском списке и который там же на съезде и был избран в члены ЦК. Теперь он сделался лидером примиренцев и ярким противником тех, кто стоял за созыв третьего съезда. За ним следовали Гальперин («Валентин»—«Конягин») и Красин («Никитич»). Они стали вершать теперь дела в русской части ЦК.

Одесский комитет в числе первых на одном из своих заседаний решительно и единогласно (меньшевика Локермана—«Адама», уже давно не было у нас; он как-то вскоре после моего приезда ушел совсем) высказался за необходимость созыва третьего съезда и стал с тех пор активно бороться за него. Это очень не нравилось ЦК (названной выше группе). Носков—«Нил» при мне несколько раз приезжал в Одессу—у него тут была поставлена одно время своя типография для цекистских нужд. Ради нее он и приезжал очень таинственно в Одессу. Он особенно косился на наш комитет из-за борьбы его за третий съезд. В один из таких приездов пожаловал даже к нам в комитет перед отъездом на вокзал. Сообщил о последних событиях, говорил, что все хорошо налаживается, что все спасение теперь в достигнутом внутреннем мире, что надо решительно бросить эту затею с созывом третьего съезда, а приналечь возможно сильнее на текущую работу и пр. Вид у него был при этом достаточно важный и суровый...

Впрочем, как оказалось впоследствии, он и с Лениным шутить не любил, требовал, чтобы тот не только сам не боролся за третий съезд, но и противодействовал всячески этой борьбе... Строг, строг был покойный, что и говорить,—даром, что молодой. А места не слушались: комитеты и организации чем дальше, тем дружнее стали один за другим высказываться за созыв третьего съезда. С этих пор окончательно привились и получили право гражданства названия: большевики, меньшевики.

Одесский комитет тем временем, не ослабляя местной работы, старался, где возможно, теснее связаться с некоторыми из южных комитетов. А тут кстати приехал Воровский—это было, помнится, в марте; откуда он прибыл к нам, я теперь уже не помню. В комитет он не входил. Я лично знал его еще по загранице, в последний период моего пребывания там.

С целью еще более усилить и объединить борьбу за третий съезд за пределами одесской организации мы решили с ним образовать вне комитета, но в полном контакте с ним, конечно, особую группу, так сказать, для внешних сношений. Группа составила из Воровского, меня и Левицкого, причем мы с Левицким не только не выделились из комитета, но продолжали работу и там, насколько хватало времени и сил.

В целях наиболее широкой пропаганды идеи о необходимости созыва третьего съезда, мы решили составить от имени Одесского комитета обоснованную подробную резолюцию с изложением всех существенных моментов в ходе событий, имевших место в жизни партии, начиная с созыва II съезда и кончая «приходом к власти» меньшевиков, с призывом к другим комитетам присоединиться к требованию созыва третьего съезда. Первоначальный набросок было предложено составить Воровскому, после чего этот набросок подвергся длительному рассмотрению на ряде заседаний нашей группы, детально прорабатывался, со внесением множества изменений, дополнений, поправок. При этом решено было так: после того, как резолюция эта будет принята Одесским комитетом, ее отпечатать в виде отдельной брошюры, по возможности четко и крупно, в массовом

количестве для широкого распространения и через другие комитеты помимо Одесского. Но предварительно, до отпечатания ее, решили ознакомиться с этой резолюцией Ленина, и вообще заграничную часть ЦК, согласовать с ними и предложить утвердить нашу группу как Бюро южных комитетов большинства (БЮКБ); заодно считали нужным ознакомить их подробнее с положением дел в некоторых южных комитетах, с которыми к тому времени мы были более или менее связаны. Поездка была возложена на меня, которую мне и удалось совершить вполне благополучно и достаточно быстро,—что-то в неделю с чем-то,—так что по возвращении моем в комитете шутили, что точно в Питер съездил я.

Засадил жену Левицкого мелко переписать резолюцию на тонкой мягкой бумаге, чтобы при ощупывании не шуршала. Та с вечера и всю ночь напролет просидела над ней и успешно выполнила задание; затем она же зашила ее мне очень искусно в плече пальто, под подкладкой. Тем временем я успел побывать у «нашего», сиречь персидского, консула в Одессе, который принял меня очень любезно (видимо, мое парижское пальто, котелок и пр. произвели на него некоторое впечатление) и тотчас же поставил мне на паспорте визу на выезд из России, заметив при этом, что я, вероятно, не раз еще побываю в этой стране. Я с восторгом отозвался о России и сказал, что рассчитываю опять заглянуть как-нибудь сюда. Границу—через Австрию—проехал в поезде с полным удобством, на этот раз без всяких свиных хлевушек. В Женеву прибыл днем и через какой-нибудь час уже сидел у Владимира Ильича. После горячих приветствий началась тотчас, еще в частном порядке, подробная взаимная информация: В. И., конечно, хотелось как можно скорее и подробнее узнать, что происходит «там»; разумеется, у меня было такое же нетерпение относительно «здешнего»... Вечером того же дня в каком-то кафе мы снова сошлись, как бы официально; было несколько человек, в том числе была, помнится, член ЦК «Зверь» и, кажется, Н. К. Крупская. Я вновь порассказал обо всем мне известном, о положении дел у нас на юге, жаловался на недостаток литературы и людей, с которыми у нас положение было очень напряженное: к нам обращались из других мест, и мы с трудом изворачивались, кроили «тришкин кафтан». Затем прочитал нашу резолюцию. Во время ее чтения Владимир Ильич не раз постукивал кулаком по столу, сопровождая каждый раз свой жест восклицанием—*Sehr richtig!* (совершенно верно).

По окончании чтения и по внесении в нее незначительных поправок и изменений резолюция тут же была одобрена и получила «благословение» на размножение путем отпечатания. Потом она была переписана, а подлинный экземпляр я тем же порядком повез обратно на другой день «домой». Предложение об образовании БЮКБ также получило одобрение. Под конец «Зверю» было поручено выдать мне из кассы для нужд организации некую сумму—что-то около ста рублей, хорошенько не помню теперь.

Обратный путь прошел в общем тоже благополучно, если не считать маленькой «заминки» у той же австрийской границы. Возвращался я через

Волочиск—Подволочиск. Австрийский поезд перешел нашу границу и остановился у станции. Прибывшие с поездом пассажиры проходят в помещение вокзала, выход из которого сейчас же запирается. Паспорта отбираются и уносятся в дежурную жандармскую комнату для просмотра. Пассажиры в ожидании возвращения им паспортов нетерпеливо толпятся у барьера перед дежурной комнатой. На другой стороне вокзала стоит наготове русский поезд. Из дежурной комнаты то и дело показывается жандарм с пачками паспортов в руках и раздает их. Получивших пропускают к русскому поезду. Толпа у барьера редет. Наконец все получили свои документы и ушли. Остался я один. Даны уже первый и второй звонок к отходу, а моего нет!.. Наконец появляется «сам» офицер, в руках мой паспорт. Видя, что я с трудом говорю по-русски, становится любезным и старается объяснить, что у меня просрочена виза для въезда в Россию—уже полгода прошло—и он, к сожалению, ничего не может сделать и вынужден попросить меня вернуться во Львов (Лемберг), где ближайший русский консул, который сейчас же поставит визу... Я противлюсь (а у самого гора с души свалилась, готов хоть к чорту на кулички ехать за этой самой визой!), говорю, что мне каждый день дорог, торговые дела... и если нужны какие-либо сборы—я готов... Он снова рассыпается в любезностях, говорит, что к величайшей своей досаде, он ничего не может сделать. «Знаете, наши русские законы очень строги на этот счет», что он сам не рад, но... и начинает успокаивать меня, что на это потребуются только сутки и завтра в это же время, с этим же поездом я буду здесь... Делать нечего, еду в Лемберг, ночую там (была уже ночь), а наутро, быстро получив визу, приезжаю, действительно, в тот же час обратно. Жандарм встречает меня вновь с бесконечными извинениями и моментально пропускает паспорт. Дальнейший путь совершается без всяких препятствий, и на другой день я был уже в Одессе. Весть о том, что все сошло великолепно и резолюция наша вполне одобрена Ильичом и его друзьями, встречается нашими с большой радостью; да и деньги, конечно, оказались весьма и весьма кстати.

Я считаю небезынтересным привести здесь полностью эту резолюцию, заимствуя ее из брошюры Шахова «Борьба за съезд», появившейся в Женеве в 1904 году.

Резолюция Одесского комитета.

Наша партия в настоящее время переживает тяжелый внутренний кризис. Обязанность как отдельных сознательных членов партии, так и каждой партийной организации всеми силами содействовать скорейшему устранению этого кризиса. Одесский комитет, признавая это и видя, что положение вещей с каждым днем становится все более и более невыносимым, после тщательного и всестороннего обсуждения вопроса *единогласно* пришел к определенному его решению.

Однако, прежде чем изложить свое заключение, Одесский комитет считает необходимым, хотя бы в кратких чертах, указать на те обстоятельства, которые, по его глубокому убеждению, привели партию к та-

кому положению. В период расцвета так называемого «экономизма» в теории и «кустарничества» с «демократизмом» на практике в области организационной, в период всеобщего разброда, шатания и оппортунизма, возникла «Искра», с ясно и твердо установленными принципами революционной социал-демократии в теории, не менее ясными определенными началами партийной организации в области практической.

С первого же дня своего существования «Искра» вступила—и не могла не вступить—в борьбу со старыми указанными выше направлениями нашей партии. Борьба эта была упорная, непрерывная, страстная, в течение двух с половиной лет она велась дружно и неутомимо. В конце этого периода всем стало казаться, что идеи «Искры», в том числе и организационные, восторжествовали, в нашей партии и что момент ликвидации «третьего периода» наконец настал. Говоря точнее, казалось, настал момент санкционировать эту ликвидацию и формально провозгласить идейное и *организационное* единство партии, выработать строго определенные нормы для дальнейшего существования и функционирования партии на новых началах. Совершить и завершить это мог только съезд, как верховный орган и выразитель воли партии.

Необходимость самого съезда и его значение как высшего органа партии, постановления которого безусловно обязательны для всей партии, признавались опять-таки всеми и были ясно и отчетливо выражены в уставе II съезда, выработанном Организационным комитетом и принятом всеми организациями. Съезд этот, наконец, состоялся. Он дружно принял программу партии, ряд практических резолюций, утвердил все основные черты организационного плана «Искры», в виде устава партии, осуществляя этот план распусканием отдельных местных групп (гр. «Борьба», гр. «Южн. раб.» и друг.). Но при обсуждении § 1 устава оказалось, что среди «искровцев» было небольшое, правда, число людей, плохо понимавших организационные принципы «Искры», способных защищать оппортунистическими рассуждениями весьма ошибочные взгляды. Когда дошло до выборов в центральные учреждения партии, то из этих непосредственных и неустойчивых искровцев, которых поспешили поддержать все неискровцы и принципиально наименее выдержанные социал-демократы, и образовалось меньшинство. Большинство (ставшее большинством после ухода Бунда) составили те, кто последовательно отстаивал воззрения революционной социал-демократии и боролся со всякой узкой кружковщиной, в каких бы «высокопоставленных» коллегиях она ни таилась.

Продолжая свою работу, съезд принял целый ряд постановлений, которые—все равно принимаются ли единогласно или только большинством голосов—обязательны для всей партии, для всех членов ее. Это, наконец, было категорически выражено в уставе ОК, но оказывается, что меньшинство участников съезда, с того времени, как оно сделалось меньшинством, смотрит на это дело совсем иначе. И вот, тотчас же после съезда оно начинает неслыханную, недостойную по своему характеру антипартийную борьбу против постановлений съезда, против установленных им центральных учреждений партии, стараясь дискредитировать как эти учреждения, так и значение всего съезда, как выразителя верховной воли партии. Прикрывая сначала свое дезорганизаторское поведение такими фразами, как: «лояльный бойкот», «в рамках партийного устава» и т. п., меньшинство само срывает с себя эту «лояльную» маску на съезде Лиги, где уже открыто попирает постановления съезда, издевается над уставом партии и ее ЦК. Так кончается, так сказать, первый период столь славной борьбы, период преимущественно подсиживаний, сплетен, интриг и прочих достойных приемов, завершившийся бешеными криками:—«жан-

дармы», «казаки» и пр. по адресу защитников постановлений партийного съезда и ЦК в том числе. После этого один из членов ЦО, Плеханов, исходя, повидимому, из самых лучших намерений и во избежание, по его мнению, раскола в партии, совершает печальную, чтобы не сказать больше, ошибку и ценою выхода Ленина из редакции с одной стороны, и вопреки воле съезда—с другой, кооптирует всю четверку, из которой трое были не выбраны съездом. Вместе с тем и несмотря на прежние свои ожесточенные нападки на меньшинство, Плеханов становится на сторону последнего и помещает в № 52 «Искры» статью, которая, из каких бы благих намерений автор ее ни исходил и какие бы исключительные обстоятельства он ни имел в виду, во всяком случае дает повод к различным толкованиям до оппортунизма включительно. С момента перехода «Искры» в руки вождей меньшинства начинается второй, «литературный» период борьбы меньшинства с решениями съезда, с организационными принципами «Искры», получившими торжественное признание на съезде, и наряду с этим—заигрывание, с так называемыми «экономистами» без единой попытки ясно и определенно изложить, какие именно воззрения и каких именно «экономистов» признало вдруг правильными новая «Искра». Появляется с одной стороны, довольно разнообразная литература сначала в рукописном виде и предназначенная лишь для определенного круга читателей, для «своих»¹, с другой—серия статей в самой «Искре», так например, в № 53 статья «Наш съезд», совершенно ложно освещающая происходившее на съезде, фельетоны П. Аксельрода в № 55 и 56, разносящие централизм «Искры» и проводящие под флагом социал-демократии обрывки анархических идей, оппортунистических фраз против «якобинства», буржуазно-индивидуалистических рассуждений, долженствующих оправдать недостойное поведение меньшинства и т. п.; в том же № 53—заигрывание с «экономистами», в № 58—статья Мартова против Ленина и вообще большинства, статья, хлесткости стиля которой мог бы позавидовать сам Виктор Буренин... И это после того, как редакция торжественно заявила в ответ на непропущенное письмо Ленина, что она прибережет страницы «Искры» для объективной принципиальной полемики! Каков объективизм, какова принципиальность! Ожидаемый мир, которого так жаждал «мудрый змий»—Плеханов и не менее его ожидали остальные члены большинства, не настал. Сделанные вопреки воле съезда уступки не удовлетворили меньшинства. Напротив. Оно меньше всего думало о мире и удовлетворении именно в этот момент, т. е. после получения этих уступок. Водворившись в лице своих вождей в редакции ЦО и в Совете, меньшинство возобновило свою борьбу с ЦК с новой силой. То, что ему было дано ради мира и в устранение партийного раскола, оно немедленно пустило в ход, как орудие дальнейшей борьбы с ЦК. Стремясь дискредитировать и подавить избранный съездом ЦК, меньшинство произвольно вторгается в область функций, возложенных съездом исключительно на ЦК, с каковой целью посылает из ЦО особого делегата по комитетам для завязывания *непосредственных сношений* с ЦО по части не только составления и издания листков и брошюр, но и транспорта литературы и пр. Смысл предложения этих непосредственных услуг слишком ясен, чтобы останавливаться здесь на нем.

Не ограничиваясь этим, редакция рассылает циркулярное письмо по комитетам, в которых наряду с грязными нападками на Ленина силится

¹ Впоследствии литература эта появилась в печати, но, к сожалению, в некоторых произведениях были сделаны изменения, выпущены или переделаны некоторые ставшие неудобными места и пр.

расшатать принципы централизма, те самые принципы, за которые «Искра» так упорно боролась с самого начала своего существования и которые съезд признал и постановил проводить в жизнь. Наконец, в Совете, тотчас после заявления членов из меньшинства партии, что они не будут пользоваться своим преобладанием там для давления на ЦК, принимается, несмотря на протесты членов из большинства, резолюция о кооптации в ЦК представителей меньшинства. Таково положение дел в настоящий момент. Резюмируя свое отношение к нему, Одесский комитет заявляет: 1) Съезд есть высшее учреждение партии, все решения которого безусловно обязательны для всех членов и организаций партии, независимо от того—приняты ли эти решения единогласно или простым большинством голосов; 2) оставшиеся в меньшинстве второго съезда, упорно отказываясь разъяснить и защищать свою принципиальную позицию на страницах ЦО партии, затеяли вместо того мелкую личную борьбу против избранных съездом центральных учреждений, не останавливаясь перед решениями съезда; 3) борьба эта, сопровождаемая всякими «бойкотами», интригами, подсиживаниями, внося раскол и взаимное недоверие внутри партии, направлена была к подрыву доверия ко вновь избранным центральному учреждением: она имела в виду затормозить и парализовать положительную работу этих учреждений; 4) этим путем меньшинство стремилось и стремится переделать решения съезда прежде всего по вопросу о составе центральных учреждений, добиваясь введения туда лиц, забаллотированных съездом при выборах; 5) достигнув (и притом не путем убеждения товарищей, а путем дрызг и прямой подготовки раскола) в значительной мере своих целей, а именно водворившись в редакции ЦО и Совете, меньшинство не только не успокаивается на этом, но пользуется своим новым положением для дальнейшего переделывания результатов съезда, т. е. попросту ставит себя выше съезда, открыто издеваясь над «божественностью» его, другими словами, над обязательностью его решений, для партии,—тут кончается борьба меньшинства *за* власть и начинается его борьба *при помощи* власти; 6) продолжая еще более усиленную борьбу против ЦК, еще не попавшего в их руки, меньшинство немедленно по своем водворении в редакции открыло поход по всей линии против организационных принципов старой «Искры», принятых съездом; 7) помимо области организационной, поворот делается также (хотя и не так решительно) в области теоретической, как, например, заигрывание с «экономизмом», оппортунизм, повторение анархических фраз, обвинение в «односторонности», «буржуазности» нынешнего направления нашей социал-демократической политической борьбы; 8) предпринимая все эти нападки, нынешняя «Искра» *нигде ни разу* не выставила своей положительной позиции в разбираемых вопросах.

Ввиду всего этого Одесский комитет, считая поведение и действия меньшинства противоречащими постановлениям съезда, вредным для интересов общепартийного дела, резко осуждает как самый характер борьбы меньшинства, так и те приемы, которыми оно пользуется в этой борьбе, с глубоким сожалением констатируя, что «Искра», признанная съездом ввиду ее вполне определенного и испытанного направления центральным органом партии, с момента своего перехода в руки меньшинства сильно стала менять свою физиономию, все более переставая походить на ту старую «Искру», которая была утверждена съездом. Все это вместе взятое вносит в нашу партию полную деморализацию и дезорганизацию, ответственность за которую всецело падает на так называемое «меньшинство».

Единственный же выход из этого невыносимого положения, по глубокому убеждению Одесского комитета, это—скорейший созыв третьего

съезда, который только и может положить конец этому совершенно ненормальному состоянию.

Одесский комитет призывает остальные комитеты партии примкнуть к его требованию созыва III съезда.

Одесский комитет Российской социал-демократической рабочей партии», март, 1904 года.

(Н. Шахов—«Борьба за съезд», стр. 49—54).

Теперь надо было озаботиться, чтобы возможно скорее отпечатать эту резолюцию в большом количестве, а это было не так-то просто. Наша скромная «техника» и так была сильно загружена, да и бумаги требовалось не мало... О цекистской, «ниловской» технике нечего было и думать... Помимо обычных листков, требовались, так сказать, «военные листки», т. е. по поводу событий в связи с войной. Война была в полном разгаре. «Мы», т. е. русское правительство, стали уже получать от японцев ряд весьма ощутительных «щелчков», не говоря уже о жестоких ударах по флоту в ночь начала войны, когда сразу были надолго выбиты из строя два лучших броненосца: «Ретвизан» и «Цесаревич» и крейсер «Паллада». Первого апреля взлетел на воздух броненосец «Петропавловск» вместе с командующим флотом адмиралом Макаровым и тотчас же погрузился на дно и т. д.

У правительства все же выходило как-то так, что «наша берет»... Стали устраиваться всякие манифестации, пошла «патреатическая» свистопляска. Черносотенцы, возглавляя толпы всякого рода хулиганья, стали время от времени шествовать по улицам с хоругвями, портретами «августейшего», с музыкой на страх... содержателям крупных ресторанов, ибо всегда после посещения этих «манифестантов» там неизменно обнаруживалось исчезновение серебряных ложек, вилок, ножей и прочей ценной сервировки: велик был патриотический «подъем», руки «пылко» тянулись к этим предметам, которые тут же быстро и совсем не «демонстративно» опускались в карманы...

Наша тройка, превратившаяся уже в БЮКБ, при ближайшей горячей поддержке Одесского комитета делала все, что была в силах, по части снабжения добрых соседей литературой, поддержки их людьми,—последним, можно сказать, делились!.. Зато, как приятно было получить от посланных товарищей, после более или менее длительной борьбы, первые лаконические сообщения, вроде: «Симферополь наш» или «Севастополь взят»¹ и пр. Бывали, конечно, и неудачи: проваливалась литература, едва успевал ускользнуть от ареста посланный человек или налетал на обыск и т. д. По всем этим причинам печатание этой брошюры-резолюции, несмотря на все принятые меры, несколько затянулось, но все же благополучно было закончено.

¹ Крымские организации как-то все переходили из рук в руки: шла отчаянная борьба из-за них с меньшевиками. Они так и рыскали тут кругом, в ожидании какого-либо провала. Да и к нам в Одессу они заглядывали; помнится, приезжал как-то в числе прочих, кажется, Крохмаль («Загорский»), и где-то на Фонтане даже дискуссию устраивали, но здесь у них ничего не выгорело; так и уехали от нас ни с чем.

К началу лета удалось даже завести у себя маленькое паспортное бюро для приезжающих или отъезжающих работников. Помню, приезжали, но не вместе, братья Эссен: сначала «Барон» позже «Бур», кажется, откуда-то спасаясь. Оба, конечно, были немедленно пущены в оборот.

Но увы! мои собственные дни, оказывается, были уже сочтены: 8 июня (1904 г.) в городе были обыски и аресты. На одной из квартир, куда явились с арестом, случайно застали и меня; «на всякий случай» забрали и меня, несмотря на все мои протесты; я все еще «очень плохо» говорил по-русски. Продержав дня два в Бульварном участке, меня тоже вместе с другими арестованными отправили на «Чумную гору», т. е. в одесскую одиночную тюрьму. Дома при обыске (уже после моего ареста) ничего не нашли, кроме кипы иллюстрированных каталогов, проспектов и пр. разных иностранных торговых фирм. Продержав до зимы без всякого результата, меня хотели уже освободить и выпроводить за границу,—как о том мне передавал потом жандармский ротмистр, производивший дознание,—но случайно, по его словам, в числе прочих фотографических карточек, присланных из департамента полиции для установления личности одного нелегального, попалась этому ротмистру в руки и моя карточка, которая и раскрыла ему все относительно меня; в конце января 1905 г. я неожиданно был вызван в контору тюрьмы, где этот жандарм с нескрываемым торжеством предъявил мне мою фотографию и тут же, галантно звякнув шпорами, назвал меня по настоящему имени и отчеству. Затем прибавил: «Мы, конечно, уверены, что вы тут в Одессе не баклуши били, но у нас нет относительно вас никаких данных, и потому отправим отбывать тот приговор, от которого вы бежали в 1902 г. из Сибири за границу; для этого вы будете на днях переданы в распоряжение градоначальника». Ссылка в Сибирь по случаю русско-японской войны была в это время отменена, и всех, подлежавших ссылке туда, отправляли в северные губернии Европейской России, причем так (какова изобретательность!): евреев в Архангельскую, а всех не евреев в Вологодскую. Я был назначен в один из глухих уездов Вологодской губернии для отбывания своей пятилетки, куда и был двинут этапным порядком, через Москву, 11 февраля 1905 года.

Таким образом и разгром царской армии и флота, и «весну» кн. Святополк-Мирского, и банкетную шумиху либералов, и «земскую кампанию» меньшевиков, и кровавое воскресенье—9 января в Питере, и многое другое я просидел в тюрьме. Проходя в Москве через Бутырки, я что-то день, кажется, пробыл в них и как раз в той самой Северной башне, где сидел три года назад перед отправкой в Сибирь. Выходя на этап из своей камеры, я мельком, через форточку камеры, видел Каляева, бомба которого за несколько дней перед тем разнесла на куски московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея. Но подойти к нему, протянуть ему руку мне не удалось: у открытой форточки его камеры день и ночь стоял жандарм, почти не спуская с него глаз, другой жандарм, держа в руках револьвер, охранял форточку, предупреждая малейшую попытку

подойти к ней снаружи. Мы успели только кивнуть головой друг другу.

По прибытии в вологодскую тюрьму я с вечера же того дня почувствовал сильный жар, всю ночь горел как в огне. Ввиду этого, по распоряжению губернатора, я был на трое суток освобожден в самой Вологде. Не зная абсолютно никого в городе, я поселился в гостинице, куда я дошел с трудом. Ночью потерял сознание, а наутро служители нашли меня на полу. Вызванный немедленно врач сразу же определил у меня сыпной тиф, который я, очевидно, схватил уже в этапе. Но еще до прихода этого врача прибыл врач из местных ссыльных—доктор Ченыкаев с другими ссыльными, фамилии которых не запомнил—я был почти без сознания. Тотчас же доставили меня на носилках в земскую больницу, где я и провалялся целый месяц. По выходе из больницы мне напомнили, что пора ехать на место назначения, да еще этапным порядком, т. е. заарестоваться...

Плохо еще держась на ногах, я отправился к губернатору и, протестуя, заявил, что чувствую себя настолько слабым еще после тифа, что не в силах буду перенести этапа и вообще было бы для меня чрезвычайно тяжело куда-либо в настоящее время переселяться. Он извинился, свалил все на полицеймейстера, говоря, что тот «слишком формально» его понял, разрешил мне остаться в Вологде на неопределенное время до полного выздоровления. После того я еще с месяц пробыл в Вологде, перезнакомился с местной ссыльной публикой, встретился со своими знакомыми еще по Екатеринославу: Е. И. Рабинович и ее мужем Я. А. Андреевым. Из других ссыльных я сейчас помню хорошо только О. А. Варенцову.

Вполне оправившись от перенесенного тифа, я двинулся из Вологды и... опять «перепутав» маршрут, уехал в Петербург,—впрочем, не прямо, а несколько кружным путем из-за нового паспорта. В Питере, куда прибыл в конце весны, я вскоре же узнал подробно, что за несколько недель до того состоялся, наконец, III (большевистский) съезд РСДРП.

И. Лалаянц

ПИСЬМА В. И. ЛЕНИНА К РОДНЫМ

(1910—1916 гг.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Письма Владимира Ильича с 1910 г. до революции сохранились у меня в меньшем количестве и не могут быть объединены вокруг какого-нибудь дела, как письма 1897—1899 или письма 1908—1909 гг.

От 1910 г., когда я много кочевала, прежде чем основалась в Саратове, осталось два письма Владимира Ильича от 13/II к М. А. Ульяновой в Москву и от 2/V ко мне, А. И. Елизаровой, в Саратов. В первом из них он говорит о «делишках», от которых «освоботился», имея в виду пленум ЦК в январе 1910 г. Там же благодарит он за посланные ему шахматы. Эти шахматы, являвшиеся у нас семейной драгоценностью, мать послала ему как дорогие по памяти: они были выточены собственноручно отцом еще в бытность его в Нижнем-Новгороде и в них играли всегда и отец и братья. Шахматы эти после ареста Владимира Ильича при начале мировой войны, а затем спешного отъезда его из Кракова остались там и пропали. В письме ко мне он выражает желание иметь «хоть изредка вести из глубины России» про то, что делается в новой деревне. Сведений об этом мало и просто побеседовать со знающим человеком было бы очень приятно». По этому поводу В. И. выражает сожаление, что алакаевский сосед» (А. А. Преображенский), которому он шлет привет, «если удастся его увидеть»¹, такой абсолютный враг переписки.

Шлет он привет и «северному манчжурцу», под которым подразумевает своего старого самарского приятеля А. П. Скляренко. В. И. называет его «манчжурцем», потому что он провел несколько лет в Манчжурии, и «северным», потому что в то время он находился в ссылке в Вологодской губ. Его жена с ребенком жила тогда в Саратове и через нее посылала я В. И. и от него обратно приветы Скляренко. Затем В. И. пишет о М. Ф. Владимирском—моем товарище по работе в первом Московском комитете РСДРП, находившемся тогда в эмиграции.

Та «сугубая склока», о которой он пишет в конце, из-за которой «из рук вон плохо идут занятия», обозначает разногласия с загр. бюро ЦК

¹ Жил Преображенский тогда в Самаре.

и с группой «Вперед»¹. Этим же неоднократно высказываемым Владимиром Ильичом желанием получить сведения и рассказы о впечатлениях от деревни и от Волги были вызваны подробные письма с такими рассказами, которые посылал ему Марк Тимофеевич Елизаров. В своем ответном письме от 3/І 1911 г. В. И. высказывает свое удовольствие по поводу двух таких писем Марка Тимофеевича и извиняется за неаккуратность ответов, вызываемую особенно «склочным» временем (продолжение тех же разногласий).

В том же письме В. И. советует сестре, Марии Ильиничне, «не рваться в отъезд», т. е. не стремиться в Москву, где после работы 1909—1910 гг. и обыски там весной 1910 г., а главное после ареста в декабре 1910 г. С. Н. Сидович и А. П. Смирнова, ей было неудобно поселиться (об этом аресте предупреждает в письме от 1/ІІ Надежда Константиновна: «в Москве заболела Танина мать»).

«Материальные условия продолжают быть неважными: издателя не нашел, а также нет ответа относительно статьи из «Современного мира»². В ответ на это сообщение о плохом положении финансов мать предлагала, очевидно, посылать ему из своей пенсии, потому что в следующем письме от 1/ІІ 1911 г. Вл. Ил. спешит успокоить ее, сообщая, что теперь нужды нет и что он просит ее не посылать ему денег и из пенсии своей не экономить. Сообщает он также, что продолжает получать то «жалованье», о котором говорил ей в Стокгольме³. Относительно книги,—по аграрному вопросу,—В. И. сообщает, что написал Горькому и надеется на благоприятный ответ⁴. Книгу эту так и не удалось устроить. По поводу нее же пишет, очевидно, Владимир Ильич о неудаче моих переговоров со Львовичем. Радостной ноткой звучит в письме от 3/І 1911 г. сообщение: «Вчера получил № 1 «Звезды» из России, а сегодня № 1 «Мысли». Вот что радует! Вот это отрадно!»

Осенью 1911 г.,—в октябре—ноябре,—мне удалось побывать за границей и я провела недели две в Париже, у Владимира Ильича. Нашла, что он живет плохо в материальном отношении, питается недостаточно и кроме того сильно юбился. Я стала убеждать его пойти со мною на следующее утро в магазин, чтобы купить необходимое ему зимнее пальто. Но он категорически отказался, и я, уже не ожидая его, была удивлена, когда услышала из-под окна моей комнаты, выходявшей во дворик, его оклик в условленный час. Оказалось, что Надя после моего

¹ См. об этом в т. XIV Сочинений В. И. Ленина: «Заметки публициста», стр. 291—338 и более непосредственно — «О параграфе 1-м резолюции о положении дел в партии», стр. 313. Там же: примечание 160. В т. XV «О положении дел в партии», стр. 60—70.

² Как известно, никакой статьи В. И. в 1911 г. в «Соврем. мире» напечатано не было, но что в этом году статья его обсуждалась редакцией журнала, это подтверждает определенно Вл. Дм. Бонч-Бруевич. Только он не может вспомнить, каково было ее заглавие и что случилось с нею.

³ Партийное.

⁴ См. письмо Горькому от 3/ІІ 1911 г., где В. И. просит поговорить с Пятницким в «Знании». Сочинения, т. XV, стр. 57—69.

ухода убедила его принять мое предложение. При покупке Владимир Ильич отказывался от всего более дорогого и только убеждения приказчика, что одно пальто является «inuisable» (неизносимым), заставило его остановиться на нем. Но тужурку, которую я считала тоже необходимой ему, он решительно отказался покупать.

Заметила я также в это посещение Владимира Ильича, что и настроение его было менее жизнерадостным, чем обычно. Как-то раз во время прогулки вдвоем, он сказал: «Удастся ли еще дожить до следующей революции?» И вид у него был тогда печальный, похожий на ту фотографию, что была снята с него в 1895 г. в охранке. Это было время тяжелой реакции, симптомы возрождения, как факты выхода «Звезды» и «Мысли», только еще намечались.

Выяснив условия посылки съестного из России за границу, я посылала ему в Париж мясное (ветчину, колбасы). По поводу домашней запеченной ветчины он выразился в одном не сохранившемся письме, что это «превосходная снедь», из чего можно было заключить о разнице между этим мясом и тем, которым ему приходилось питаться в Париже. В Австрию пересылка мясного не разрешалась, и поэтому по переезде его в Краков я посылала ему рыбное (икру, балык, сельди и т. п.) и сладкое, которое он сам, конспиративно от Нади, просил послать ей. Об этих «гостинцах» упоминают в письмах от 1912 и 1913 г. и он, и Надежда Константиновна.

Письма В. И. от мая и июня 1912 г. говорят об аресте сестры, Марьи Ильиничны, и меня. Арест этот, оставивший мою мать опять,— в третий раз в ее преклонные годы (ей было тогда уже 77 лет), совершенно одну, сильно беспокоил, как видно по письмам, Владимира Ильича.

Сестра была арестована тогда между прочим в связи с Пражской,— в январе 1912 г.—конференцией, на которой был делегат и из Саратова, и после пяти месяцев предварительного заключения пошла на три года в Вологодскую губ. Был дан приказ об аресте,—независимо от результатов обыска,—всех нас троих, живших тогда вместе: сестры, меня и мужа моего Марка Тимофеевича. Мы с мужем в нелегальной саратовской организации тогда не участвовали, но уже жизнь вместе была достаточна для ареста. Кроме того имел, конечно, значение и факт постоянных сношений всех нас с Владимиром Ильичом. Из архива департамента полиции выужено пока за рассматриваемый период три перлюстрированных письма В. И.—по одному за 1910, 1912 и 1913 годы. Письма эти были посланы на прямые адреса,—обычно на адрес матери. Из них только письмо 1913 г., имеющееся и в моей коллекции, не касалось совершенно политических вопросов. Письмо от 1 февраля 1910 г. рассказывает о попытке объединения с меньшевиками и о закрытии фракционного органа; открытка от 24/III 1912 г. могла, конечно, иметь непосредственное влияние на мой арест, так как в ней прямо повествовалось о «последней конференции» и о том, как все против нее ополчились, «так что дело буквально до драки доходило на здешних собраниях».

Марк Тимофеевич был во время производства обыска в отъезде, — разъезжал по службе страхового агента, а так как у него было большое сердце, вызвавшее осенью 1911 г. экстренную поездку в Наугейм. «а в саратовской тюрьме было тогда скверное, «каторжное» положение, то мать выехала на пароходную пристань, чтобы предупредить его, и он проехал мимо Саратова и вообще поколесил по Волге до моего освобождения, которое произошло уже через три недели. Кроме того, что я в местной организации не состояла, на жандармов произвел, очевидно, впечатление слабый вид моей матери, когда она пришла хлопотать о нас. Мать рассказывала, что ей стало тогда дурно в жандармском.

С осени 1912 г., со времени переезда в Краков, настроение Владимира Ильича сильно поднялось. Он пишет, что они живут лучше, чем в Париже, — отдыхают нервы, больше литературной работы, меньше хлопот. Отмечает, что Горький настроен теперь к ним менее недружелюбно. Запрашивает, осталась ли не распроданная его философская книга. «Мы бы могли, вероятно, найти теперь *еще* способ сбыта и договориться об этом с издателем» — и просит сообщить ему для этого адрес издателя Крумбюгеля. Пишет Владимир Ильич о предположении издавать брошюры при «Правде» и чувствует себя, видимо, уже ближе к России: зовет Марка Тимофеевича к ним на курорт, в Закопане, сообщая, что из Варшавы имеются туда прямые поезда; зовет и меня: «если поедешь к Мите (в Крым), то, надеюсь, заглянешь и к нам, тут уж почти по дороге», дает мысль, что приграничные жители могут переезжать за 30 коп. Конечно, об этом я, когда мать была исключительно на моих руках и я должна была перевезти ее в Вологду, и думать не могла. Но следует отметить также, что письмо это было перлюстрировано и что в конце доставленной нам копии из дела департамента полиции значится: — На подлинном автограф, снятый на кальку: «Крепко жму руку. Твой В. У.» — О материальных условиях В. И. пишет, что они пока сносны, но очень ненадежны. Он говорит, что связей с издателями у него, увы, никаких нет. Это в ответ на письмо матери, которая писала о желательности какой-либо переводной работы для сестры М. И. в ссылку.

Возобновляет В. И. в Поронине катанье на коньках, вспоминая при этом Симбирск и Сибирь. Вообще жизнью как в Кракове, так и в предместье его, в Поронине, доволен и пишет, что переселяться никуда не думает, — «разве война выгонит, но в нее я не очень верю». Последнее утверждение, что в войну он не верит, повторяется у него в письмах из Кракова дважды.

С осени 1913 г. я поселилась в Петербурге, была секретарем и членом редакции журнала «Просвещение», работала в «Правде», а с основания журнала «Работница» состояла, вследствие ареста других членов редакции, фактически почти единственным редактором ее. В тот год у меня была большая переписка с В. И. и химическая, по партийным делам, и главным образом по литературным, — на редакцию «Просвещение»

он писал мне,—а я на Deckadresse, без обращения и подписываясь тем же псевдонимом, на который он писал мне. Об этой переписке, которая мною не сохранялась, конечно, и от которой я имею пока лишь два перлюстрированные письма, я расскажу особо, в связи с сохранившимся в памяти о том времени и той работе, и в данное собрание писем их не включаю.

Легальные письма 1914 и 1915 гг. говорят опять усиленно о поисках работы для заработка. В данном случае в заказном письме, прошедшем, как видно по конверту, через военную цензуру, В. И. просит Марка Тимофеевича устроить издание педагогической энциклопедии,—работы, которую наметила себе и за которую собиралась засесть вплотную Н. К. Из того, что с подысканием издателя В. И. просит очень поспешить, видно, что материальные условия у них с переездом в Швейцарию были очень неважны. Он просит поговорить сначала с «прежним издателем»,—очевидно, с В. Д. Бонч-Бруевичем, с которым я действительно говорила тогда и с которым мы и теперь припомнили об этих переговорах и о том, что из них ничего не вышло. В. Д. говорит, что идея такой энциклопедии была тогда и у Веры Михайловны Бонч-Бруевич, но что провести по тем временам в жизнь ничего нельзя было. Обращались ли с этим делом мы с мужем еще к кому-нибудь, или советовались ли с кем-нибудь, я теперь уже не помню. Спрашивает Вл. Ил. о журнале «Просвещение», который мы собирались в 1914 и в 1915 году возобновить; из этих попыток, конечно, ничего не вышло. Он огорчается ростом шовинизма в разных странах, пишет, что Плеханов, которого «опять хвалят либералы, вполне заслужил это позорное наказание», и возмущается «срамным и бесстыдным» № «Современного мира»,—имея в виду статью Н. Иорданского «Да будет победа». Очевидно, в годы войны переписка была скуднее и многие письма пропадали. В единственной, «сохранившейся открытке Владимира Ильича от 1915 г. он особенно—«очень, очень и очень»—благодарит за книгу, за интереснейшее собрание педагогических изданий и за письмо». «Интереснейшим» собрание педагогических изданий было, конечно, вследствие написанного меж его строк химического письма, которые я предпочитала тогда писать в книгах и которое благополучно проскочило таким образом военную цензуру. В годы войны всякая корреспонденция в ЦК, из-за сокращения нелегальной работы, из-за отправки многих работников в ссылку, из-за большей затрудненности всяких сношений,—сильно сократилась, и Надежда Константиновна писала мне в 1915 или в 1916 году химически:—«бывало, писем по 300 в месяц получали, а теперь пишет почти что один Джемс».

Таким образом, к концу периода моей переписки с Владимиром Ильичом,—во время войны,—я услышала те же, что слышала в самом начале его, в годы сибирской ссылки, а именно, что корреспондентом нелегальным, «химическим», так сказать, была почти только одна я.

А. Елизарова

В. И. ЛЕНИН—А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

[1/II 1910 Париж] ¹

Дорогая Анюта. Последнее время было у нас очень «бурное», и кончилось попыткой мира с меньшевиками, да, да, как это ни странно, закрыли фракционный орган и пробуем сильнее двинуть объединение. Посмотрим, удастся-ли. Только недавно я освободился от очень неотложных делишек в силу этих перемен.

Париж—дыра скверная во многом... Приспособиться вполне к Парижу я до сих пор (через год после поселения здесь) не мог, но все же чувствую, что назад в Женеву меня теперь только разве особые обстоятельства загонят.

¹ Письмо печатается с копии, взятой из дел департамента полиции (№ 5, т. 1, 1910 г. л. 8) и хранящейся в Архиве революции и внешней политики. На копии имеются следующие жандармские пометки:

а) Особый отдел 12 февр. б) Париж, 1 февраля 1910 года, Владимира Ульянова, Москва, Марии Александровне Ульяновой, Девичье Поле, Божениновский пер., д. Давыдов, кв. 4, в) две сноски: к слову «Ульянова»—«Ульянов Владимир Ильин — «Ленин» и к слову «Анюта»—«Вероятно его сестра Анна Ильинична Ульянова» и г) подпись — «Зав. Заг. Ап. Пч. Москов».

В. И. ЛЕНИН—М. А. УЛЬЯНОВОЙ

[13/II 1910 г. [Париж]

Дорогая мамочка. На днях получил твое и Анютино письмо. Большое, большое тебе спасибо за них. Я теперь освободился от тех делишек ¹, которые заставили меня слишком коротко и на спех ответить Маняше (напишу ей вскоре).

Шахматы я получил давно,—забыл только упомянуть про это. Играть мне здесь приходится совсем редко—разучился, должно быть, вовсе.

Очень приятно было узнать, что квартирой и хозяйкой вы довольны и что ты поправилась и снова стала гулять. Хорошо бы было пораньше весной выбраться вам из Москвы куданибудь на Волгу или в деревню. А то весной, верно, в Москве будет не хорошо.

У нас стоит чудесная погода. Сена все еще высока, но наводнение быстро проходит; бедствия оно вызвало громадные ² (наша часть города не задета вовсе).

От Мити имел небольшое письмо с известием, что он поправляется. Сильно ругаю себя, что не собрался ему ответить. Да-да, оказывается не только в Париже на улицах с чертовским движением ездить не безопасно ³...

Видаю здесь иногда Августу Пав[ловну]¹. Ее родные в Москве — выдаются ли Вы? Она — милая очень.

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и желаю здоровья.

Твой В. У[льянов].

Наши все шлют большие приветы.

¹ Пленум ЦК 1910 г.

² Наводнение в Париже весной 1910 г.

³ Речь идет о несчастье с братом Дмитрием: вывалившись из саней, сломал себе ногу и вывихнул руку.

⁴ Августу Павловну Невзорову-Лозовскую, жившую тогда в эмиграции в Париже. Родные сестры ее, Софья Павловна Шестернина и Зинаида Павловна Кржижановская с мужьями.

3

В. И. ЛЕНИН и Н. К. КРУПСКАЯ — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

2/V [19]10 [Париж]

Дорогая Анюта. Получил вчера твое письмо с новым адресом. Merci за поздравления. У нас все обстоит постарому. Надя немного прихватывает — нервы у нее все не в порядке, но в общем и целом все здоровы. Я уже давно взялся за велосипед и нет-нет да и отправляюсь в окрестности Парижа, благо живем мы совсем близко от fortifications, т. е. от городской черты. Насчет летнего отдыха еще ничего не решили; лето здесь позднее; возможно, что опять отправимся в Vombon, где дешевый пансион и полная тишина, хотя Надя что-то не расположена опять ехать туда. Возможно, что на этот раз попытаем социал[истическую] колонию на берегу моря. Е[лизавета] В[асильевна] была там прошлый год и осталась довольна.

Алакаевскому соседу¹ передай мой большой привет, если тебе удастся его увидеть. Жаль, что он такой абсолютный враг переписки, а то приятно было бы хоть изредка иметь весть «из глубины России» про то, что делается в новой деревне. Сведений об этом мало и просто побеседовать даже с знающим человеком было бы очень приятно.

Северному манчжурцу² тоже привет. Как-то он устроится теперь и избавится-ли от «слабости» русских... не одних только писателей...

Насчет недовольства моего доктором³ (к[ото]рому ты просила хоть чем-л[ибо] помочь) ты решительно ошиблась, или, м[ожет] б[ыть] я случайно неловко чем н[и]б[удь] выразился. Ни малейшего недовольства против него у меня не было и нет. Впечатление он производит хорошее. Сблизиться сколько с ним н[и]б[удь] мне не довелось. Теперь он поселился за городом, где летом будет лучше. Бедствует он сильно; в самое последнее время, говорят, маленькое-малюсенькое вознаграждение удалось ему достать за временную работу. Встречаюсь я с ним очень редко. Бедует здесь эмиграция чертовски.

Занятия у меня идут из рук вон плохо. Авось перебыюсь время сугубой склоки¹—и тогда вернусь к работе.

Жму крепко руку. Марку большой привет. Наши все кланяются.

Твой В. У[льянов]

Дорогая Аня, твое письмо о знакомой я давным давно получила и тотчас-же ответила его на него Маняше. Письмо мое, по некоторым моим соображениям, пропало, хотя на один из вопросов, поставленных в нем, Маняша ответила, я ее просила написать, получено-ли это письмо, но она ничего не написала. Того знакомого, кот[орому] ты просила показать письмо, сейчас нет тут, а кроме того то, что я тебе писала, говорилось не ему, а другому лицу. На днях напишу подробно. Крепко целую. Привет М[арку] Т[имофеевичу]. Мама шлет приветы.

Н[адежда] К[рупская]

¹ Алексей Андреевич Преображенский.

² Алексей Павлович Скляренко.

³ Михаил Фелорович Владимирский.

⁴ «Склока»—разногласия с заграничным бюро ЦК, с группой «Вперед».

4

В. И. ЛЕНИН—М. Т. ЕЛИЗАРОВУ

Поверх текста письма Владимиром Ильичом сделана следующая приписка:

Вчера получил № 1 Звезды из России, а сегодня № 1 Мысли. Вот что радует! Надеюсь, и Вы видели. Вот это отраднo!!

3/1 [19]11 [Париж]

Дорогой М[арк] Т[имофеевич]! Большое спасибо за Ваше письмо! Здесь так оторванным себя чувствуешь, что подобные рассказы о впечатлениях и наблюдениях с «Волги» (соскучился я по Волге!)—бальзам настоящий. Преинтересны Ваши наблюдения, особенно потому, что собраны при разнообразных встречах по делам и разъездам, без предвзятых задач. Летом Ваше письмо тоже меня крайне порадовало, и я очень виноват, что не собрался ответить за переездами с моря в Париж, из Парижа в Копенгаген и в Стокгольм.

Насчет моей поездки в Италию дело теперь (и в ближайшем будущем), видимо, не выгорит. Финансы (о которых меня, кстати, спрашивала Аня) не позволяют. Издателя не нашел. Статью послал в С[овременный] М[ир], но, видимо, и там есть трудности; ответа нет несколько недель! Придется отложить до лучших времен дальние поездки. Но из Италии ведь сюда рукой подать: не может быть, чтобы Вы не заехали

в Париж, если соберетесь в Италию. И не даром, должно быть, говорят, что кто раз в Париже побывал, того потянет и другой.

А Маняше бы действительно лучше подольше отдохнуть в Саратове и не рваться в отъезд, во всех отношениях было бы лучше.

Мы живем по старому. Веселого мало. Последнее время особенно «склочное», так что я прошу меня извинить за неаккуратность переписки²: не ответил Анюте, сообщавшей о неудаче переговоров с Львовичем, не писал давно маме. Теперь все же у вас вся почти семья в сборе и Вы уже, пожалуйста, передайте мои извинения, большой привет Ане, Маняше и крепкий поцелуй маме.

Жму крепко руку

Ваш В. У[льянов]

С НОВЫМ ГО-
ДОМ!! всех с
НОВЫМ ГОДОМ!

Мама рассказывала мне в Сток[ольме] про Вашу борьбу с принци-
палом³. Раз фонды поднялись, значит—к выигрышу. Поздравляю! Изба-
витесь от неприятного!

¹ «Современный мир». О какой статье идет речь, установить не удалось.

² «Склочное» (см. примеч. 4-е к письму от 2 V 10 г.).

³ По службе у М. Т. Елизарова в страховом обществе.

5

В. И. ЛЕНИН — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

19/1 [19]11 [Париж]

Дорогая мамочка! Сейчас получил твое письмо. Надя очень благо-
дарит и шлет привет. Что до меня касается, то я тороплюсь исправить
недоразумение, которое, оказывается, невольно вызвал. Пожалуйста, не
посылай мне денег. Теперь нужды у меня нет. Я писал, что не устраи-
вается ни книга, ни статья — в одном из последних писем. Но в послед-
нем письме я уже писал, что статью, говорят, принимают. О книге я
написал Горькому и надеюсь на благоприятный ответ. Во всяком случае
теперь мое положение не хуже; теперь нужды нет. И я очень прошу
тебя, моя дорогая, ничего не посылать и из пенсии не экономить. Если
будет плохо, я напишу откровенно, но теперь этого нет. Издателя найти
нелегко, но я буду искать еще и еще, — кроме того я *продолжаю* полу-
чать то «жалованье»¹, о котором говорил тебе в Стокгольме. Поэтому
не беспокойся, пожалуйста.

Маняше Надя писала дважды, пишет сегодня третий раз. Получает
ли письма Маняша?

Очень рад, что Митя шлет хорошие вести насчет своего перевода².
Марку и Анюте большой привет от всех нас.

У нас все здоровы. Живем по старому. Вчера читал здесь реферат о Толстом, — может-быть, поеду с этим рефератом по Швейцарии в объезд.

Погода стоит здесь недурная. Сухо, холодно (квартира очень теплая у нас), гулять недурно.

Крепко тебя обнимаю, моя дорогая, и желаю здоровья

Твой В. У[льянов]

Р. S. В Москве заболела Танина мать ³.

¹ Партийное.

² В Феодосию на место санитарного врача.

³ Речь идет об аресте С. Н. Луначарской в декабре 1910 г.

6

В. И. ЛЕНИН — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

Дорогая мамочка!

На днях получили мы еще гостинец от вас — рыбу, икру, балык. Мерси большое. Едим теперь эти деликатессы, лакомимся и вспоминаем Волгу. Ну, и закормили же нас нынешний год домашними гостинцами!

Как-то Вы живете? По газетам судя, у вас холод, снег. Здесь уже весна. С неделю назад я обновил велосипед и ездил в Bois des Veriers (Маняша там была), привез оттуда распутившиеся вербы. Сегодня опять были там с Надей — есть уже вишни в цвету. Погода весенняя, только ненадежная, дождей много.

Куда Вы двинетесь летом? Елизавета Васильевна думала в Россию, но, кажется, не состоится. Думаем отправиться к знакомым в Arcachon — на юг Франции.

Все-ли здоровы? Крепко тебя обнимаю, моя дорогая. Большой привет Анюте, Маняше и Марку, а также и Мите.

Твой В. Ульянов

Надя и Елизавета Васильевна шлют большущие приветы.

7

В. И. ЛЕНИН — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

Марии Александровне Ульяновой, Гоголевская ул., дом Кунна. *Бердянский* Таврической губ. ¹ Russie Berdiansk.

Дорогая мамочка!

Шлем горячий привет с Надей тебе и всем нашим с прогулки. Приехали сюда на целый день.

Твой В. У[льянов]

¹ Открытка из Fontainebleau была послана в Бердянск, куда мы поехали с матерью на лечение тем летом, относится к июню — июлю 1911 г.

8

Н. К. КРУПСКАЯ — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

9/III [1912. Париж]

Дорогая Аня,

совсем я как-то отбилась от писем в этом году. Очень уж однообразно идет жизнь, не знаешь, что и писать. Эту зиму очень уж упорно я сидела дома за своей работешкой, месяцами не вылазила из своего квартала. Все шел дождь и нельзя было ни на велосипеде ездить, ни гулять ходить. Мало читала, ни на какие лекции не ходила. Оттого так ужасно, верно, и надоела зима. Очень рада весне, которая в этом году очень ранняя. Раза два уж закатывались с Володей на лоно природы. Правда, я после этих прогулок пошевелиться не могу от усталости, зато славно очень уж. Эту неделю вообще загуляли. Ходили в театр, пьеса была дурацкая, были французишки отчаянно, но в антрактах была чудесная музыка: Чайковского, Римского-Корсакова, Бородина. Сегодня идем Софокловскую «Электру» глядеть... Все это по случаю весны. Ну, уж и балуете вы нас в этом году посылками! Володя даже по этому случаю выучился сам в шкаф ходить и есть вне абонементы, т. е. не в положенные часы. Придет откуда-нибудь и закусывает. Теперь он пьет на ночь молоко (вместо вина) и по утрам ест яйца.

Селедки я мочила, как ты писала, очень вкусные, на семгу похоже. Думаю на днях спечь блины.

Мама понемногу прихварывает. С летом не знаю еще как будет, не то в Россию поедет, не то нет.

Она велит всем очень кланяться.

Насчет своей племянницы я уже списалась.

М. Ф.¹ выдаем очень редко, он занят очень, торопится с переводом (за этот год перевел три книги толстые), а теперь получил какие-то постоянные медицинские переводы. Коля² очень доволен своей школой, им там играют на граммофоне, рассказывают что-то, дают кресты и учат... писать палочки. Но по французски он начинает болтать.

Вот все новости. Получила-ли Маняша мое письмо? Отчего ничего давно не пишете?

Крепко обнимаю тебя и Марью Александровну и Маняшу. Хотела побольше про Володю написать, чтобы интересно было, да не вышло. Другой уж раз. М[арку] Т[имофеевичу] привет. Что-то и вы все редко пишете?

Ваша Надя

¹ Мих. Фед. Владимирский.

² Маленький сын Владимирского.

В. И. ЛЕНИН — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

[24/III 1912 Париж]

В последнее время сидел дома за переводом и мало видел, что делается в Париже. Впрочем, среди наших идет здесь грязня и поливание грязью, какой давно не было, да едва ли когда и было. Все группы, подгруппы ополчились против последней конференции и ее устроителей, так что дело буквально до драки доходило на здешних собраниях.

Словом, так мало здесь не только интересного, но и вообще хорошего, что не стоит и писать.

¹ Это письмо, как и письмо № 1, взято из того же фонда дел департамента полиции. На копии имеется следующая жандармская пометка: Париж, 24 марта 1912 года. Саратов, Угодниковская ул. 26, Анне Ильиничне Елизаровой.

В. И. ЛЕНИН — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

7/IV [19]12 [Париж]

Дорогая мамочка! Это письмо ты, наверное, получишь около 1-го апреля ст. ст. Поздравляю тебя и Маняшу с днем ангела, крепко целую и желаю всего лучшего.

Как-то у вас весна на Волге? Все-ли здоровы? Я привык теперь, по Речи, смотреть каждый день погоду в Саратове, и вижу, что у вас холодно еще.

Здесь весна, кажется, ранняя этот год. На днях ездил опять на велосипеде в лес — все плодовые деревья в садах стоят в белом цвету «как молоком облитые», аромат чудесный, прелесть что за весна! Жаль, ездил один — Надя простудилась и сидит без голоса.

Собираемся на лето уехать в Fontenay — под Парижем и обдумываем полное переселение туда на круглый год¹. Дорого в Париже — цену на квартиру подняли — да при том здоровее и спокойнее, верно, будет в предместье. На днях примусь ездить и искать.

От Маняши ждали большого письма. Нет. Посылаю ей проспект² — все, что нашел. Как здоров Марк и Аня? Какие вести от Мити? Еще раз крепко целую и всем большой привет

Твой В. У[льянов]

¹ Переселение не состоялось. Вместо окрестностей Парижа Вл. Ил. переехался в Краков.

² Какой проспект, — не установлено.

11

Н. К. КРУПСКАЯ—М. А. УЛЬЯНОВОЙ

27/V [1912 Париж]

Дорогая Марья Александровна, и вправду очень уж грустное Ваше письмо¹, просто напасть какая-то. Одно только думаю, что скоро и Маняшу и Анюту выпустят. Теперь, судя по газетам, по всей России по-вальные обыски, берут всех, кто раньше когда-либо сидел, на глаз так сказать, в предупреждение того, «как-бы чего не вышло», а потом как разберутся—недели через две—выпускают. Я уже слышала о нескольких таких нелепых арестах.

Обидно только, что всем вам пришлось так переволноваться и так тяжело, пока все это разъяснится.

Берегите себя, дорогая моя, любимая. Крепко Вас обнимаю и целую.

Ваша Надя

Мамочка шлет Вам горячий привет.

¹ Об аресте А. И. и М. И. в Саратове в мае 1912 г.

12

В. И. ЛЕНИН—М. А. УЛЬЯНОВОЙ

27/V [19]12 [Париж]

Дорогая мамочка! Вчера вечером приехал в Париж из маленькой поездки по делам и нашел твое письмо с печальной вестью об Ане и Маняше. Я уверен, что долго продержат их не смогут, слишком очевидна нелепость такого ареста. Дошло до того, что Аняте прямо говорят: ненадолго! Вероятно, в теперешние времена в провинции хватают совсем зря, «на всякий случай».

Есть-ли у тебя знакомые, моя дорогая? Навещает-ли ктонибудь? Хуже и тяжелее всего в таких случаях внезапное одиночество. Есть-ли письма и вести от Марка и Мити.

Нет-ли кого из знакомых в Петербурге? Было бы полезно написать им, если есть, о происшествии, может-быть, наведут справки. Иногда провинциальная администрация усердствует непомерно, особенно теперь, после 1-го мая.

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и желаю здоровья и бодрости.

Твой В. У[льянов]

P. S. Насчет лета мы все еще не решили. Пока не жарко.

В. И. ЛЕНИН — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

2/VI [19]12 [Париж]

Дорогая мамочка! На днях писал тебе по поводу ареста М[ани] и А[нюты]. Хочется поговорить еще. Боюсь, что ты слишком одиноко теперь себя чувствуешь. Я спрашивал в предыдущем письме, есть-ли кто из знакомых, навещающих тебя, но ответа на письмо, конечно, не могло еще быть.

Сегодня прочитал в петербургской газете о больших арестах в Саратове, в связи с жел[езно]-дор[ожными] служащими. Видимо, хватать стали особенно усердно... Не знаю, успела-ли ты получить какие-нибудь вести от Мани и Анюты? С Анютой, наверное, скоро увидишься, раз даже при аресте вынуждены были сказать, что берут, видимо, ненадолго. Но, если аресты особенно широки, то может пройти некоторое время просто на то, чтобы разобрать, рассортировать всех арестованных.

Пожалуйста, черкни мне несколько слов, моя дорогая, чтобы знать, здорова-ли ты и как себя чувствуешь,—есть ли какие новости; есть-ли знакомые у тебя в Саратове. Может-быть, при более частой переписке ты будешь чувствовать себя все же несколько менее тоскливо.

У нас все по старому. Вчера предприняли прогулку в parc de St. Cloud, но неудачно: пошел дождь. Погода стоит вообще не жаркая, и мы насчет лета все еще ничего не решаем.

Надя и Ел[изавета] Вас[ильевна] крепко целуют и желают здоровья и бодрости. Я тоже обнимаю тебя, моя дорогая.

Твой В. Ульянов

В. И. ЛЕНИН — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

[Осень 1912 г. Краков]

Дорогая Анюта! Очень рад был весточке от тебя. Однако, порядочно и очень болела у тебя рука: до сих пор почерк слаб!

Мы живем здесь лучше, чем в Париже, — отдыхают нервы, больше работы литературной, — меньше склоки. Надеюсь, легче будет и нам повидаться, — если не будет войны, в которую я верю мало.

Изредка имею вести от Горького, который теперь настроен к нам менее недружелюбно, чем прежде.

Как Марк и Митя?

Поцелуй, пожалуйста, покрепче от меня маму.

Здесь чудесная осенняя погода и мы гуляем усердно.

Материальные условия пока сносны, но очень ненадежны. В случае чего буду писать тебе.

Крепко жму руку и извиняюсь за спешку.

Твой В. У[льянов]

Р. С. Е[лизавета] В[асильевна] и Надя оч[ень] просят кланяться и целуют. Обе здоровы.

15

В. И. ЛЕНИН — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

[Конец 1912 г. Краков]

Дорогая мамочка!

Извини, пожалуйста, что запоздал ответом на предыдущее письмо и успел получить второе. Надя пишет тебе подробно о нашем житье.

От Маняши еще не имеем вестей. Перешли ей Надино и мое письма, если ей они могут быть интересны.

Беспокоиться тебе за Маню, я думаю, не следует: Вологда лучше Астрахани в климатическом отношении ¹ (там заразные болезни сильнее и опаснее); знакомые найдутся. Город все же не очень далек от Питера и Москвы. Наверное, питерские газеты на другой день приходят.

Насчет переводной работы трудно устроить: надо к издателям найти связь в Москве или Питере. Надя предлагает, я думаю, хороший план — осведомиться у Сабашн[икова] ². М[ожет] б[ыть], Анюта тоже напишет Крумбюгелю (если можно) и т[ому] п[одобное]. У меня никаких издательских связей, увы, нет.

Что это Марк все прихварывает? — нехорошо! Отдыхать надо — летом, напр[имер], в горах, — здесь есть Закопане ³ в 4-х часах, в горах — говорят чудесное место.

Переселяться мы не думаем: разве война выгонит, но я не очень верю в войну. Поживем — увидим.

Большой привет Мите и Анюте. Что же это ее палец? Пора уже вылечиться вполне!

Крепко тебя обнимаю, моя дорогая, и желаю здоровья.

Твой В. У[льянов]

¹ М. И. была сослана осенью 1912 г. в Вологодскую губернию.

² Сабашников — издатель.

³ Закопане — курорт под Краковым.

16

В. И. ЛЕНИН — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

21/XII 3/I [19]13 [Краков]

Дорогая мамочка! Получил сегодня твое и Анютино письмо. Большое merci.

Поздравляю всех вас с праздниками! Желаю веселее встретить их и быть здоровыми и бодрыми!

Сегодня получил еще открытку от Маняши с видом Вологды реки. Городишко, по открытке судя, ничего себе... Пишет, что устраивается недурно.

Если Митя у вас, ему большущий привет. Марку тоже. Надеюсь, он здоров тоже.

А Анята пишет все еще плохо! Вот беда-то с пальцем!

У нас все здоровы. Собираемся больше праздновать русские праздники, чем здешние.

Крепко обнимаю тебя и желаю всего лучшего.

Твой В. Ул[ьянов]

17

В. И. ЛЕНИН — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

Дорогая мамочка! Сегодня ¹ получили две посылки. Вот уже так кучу сластей прислали нам! Мерси большое от всех. Надя прямо сердится на меня, что я написал «по поводу рыбы» про сласти и что наделал вам такую кучу хлопот. Но я не ожидал, что все окажется в таком гигантском количестве... Пошлина здесь на рыбное невелика, а на сласти порядочная. Вот теперь мы «новый год» еще раз будем праздновать!

Как-то вы теперь вдвоем без Марка? В газетах пишут, что административным возможна амнистия. Подождем 21 февраля...

У нас чудесная зимняя погода без снега. Я купил коньки и катаюсь с большим увлечением: Симбирск вспоминаю и Сибирь. За границей никогда не катался.

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и шлю большущий привет Аняте. Е[лизавета] В[асильевна] и Надя тоже.

Твой В. Ул[ьянов]

P. S. На нашем доме переменили номер. Теперь Ulica Lubomirskiego № 49.

¹ Письмо без даты. Поверх текста письма рукой М. И. помечено: «в Вологде 23/II 13». Такая же пометка над письмом № 18. (Оба письма были пересланы Марии Ильиничне в Вологду, где она тогда находилась, поэтому конвертов не сохранилось.)

18

В. И. ЛЕНИН — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

Дорогая Анята!

Сейчас только написал маме по поводу посылок, а тут пришли твоё и мамино письмо. Хорошо, что Марк доволен путешествиями — лишь бы устроиться ему получше в Сибири. Если вы поедете к Мите ¹, то, я на-

деюсь, ты заглянешь и к нам — тут же почти по дороге, крючок небольшой. Не будь высокой пошлины на паспорт — совсем бы дешево было, но без паспортов, по «полупаскам» за 30 копеек переезжать могут только приграничные жители.

Живем мы по старому, помаленьку. Обдумываем теперь планы издания брошюр при Правде... Не знаю, удастся ли, а потребность в этом есть.

Маняша пишет изредка. Работы все еще не нашла.

Хуже всего здесь с книгами *рус.кими*! Ничего не поделаешь.

Крепко жму руку. Твой В. У[льянов]

¹ В Крым, в Феодосию, где Д. И. Ульянов был санитарным врачом.

19

В. И. ЛЕНИН и Н. К. КРУПСКАЯ — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

Дорогая Аня! Давно что-то от вас нет вестей. Здоровы-ли мама? Получили-ли мое письмо, посланное тотчас после получения «гостинцев»?

Вологодских ссыльных, видимо, *совсем* не коснулась амнистия...

Какие вести от Мити и от Марка с новых мест?

Не знаешь-ли ты адреса Крумбюгеля, издавшего мою философскую книгу? Нельзя ли бы было разыскать его (укажи как, я найду в Москве знакомого, вероятно) и узнать, осталась-ли книга нераспроданная? Мы бы могли, вероятно, найти теперь еще способ сбыта и договориться об этом с издателем.

Крепко жму руку и целую маму

Твой В. Ул[ьянов]

P. S. Наш адрес теперь Lubomirskiego № 49 (а не 47).

Дорогая Марья Александр[овна] и Аничка, крепко целую за подарки, только больно уж все роскошно, мы совсем так не привыкли как-то. Сегодня Володя позвал знакомых по случаю посылки и по случаю разных блестящих планов издательства, возникших сегодня. Размечтался превыше меры, что ни день по книжке... перерыты старые тетрадки, вытащена на свет всякая цифирь и любовно с нее отрясен прах.

Ну, крепко целую пока за себя и за маму, которая хлопочет.

А насчет горчицы это Володя по своей инициативе спрашивал... я горчицу стряпать умею.

У нас опять зима стала.

А карточки так хороши, что жаль отдавать. Особенно Володька им обрадовался.

Насчет издательства и пр. В[олодя] сам, верно, пишет.

Ваша Надя

Н. К. КРУПСКАЯ — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

18/III [1913. Краков]

Дорогая Марья Александровна, бесконечно давно нет ни от Вас, ни от Ани письма и мы очень беспокоимся, не зная в чем дело. Может, письмо пропало, а может кто из Вас хворает. Весной так легко простудиться! У нас уже трава зеленеет, одуванчики и маргаритки показались, но преотвратительный ветер. Мама ухитрилась простудиться и около недели уж скрипит все. Жаль, что ей выходить нельзя. Вот и думаем: в Саратове климат хуже, может и из Вас кто простудился. Что пишет Марк Тимофеевич? Где он теперь?

У нас жизнь идет как заведенная машина и писать нечего, собственно говоря. Живем, как в Шуше, почтой больше. До 11 часов стараемся время провести какнибудь — в 11 часов первый почтальон, потом 6-ти часов никак дожидаться не можем. Письма последнее время все какие-то невеселые приходят, ну и у нас настроение бывает соответствующее. Живем, так сказать, отраженной жизнью.

Я все-же очень рада весне, а то эта зима почему-то казалась очень длинной. Люди уж поехали нанимать летнее жилье, ну у нас очень неопределенно, еще мама раньше в Питер поедет, если силенки хватит.

Амнистия оказалась совсем мифической. Не знаю, как у Маняши, треть-то во всяком случае сбавят.

От Маняши давно что-то нет писем, не знаем, как она там.

Ну, крепко обнимаю Вас и Аню, здоровья желаю больше всего. Надеюсь Анина рука совсем уж прошла, написала бы она какнибудь. Володя сам, поди, напишет. Мама велит кланяться.

Тут через неделю, даже меньше, Пасха будет, рано как.

Крепко целую

Ваша Надя

Н. К. КРУПСКАЯ и В. И. ЛЕНИН — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

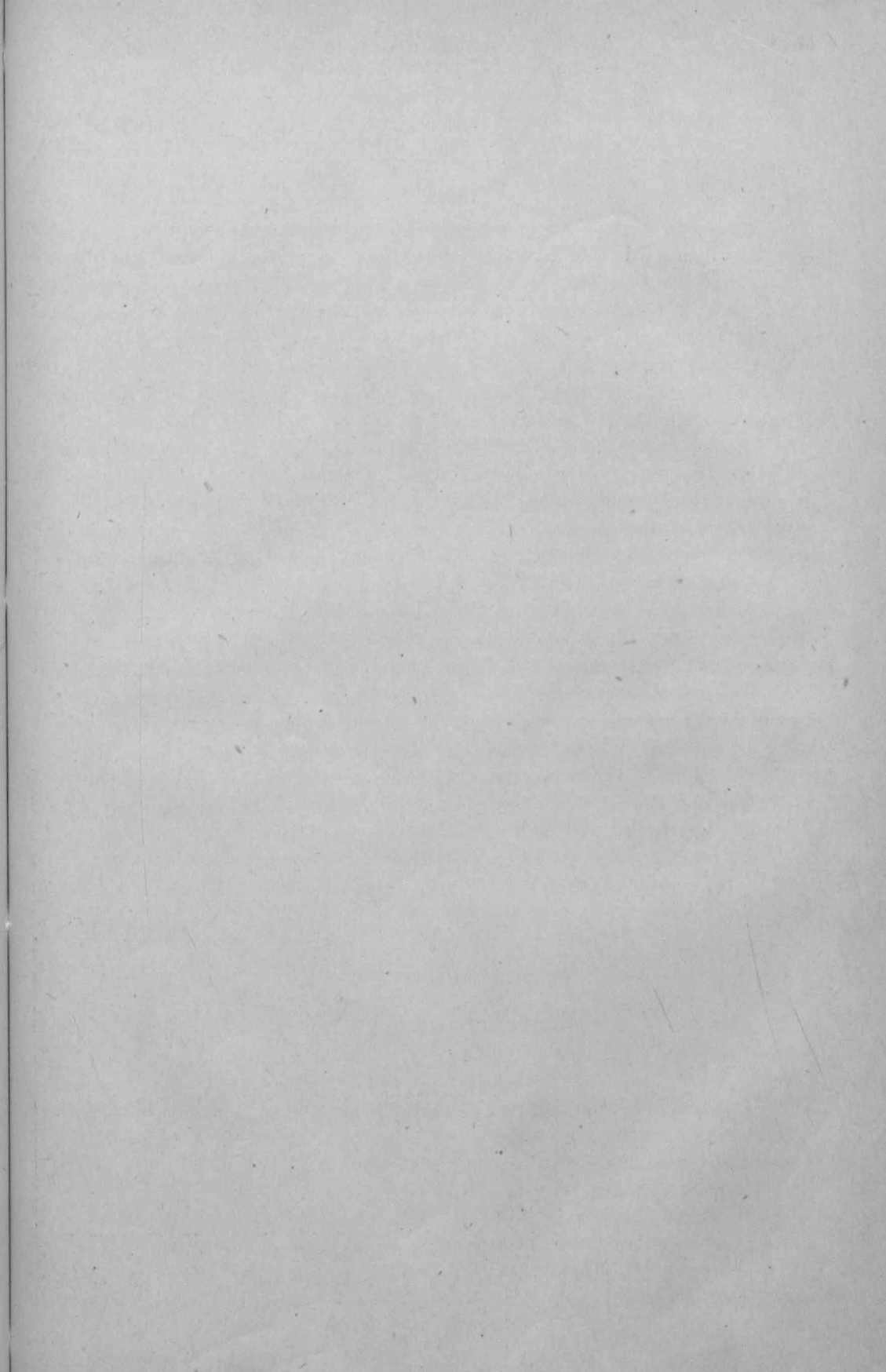
3/V [1913. Краков]

Дорогая Марья Александровна! получили мы Ваши открытки, очень рада я, что Вы хорошо отдыхаете. У нас тоже совсем лето. Сегодня мы отправили уже вещи в деревню.

Наш новый адрес:

Poronin — Galicien. Villa Terezy Skupien. Oesterreich.

Сами двигаемся через три дня. Ужасная возня была с укладкой, ведь мы на 5 месяцев выбираемся в Поронин, надо всего было закупить. Я на инвалидном положении и очень быстро устаю. Ходила я электри-

[illegible]

BERA
Carolina postate
14 · XI
SCHWEIZ SUISSE SWITZERLAND
EXPEDITION

Дсц
у

Россіе Петроградъ

[illegible]

зоваться целый месяц, шея не сделалась меньше, но глаза стали нормальнее и сердце меньше бьется. Тут в клинике нервных болезней лечение ничего не стоит, а доктора очень внимательны. И еще польза. Пока сидишь в ожидании очереди, слушаешь польскую речь и сама разговариваешь. Хочу выучиться польскому языку, наконец.

Вот летом будет свободное время—буду читать польские книжки. Летом возьмем, вероятно, прислугу часа на 4—5, так что придется меньше возиться. Мама в Россию не поехала. Отчасти из-за моей болезни, а потом не было хорошей okazji. Но главное из-за болезни. Последние дни она порядком устала от всей сутолоки.

Володя уезжал и свое рождение и праздники не был дома. Поездка очень развлекла его¹.

Не знаю еще, будет-ли купанье в Поронине, Володя страшно любит купаться, там ванны не будет уж и душой нельзя ему будет брать.

Мне уж хочется поскорее перебраться в деревню. Хотя живем мы на краю города, против окон огород и третьего дня даже соловей пел, но все-же город, ребята орут, солдаты ездят взад, вперед, телеги.

Ну, крепко обнимаю Вас и Аню и всем кланяюсь. Неужто у Ани до сих пор болит палец?!

Мама кланяется

Ваша Надя

Дорогая мамочка! Приписываю пару слов к Надиному письму. Извиняюсь, что не писал! Уезжал на пару дней, а теперь перевозка.

Мите большое спасибо за письмо. От Марка тоже имел очень большое и интересное письмо. Отвечу ему уже из Поронина.

Поронин—это станция перед «Закопане» (курорт). Из Закопане есть прямые беспересадочные вагоны 2-го класса из Варшавы, третьего из «Границы».

Крепко тебя обнимаю и шлю большой привет всем нашим.

Твой В. У[льянов]

¹ Уезжал на пару дней читать реферат.

В. И. ЛЕНИН — А. И. ЕЛИЗАРОВОЙ

14. XI. 1914. Дорогая Аня! Получил твое письмо и Марка Т. тоже, а затем и открытку от мамы. Большое, большое всем спасибо! В деньгах я сейчас не нуждаюсь. Пленение мое было совсем короткое, 12 дней всего, и очень скоро я получил особые льготы, вообще «отсидка» была совсем легонькая, условия и обращение хорошие. Теперь понемногу осмотрелся и устроился здесь. Живем в 2-х меблиров[анных] комнатах, оч[ень] хороших, обедаем в ближней столовке. Надя чувствует себя

здоровой, Е[лизавета] В[асильевна] тоже, хотя состарилась уже очень. Я кончил статью для словаря Граната (о Марксе) и посылаю ему ее на днях. Пришлось только бросить часть (большую, почти все) книг в Галиции... боюсь оч[ень] за их судьбу. Печально оч[ень] наблюдать рост шовинизма в разных странах и такие изменнические поступки, как немецких (да и не одних немецких) марксистов или якобы — марксистов... Вполне понятно, ч[то] либералы опять хвалят Плеханова: он заслужил вполне это позорное наказание. Отвечай мне поскорее, как дела с журналом¹. Есть-ли возможность возобновить и когда? Берет-ли почта ответственность за заказные рукописи? Крепко обнимаю и целую маму, желаю здоровья, всем от всех большие приветы! Твой В. Ульянов. Видели срамной и бесстыдный № Совр[е]м[енного] Мира... позор, позор!²...

¹ С «Просвещением».

² Со статьей Иорданского «Да будет победа».

23

Н. К. КРУПСКАЯ — М. А. УЛЬЯНОВОЙ

24/IX 1915.

Дорогая Марья Александровна, каждый день поджидаем писем от Вас, но ни от Вас, ни от Ани, ни от Маняши давно уж нет никаких вестей. Последнее письмо было, что вы переехали на дачу*. Теперь уж, верно, вернулись в город, по русски, ведь, 11-ое сентября... хорошо ли отдохнули за лето. Очень хочется знать, как Вы поживаете, дорогая. Вполне-ли здоровы?

У нас все по старому. Скоро перебираемся в город. На меня горы действовали очень хорошо. Базедка, можно считать, совершенно прошла. Последнюю неделю у нас стоит великолепная погода, и мы с Володей облазали все окрестные горы. Я два раза всходила на Ротхорн (2300 метров), откуда прекрасный вид на Альпы, без всякой усталости, а это и не всякому и здоровому человеку под силу. Поэтому считаю свою болезн[ь] ликвидированной и перехожу на здоровое положение.

Теперь у меня просьба к Ане. Я зимой занималась много педагогикой, а летом строчила педагогическую брошюру, почти уж кончила, через месяц будет готова окончательно, листов 6 будет. Тема: «Народная школа и демократия». Удалось подобрать довольно много интересного материалу, совершенно почти неразработанного. Так вот не наклонется-ли какой издатель. Не знаю, как теперь положение книжного рынка, найдется-ли издатель. Попробую написать Горбунову, но тема может интересовать их издательство лишь отчасти.

Сегодня получили последний номер Речи (от 31-го августа), последнее время читали ее с особенным интересом, жаль, что перестаем полу-

* Впрочем, позже еще было письмо, что Маняша гостит у вас.

чать ее, других русских газет не получаем. Вообще с русскими газетами и журналами совсем плохо. В городе они получаются в читалке, но там все нарасхват, чуть опоздаешь, и уже ничего не найдешь, да и в читалку ходить не всегда удобно. Современный Мир присылали знакомые на один день из другого города. Вообще из-за почты и общей разрухи все как-то получают газеты случайно.

Думаем через недельку перебираться в город. Если будет очень хорошая погода, пробудем немного дольше, в конце концов все равно, где жить.

Ну, кончаю. Крепко целую и обнимаю Вас и Аню

Ваша Надя

24

В. И. ЛЕНИН—М. А. УЛЬЯНОВОЙ

Марии Александровне Ульяновой, Петерб. Сторона, Широкая улица, дом № 48/9, кв. 24. Петроград. Russie Petrograde Uljanow Seidenweg 4-a III Bern, 7/X 1915.

Дорогая мамочка! Мы переехали на днях с Надей в Берн. Хотели было подольше остаться в Sörenberg'e, но там уже выпал снег, и холод стоял невозможный. Осень нынче холодная, а в Sörenberg'e климат горный. Здесь нашли хорошую комнату, с электричеством и ванной за 30 франков. Надя поправилась недурно; прошли сердцебиения; могла даже на горы ходить; лишь бы не повторилась базедка.

Как-то вы живете? Хорошо-ли устроились на зиму? Здорова-ли ты и теплая-ли квартира? Анюту благодарим очень, очень и очень за книгу, за интереснейшее собрание педагогических изданий и за письмо. Я ей писал об издателе¹, и жду ответа. Как Маняша? Если можно, перешлите ей это письмо, рад бы был и от нее иметь весточку. Мите и Марку передайте или перешлите горячий привет. За выписку «Речи» (Анюта пишет, что собирается выписать ее) буду очень благодарен. Газет, книг и брошюр русских мало, очень мало видим и очень голодаем по ним. Получила-ли Анюта мой списочек «желательного», давно ей посланный? (т. е. желательных русских книг). Крепко тебя целую и обнимаю, Анюту тоже, Надя тоже.

Твой В. Ульянов

¹ Речь идет, наверно, о Горьком и издательстве при «Летописи».

25

В. И. ЛЕНИН—М. Т. ЕЛИЗАРОВУ

Дорогой Марк Тимофеич! Из прилагаемого Вы увидите, что Надя планирует издание «Педагогического Словаря» или «Педагогической Энциклопедии».

Я усиленно поддерживаю этот план, который, по моему, заполнит оч[ень] важный пробел в русской педагог[ической] литературе, будет оч[ень] полезной работой и даст заработок, *что для нас — архи-важно.*

Спрос теперь в России, с увеличением числа и круга читателей, именно на *энциклопедии* и подобные издания, очень велик и сильно растет. Хорошо составленный «Педагог[ический] Словарь» или «Педагог[ическая] энциклопедия» будут настольной книгой и выдержат ряд изданий.

Что Надя сможет выполнить это, я уверен, ибо она много лет занималась педагогикой, писала об ней, готовилась систематически. Цюрих — исключительно удобный центр именно для такой работы. Педаг[огический] музей здесь лучший в мире.

Доходность такого предприятия несомненна. Лучше бы всего было, если-бы удалось *самим* издать сие, заняв потребный капитал или найдя капиталиста, который бы вошел пайщиком в это предприятие.

Если это невозможно и если гоняться за этим значило бы лишь тратить время, — Вам, конечно, виднее и Вы, обдумав и наведя справки, решите этот вопрос, — тогда надо предложить сей план старому издателю, который наверное возьмется. Надо только, чтобы план не украли, т. е. не перехватили. Затем надо заключить с издателем *точнейший* договор на имя редактора (т. е. Нади) обо *всех* условиях. Иначе издатель (и старый издатель тоже!!) просто возьмет себе *весь* доход, а редактора закабалит. *Это бывает.*

Очень прошу подумать об этом плане хорошенько, поразведать, поговорить, похлопотать и ответить * поподробнее.

Жму руку. Ваш В. Ульян[ов]

Р. S. Издание — 2 или 4 больших тома, в 2 столбца. Выпускать *выпусками*, по 1—2 листа. Объявить *подписку*. Тогда деньги поступят быстро.

* Если удача, ответьте телеграммой: «договор энциклопедии заключен». Тогда Надя усиленно возьмется за работу.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ВКП(б) И ЛЕНИНИЗМА

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ КОМИНТЕРНА¹

История возникновения и развития Коммунистического интернационала в очень незначительной мере привлекает внимание наших историков и *сравнительно* недостаточное место занимает в нашей партийной пропаганде. Последнее объясняется главным образом первым. Наши пропагандисты не имеют научного базиса, на который они могли бы опереться при разработке тем, связанных с историей международного коммунистического движения. Работа пропагандистов затрудняется не только почти полным отсутствием основных обобщающих научных работ по истории Коминтерна, но и невозможностью достать самые необходимые для пропаганды материалы и документы.

Изучение истории Коминтерна, как объединяющего, руководящего и организующего центра международного коммунистического движения и изучение истории отдельных, и в первую очередь основных, коммунистических партий составляет неотложную задачу русских историков-марксистов. Естественно, что только в Советском Союзе имеются необходимые предпосылки—в смысле материальной базы и квалифицированных марксистских сил—для организации этой научно-исследовательской работы. Находящиеся постоянно на нелегальном или полунелегальном положении коммунистические партии не имеют возможности заняться изучением собственной истории или, еще меньше, истории международного коммунистического движения.

Настало ли уже время для систематической и углубленной научно-исследовательской работы в области истории Коминтерна. По нашему мнению, не только настало время, но разрешение этого вопроса составляет одну из срочнейших задач марксистов, работающих по истории рабочего движения.

Никто, конечно, не станет оспаривать, что предистория и возникновение Коминтерна составляют предмет исторического изучения и марксистское освещение этих вопросов имеет сугубо важное, злободневное, остро политическое значение для современной борьбы международного рабочего класса. Если взять, например, основные моменты международного рабочего движения за время войны (крах II Интернационала, роль вопроса

¹ Статья т. Бирмана написана до совещания преподавателей ленинизма истории партии и истории Коминтерна и поэтому не учитывает материалов этого совещания. *Ред.*

об отношении к войне в дифференциации различных социалистических течений, революционизирующее влияние войны на широкие массы и т. п., и т. п.), то для каждого ясно, что углубленная проработка и марксистско-ленинское освещение этих вопросов окажет, с одной стороны, большое подспорье партработникам-коммунистам в разрешении отдельных стратегических и тактических задач в условиях современного рабочего движения; с другой стороны, оно нам даст громадное количество исторического материала и конкретных примеров для пропаганды среди широких масс и освещения перед ними сущности оппортунизма и военной опасности. Здесь достаточно вспомнить письмо Ленина к членам делегации Гаагской мирной конференции, в котором он подчеркивает значение использования исторических примеров недавно прошедшей мировой войны для разоблачения военной опасности.

Мы здесь коснулись ряда фактов, связанных с эпохой мировой войны, потому что на примере этого периода можно очень выпукло показать острую необходимость систематического изучения истории возникновения Коминтерна. Но это отнюдь не означает, что мировая война должна быть хронологическим пределом нашего предмета. Вопрос об исторических корнях Коммунистического интернационала теснейшим образом переплетается с вопросом о выступлении большевизма на международной арене. Ошибкой было бы думать, что отправной точкой изучения истории Коминтерна может служить начало мировой войны. Для изучения интересующего нас вопроса громадное значение имеет и неразрывно с ним связана история развития и внутренней борьбы во II Интернационале за два десятилетия, предшествовавшие мировой войне, и особенно за последние десять лет до войны, т. е. после Амстердамского конгресса 1904 г.

Борьба разных течений на Штутгартском международном конгрессе 1907 г. вокруг вопроса о милитаризме содержит уже развернутую картину будущих разногласий. Левое крыло уже резко выступает против центра, и в этом периоде усиленно развивается тот антагонизм, который позже, во время войны, привел к расколу международной социал-демократии. Конечно, здесь еще очень мало фигурируют те вопросы, которые впоследствии стали основным водоразделом между коммунизмом и социал-демократией и которые во всем своем объеме подняты только Октябрьской революцией. Но по целому ряду очень важных стратегических и тактических вопросов уже в эту эпоху начали дифференцироваться возникающие внутри рабочего движения различные направления. Этот процесс, который во время относительно спокойного развития II Интернационала шел вперед черепашьям шагом, с наступлением великого кризиса, выразившегося в мировой войне, получил революционизирующий толчок и принял такой темп, быстрота которого мыслима только в революционную эпоху.

Очень распространен взгляд, по которому выступление большевизма на международную арену произошло только с наступлением мировой

войны или даже с победой Октябрьской революции в России. (Последнее мнение особенно распространено за границей.) Мы считаем абсолютно схематичным взгляд, по которому начало международной деятельности большевизма можно было бы отметить какой-нибудь конкретной календарной датой. Более близкое знакомство с все еще очень мало исследованной историей II Интернационала совершенно ясно покажет, что одновременно с оформлением так называемого «левого» крыла, большевики также вели систематическую работу для осуществления и расширения своего международного влияния. Естественно, что военный кризис, ускоривший раскол международной социал-демократии, в значительной мере способствовал расширению международного влияния большевиков. Но это обстоятельство отнюдь не означает, что они до войны свою борьбу в защиту ортодоксального марксизма ограничивали рамками русского рабочего движения.

В циммервальдском объединении, явившемся соответствующим продуктом «*Sturm und Drang*» периода оформления и самоопределения различных социалистических групп и группировок, большевики нашли лишь то место, в рамках которого они могли приступить к созданию своей первой, хотя и очень аморфной, международной организации, где они смогли приступить к пропаганде своих принципов в международном масштабе и к борьбе за создание III Интернационала.

Окончательный толчок оформлению большевизма в качестве самостоятельного направления внутри международного рабочего движения могла дать только Октябрьская революция. Для того чтобы большевизм, как самостоятельное направление в международном рабочем движении, мог начать свою борьбу против социал-демократии и других политических направлений за руководство рабочим классом, необходимо было сначала поставить на обсуждение все основные вопросы, отделявшие большевизм от остальных направлений; этими вопросами были, прежде всего, вопросы пролетарской революции. Только осуществляемая в России диктатура пролетариата поставила со всей конкретностью вопросы пролетарской революции перед международным рабочим классом и осветила их со всей ясностью ¹.

Затем русская большевистская партия должна была завоевать свое место в сознании международного рабочего класса в качестве самостоятельной по своему мировоззрению и по всем вопросам пролетарской революции, партии. Только получивший после Октябрьской революции свое завершение раскол с.-д. партий во всех главных странах и развернувшаяся борьба против международной социал-демократии, включая сюда и центр (германские независимцы, французские лонгетисты, австрийские «левые», английские независимцы и т. д.) делали возможным осознание международным рабочим классом самостоятельного существования большевизма, его программы и целевой установки.

¹ Не случайно самыми распространенными книгами во всем мире были в эти годы «Государство и революция» и «Империализм» Ленина.

Из вышеизложенного мы видим, как большевизм появился на международной арене и начал свою деятельность в последнее перед войной десятилетие II Интернационала, какой громадный революционизирующий толчок получила эта деятельность во время военного кризиса и как развернулась она во всей широте и глубине непосредственно после победы Октябрьской революции. Западные коммунисты прекрасно знают, что в год, предшествующий революциям 1918 г., значительная часть рабочих Европы боролась за русскую революцию (именно социалистическую), и аннулирование Брестского мира было одним из основных лозунгов борьбы пролетариата в странах центральных держав. Еще более ярким доказательством является так называемое «советское движение», принявшее огромные размеры сейчас же после указанных революций. К моменту формального основания Коминтерна (в период первого конгресса) большевизм распространялся по Европе как поток лавы и привел пролетариат к власти вне территории бывшей России в двух странах. Блестящими образцами влияния Октябрьской революции являются такие события, как объединение германских независимцев с коммунистами, присоединение итальянской социалистической партии к Коминтерну и т. д. Для этого периода вообще характерно приближение центристов к Коминтерну.

Кто станет отрицать, что все эти факты нуждаются в научно-исторической, марксистско-ленинской проработке и что настало время серьезно заняться их изучением. Но чем ближе мы продвинемся к нашему времени, тем больше будет скептицизма у некоторых насчет того, можно ли считать уже «историческим» тот недавно прошедший период, который мы сами еще пережили, можно ли дать оценку тем событиям и действиям, участники и руководители которых в своем большинстве живут еще среди нас и активно работают. Такой подход для нас, марксистов, вообще неприемлем. Для нас история—это совокупность нашего прошлого и настоящего. Мы не можем «объективно» заниматься историей, отвлекаясь от сегодняшнего дня или, занимаясь историей, не извлекать из нее уроков для текущей политической борьбы. Будем ли мы заниматься историей Коминтерна сегодня или через несколько десятков лет, все равно наш подход будет подходом воинствующего марксиста, пропитанного насковзь проблемами своего времени. Ведь Коминтерн ежедневно занимается историческим анализом собственной деятельности, ведь все его руководство отдельными компартиями не может не связывать исторические цели пролетариата с историей борьбы последнего. В этом суть ленинской концепции стратегии и тактики рабочего движения.

Вопрос заключается лишь в том, нужно ли за эту работу взяться немедленно?

Что касается эпохи, предшествующей организационному оформлению Коминтерна, то мы уже привели достаточное количество доводов в пользу необходимости срочно заняться ее систематическим изучением. Следующий период истории Коминтерна (от Октябрьской революции до

конца 1923 г.) точно так же требует, чтобы мы *скорее* приступили к его систематическому изучению и использованию его богатого опыта. Этот период непосредственно революционной ситуации насыщен такими событиями, уроки которых имеют величайшее значение для современной классовой борьбы. Со времени существования пролетариата как класса борьба за власть никогда еще не развернулась так широко и не вовлекала таких огромных масс, как в этот период. Мировая революция впервые воплотилась в действиях международного пролетариата. Но в то время как о Великой французской революции ¹ или о Парижской коммуне написаны горы книг, послевоенная эпоха революционных боев осталась почти совершенно неизученной. Исключением, в известной степени, является история гражданской войны в России. Она все-таки привлекает внимание наших историков. Но и она не может быть должным образом освещена вне взаимной связи с событиями на Западе.

Мы считаем, что период, о котором мы говорим, является в настоящее время основным для научно-исследовательской работы по истории Коминтерна. Изучение процесса формирования коммунистического авангарда в международном рабочем движении, изучение его роли, его ошибок при поражении пролетариата, дает нам ценнейший материал для пропаганды принципов большевизма на Западе.

В первую фазу своего существования Коминтерн еще не был той централизованной, единой (и идеологически и организационно) мировой партией, за создание которой Ленин начал борьбу на втором конгрессе и отсутствие которой играло, быть может, решающую роль в ряде поражений западно-европейского пролетариата, с которыми мы сталкиваемся на протяжении всего этого периода. Организационные принципы ленинизма, выраженные в форме 21 условия, были признаны как обязательные принципы международной коммунистической партии, но для полного применения их в повседневной практике требовалась еще длительная борьба против правоцентристских традиций руководителей масс, пришедших к большевизму от старой социал-демократии ².

В задачи настоящей статьи не входит подробная трактовка вопроса о выступлении большевизма на международной арене или сжатое изложение истории Коминтерна. Эти вопросы затронуты только для того, чтобы, с одной стороны нагляднее показать, насколько важное значение имеет организация научно-исследовательской работы по изучению истории Коминтерна; с другой стороны, чтобы очертить приблизительные рамки и основные задачи этой деятельности.

Как мы видим, рамки нашей работы намечаются более или менее четко и определенно. Основным стержнем предистории Коминтерна является выступление большевиков на международной арене, первый этап которого совпадает с возникновением левого крыла II Интернацио-

¹ Буржуазная наука,—конечно, по-своему,—широко развернула ее изучение.

² Интересно, что носителями этих традиций явились главным образом участники «левого крыла» II Интернационала.

нала в последнее десятилетие перед мировой войной. Второй этап—это организационное оформление левого крыла и борьба большевиков за создание III Интернационала во время мировой войны; этот этап известен под очень неточным названием «циммервальдского движения» и заканчивается Октябрьской революцией, вызвавшей решительный поворот в международном рабочем движении¹.

Октябрьская революция уже открывает собою первый период собственной истории Коминтерна, фазу непосредственно революционной ситуации в мировом капиталистическом обществе. Эта первая фаза в свою очередь распадается на три этапа. Первый этап—от Октябрьской революции до марта 1919 года, непосредственный пролог создания Коминтерна; второй—от первого конгресса до третьего, эпоха великих классовых битв; третий этап—до временного поражения западно-европейского пролетариата, т. е. до конца 1923 г.² Эта периодизация является весьма условной и нуждается в основательном обсуждении. Вторая фаза в истории Коминтерна—период временной стабилизации капитализма и работы над большевизацией компартии—пока еще не является предметом *немедленного* систематического изучения для историков-марксистов, что отнюдь не означает, что отдельные проблемы этого периода не должны подвергаться изучению. Все же надо сначала справиться с предыдущими периодами, организовать работу по истории Коминтерна вообще; продолжение же этой работы будет значительно легче.

Организация изучения истории Коминтерна естественно падает на долю Института Ленина, который в контакте с Исполкомом Коминтерна должен поставить эти вопросы перед марксистами, занимающимися историей рабочего движения. В Москве два научных учреждения занимаются историей рабочего движения: Институт Маркса и Энгельса и Институт Ленина. Задачи этих двух учреждений следовало бы, казалось, разграничить так, чтобы Институт Маркса и Энгельса занимался изуче-

¹ Здесь мы должны подчеркнуть, что «циммервальдское движение» кончается именно Октябрьской революцией, а не формальным заявлением, сделанным бывшими циммервальдистами на первом конгрессе Коминтерна 6 марта 1919 г. Мы считаем глубочайшей ошибкой взгляд товарищей, по мнению которых «циммервальдское движение» продолжало свое существование и в 1918 г. Дело здесь не в формальных датах и заявлениях, а в том, что в этот период (между Октябрьской революцией и I конгрессом Коминтерна) в рядах европейского пролетариата произошла настоящая революция в смысле вовлечения широких слоев рабочего класса в революционную работу и создания новых самостоятельных революционно-политических организаций, которые ничего общего не имели с «циммервальдским движением». Разве можно втиснуть в рамки «циммервальдского движения» такие события, как откол спартаковцев от независимцев в Германии, движение фабрично-заводских комитетов в Англии, создание Комитета III Интернационала во Франции и т. д. и т. п. Заграничное представительство большевиков в Стокгольме в это время играло гораздо большую роль как руководящая организация международного пролетариата, чем Международная социалистическая комиссия, которая уже совершенно исчезла с горизонта. Вопросу об отношении Ленина к «Циммервальдскому объединению» в начале 1917 г. мы посвятили особую статью.

² Эта периодизация является весьма условной и нуждается в основательном обсуждении.

нием истории международного рабочего движения до 4 августа 1914 г., а Институт Ленина эпохой мировой войны и последующими периодами. Но не говоря о том, что целесообразность этого разграничения весьма сомнительна, а строгое осуществление его немыслимо, приходится, к сожалению, констатировать, что Институт Маркса и Энгельса до сих пор не приступил даже к подготовительным работам по истории II Интернационала. Мы в полной мере ценим ту деятельность, которую Институт Маркса и Энгельса развил в отношении периода, заканчивающегося смертью Энгельса, но нельзя, тем не менее, согласиться с полным почти игнорированием II Интернационала, оказывающегося, в отношении изучения его истории, между двумя стульями.

По десятилетию II Интернационала, предшествовавшему войне, мы не имеем никакого архивного материала. Даже документы, относящиеся к роли Ленина во II Интернационале, до сих пор находятся не в нашем распоряжении. А материал о возникновении и истории так называемых левых нам вовсе неизвестен.

Одной из срочнейших задач марксистского изучения истории рабочего движения является проработка вопросов, связанных с периодом между революцией 1905 г. и объявлением войны, и освещение их с точки зрения влияния русской революции 1905 г. на международное рабочее движение, возникновения левого течения во II Интернационале и углубления оппортунизма.

Значительно лучше обстоит дело с историей рабочего движения за время мировой войны. Возможно, что этот период привлекает внимание марксистских историков злободневностью своих основных проблем, но несомненно, что группа занимающихся изучением истории рабочего движения эпохи войны значительно расширяется. Основную роль здесь играет та коллективная работа, которая предпринята в рамках Института Ленина и которая представляет первый крупный шаг в этом направлении. Группа Института Ленина, работающая над эпохой войны, поставила себе задачей научно подготовленную публикацию документов этого периода и проработку истории циммервальдского движения как в международном масштабе, так и в отдельных важнейших странах. Этот период заканчивается изучением международного влияния Октябрьской революции. Как показал опыт, применение метода коллективной работы по истории рабочего движения является не только целесообразным, но и безусловно необходимым. Только коллективная проработка основных вопросов может привести в этой области к положительным результатам.

Вся работа должна вестись в двух основных направлениях одновременно. Первая линия, по которой мы должны вести нашу исследовательскую работу,—это история Коминтерна как мировой организации. Совершенно естественно, что изучение истории Коминтерна нельзя не вести одновременно с изучением истории отдельных коммунистических партий. Нельзя механически исключить историю отдельных партий из общей истории Коминтерна. Но несомненно также, что и совмещение

этих вопросов поставило бы непреодолимые трудности перед отдельными исследовательскими группами. Правда, мы не можем понять и изучить главнейшие этапы развития Коминтерна как мировой партии без изучения развития главнейших коммунистических партий, но нелепо было бы предположить, что возможно составить какую-либо верную картину определенного периода истории мировой партии из мозаически собранных историй отдельных компартий за этот же период. На протяжении одного периода мы в разных странах наблюдаем различные экономические и политические положения и самые разнообразные ступени развития отдельных компартий. И хотя эти отдельные части и являются основными факторами развития Коминтерна, но все же нельзя из механического собирания этих частей составить хотя бы приблизительно верную историю Коминтерна. Когда мы говорим об истории Коминтерна как единой мировой партии, мы имеем в виду историю идущего под единым руководством и выставляющего единые цели международного коммунистического движения, которое ведет свою борьбу в международных рамках, определяемых положением мирового хозяйства и соотношением классовых сил в международном масштабе. Второй большой круг вопросов, который, в свою очередь, делится на ряд самостоятельных задач—это изучение истории отдельных коммунистических партий. Эта работа, конечно, должна вестись параллельно с изучением истории Коммунистического интернационала, как мировой партии.

Нельзя хронологически расположить одно за другим. Некоторые товарищи придерживаются того мнения, что пока надо ограничиться изучением истории Коминтерна как мировой организации. Сторонники этого взгляда исходят из того, что эта задача важнее и легче разрешима в теперешних условиях. Но это неверно: хотя изучение истории международного коммунистического движения и истории отдельных партий составляет два крупных самостоятельных круга вопросов, подлежащих изучению в разных группах, по разным планам, но они так тесно связаны между собою, что должны протекать параллельно и одновременно и все время опираться друг на друга. В работе по изучению истории Коминтерна одним из главнейших вопросов будет вопрос о влиянии отдельных партий на международную организацию, об их взаимном влиянии друг на друга и об их роли в международном коммунистическом движении. Большое значение имеет то, что история Всесоюзной коммунистической партии, играющей в Коминтерне с самого его возникновения руководящую роль, более или менее изучена и занимает достаточное внимание историков-марксистов. История Октябрьской революции и периода военного коммунизма не только в основных чертах изучена, но результаты этого изучения составляют уже достояние широчайших партийных кругов. В противоположность этому остальные партии Коминтерна, включая сюда и основные из них, исторической оценки своим недавним боям не дали. Поэтому-то и невозможно изучение истории Коминтерна без параллельного изучения истории по крайней мере основных

коммунистических партий. (Под основными партиями мы, конечно, разумеем не крупнейшие по своей численности партии, а те из них, которые играли особенно важную роль в международном движении за данный период.) Не нуждается в особых доказательствах и то утверждение, что изучение истории отдельных партий, в свою очередь, должно опираться на изучение истории мировой партии. Основная характерная особенность Коммунистического интернационала заключается в том, что он представляет собою централизованную мировую партию, вследствие чего для истории отдельных партий немаловажное значение имеет влияние международной организации и ее активное участие в жизни этих партий, с одной стороны, и взаимное влияние самих партий друг на друга, с другой.

Те товарищи, которые предлагают пока ограничиться изучением истории Коммунистического интернационала как мировой партии, могли бы в защиту своей позиции выдвинуть тот довод, что при изучении каждого из периодов можно достаточное внимание уделять истории главнейших компартий за данный отрезок времени. Таким путем была бы создана возможность использовать опыт этих партий для современной борьбы и изучить в общей взаимной связи основные движущие силы развития международного рабочего движения. В том, что этот довод несостоятелен и не доказывает возможности откладывать изучение истории отдельных компартий, мы убедимся, если слегка коснемся истории этих партий.

Прежде всего, периодизация истории отдельных компартий далеко не укладывается в периодизацию международного рабочего движения. Что касается эпохи мировой войны, то здесь мы еще можем осуществить общее и единое изучение темы, связывая историю международного рабочего движения с историей возникновения левых течений в рабочем движении отдельных стран. (Нужно признать правильным и тот предел, который намечен группой Института Ленина для этой эпохи, — приблизительно 1918 год.) Но после окончания мировой войны мы уже видим, что в рамках того же самого единого в своем направлении и целеустремленности международного движения возникновение коммунистических партий разных стран происходит в различных условиях и в различных формах. В странах, потерпевших поражение в войне, сравнительно быстро происходит возникновение коммунистических партий в условиях революции большей частью путем быстрого откола меньшинства от социал-демократического большинства и такого сильного роста этого меньшинства, который местами привел к захвату власти. В странах, одержавших победу в мировой войне, коммунистические партии возникают путем преобразования пропитанных старыми традициями социалистических партий в коммунистические.

Кроме того, достаточно ясно, какое громадное значение имеет для современной борьбы изучение истории отдельных боев, прошедших на различных участках нашего общего фронта. Достаточно указать на такие примеры, как мартовское выступление 1921 г. в Германии; болгарское вос-

стание 1923 г., захват фабрик в Италии; венгерская и баварская советские республики; английская генеральная забастовка; антивоенная борьба французской компартии во время марокканской войны; июльское восстание в Австрии и т. д., и т. п. Все эти вопросы составляют предмет особого изучения и в рамках истории международного движения не могут получить достаточно удовлетворительного освещения. Каждая из этих тем связана с особенностями и специфическими условиями соответствующей страны и может быть изучена только в рамках истории рабочего движения данной страны, опираясь, конечно, на изучение международного коммунистического движения. Прорабатывая отдельные проблемы международного коммунистического движения, как например вопрос о вооруженном восстании, необходимо, конечно, в качестве конкретного материала использовать факты, истории отдельных партий, но полное освещение и всесторонний разбор такие события могут получить лишь при специальном изучении истории данной партии, учитывая все особенности развития рабочего движения данной страны.

Несколько слов о том, какие технические задачи стоят перед нами в двух намеченных областях работы. Говоря об этих задачах, мы имеем в виду приблизительный порядок следования отдельных работ, общий обзор того, что в этой области сделано до сих пор и как, по нашему мнению, нужно развивать и организовывать научно-исследовательскую деятельность по истории Коминтерна в дальнейшем.

В работе по изучению истории Коминтерна наша основная задача заключается в том, чтобы на фоне совершившихся после войны общественных и экономических изменений изучить политическую историю Коминтерна, уделяя главное внимание новым формам и новым стратегическим и тактическим методам рабочего движения, а особенно—анализу причин отдельных поражений и неудач. Если принять за основу эти очерченные нами главные задачи, тогда мы можем наметить приблизительно следующие отрасли работы: 1) собирание и систематизация источников; 2) научная обработка и отчасти опубликование источников; 3) собирание и систематизация фактических данных; 4) научно-марксистское освещение истории Коминтерна.

К сожалению, приходится констатировать, что в области истории Коминтерна мы еще ни одной из этих работ не провели. Источниками для истории вообще служат архивные и печатные материалы. В качестве источников по истории Коминтерна служат прежде всего архивные материалы. Невероятно, но факт, что мы до сих пор не имеем аутентичных протоколов мировых конгрессов или пленумов ИККИ особенно за период до IV конгресса. В документах по истории Коминтерна дополнительные затруднения создает многообразие языков. На конгрессах и пленумах обсуждение велось по крайней мере на четырех языках и аутентичный текст можно установить только на основании оригинальных записей. Опубликованные уже протоколы периода первых четырех конгрессов далеко нельзя признать достоверными, и было бы крайне желательно срочно

обработать этот материал и опубликовать окончательный текст. Еще более срочной задачей является опубликование тех материалов, которые освещают деятельность ИККИ в промежутки между этими конгрессами. Создание такого базиса является необходимой предпосылкой организации какой-либо научно-исследовательской работы по истории Коминтерна.

Иначе обстоит дело с историей отдельных партий. О собирании систематического архивного материала в этой области и речи быть не может. В качестве источников здесь почти исключительно служат печатные материалы. Материалы эти, особенно по первому периоду, собраны сравнительно полно, но ориентироваться в море их весьма трудно. Отсюда вытекает чрезвычайно важная и неотложная задача постановки хорошо организованной научной библиографии.

Резюмируя ближайшие задачи подготовительных к изучению истории Коминтерна работ, следует их формулировать следующим образом:

1) Создать при Институте Маркса и Энгельса группу по изучению истории левого крыла II Интернационала до войны, уделяя при этом особое внимание влиянию на Западе революции 1905 г. и деятельности большевиков в Интернационале.

2) Усилить работу группы, действующей при Институте Ленина, по истории рабочего движения эпохи мировой войны.

3) Организовать единый архив Коминтерна при Институте Ленина и приступить к публикации документов, особенно первого периода. В связи с этим переиздать протоколы первых четырех конгрессов.

4) Приступить к составлению научной библиографии по истории Коминтерна и отдельных компартий.

5) Создать при Институте Ленина группу по истории возникновения Коминтерна и параллельно несколько групп по истории основных компартий.

6) Организовать проработку отдельных важнейших проблем истории международного коммунистического движения, связанных с применением большевистских методов борьбы в секциях Коминтерна.

Только при разрешении перечисленных подготовительных задач можно, действительно, развернуть научно-исследовательскую работу в области истории международного коммунистического движения. Развернуть же эту работу надо немедленно, так как она составляет одну из важнейших задач наших историков-марксистов, разрешению которой до сих пор уделяется очень мало внимания.

Б. Бирман

МАТЕРИАЛЫ СОВЕЩАНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ЛЕНИНИЗМА, ИСТОРИИ ПАРТИИ И ИСТОРИИ КОМИНТЕРНА

(созванного Секцией истории ВКП(б), ленинизма и истории Коминтерна
О-ва историков-марксистов)

I

ЛЕНИНИЗМ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА И ПРЕДМЕТ ПРЕПОДАВАНИЯ

(Тезисы, принятые по докладу тов. К. А. Попова)

1. Содержание ленинизма как революционной теории пролетариата определяется тем совершенно бесспорным и потому не требующим доказательства определением ленинизма, которое выдвинуто было в свое время т. Сталиным: Ленинизм—это марксизм эпохи империализма и пролетарских революций. Являясь продолжением и развитием марксизма, *ленинизм представляет собой цельное мировоззрение, охватывающее всю совокупность явлений природы и человеческого общества и своим острием направленное на революционное преобразование этого общества пролетариатом, как действенной силой коммунистической революции.* Он складывается из тех же основных «составных частей», как и марксизм (см. Ленина—«Три источника и три составных части марксизма») — материалистическая диалектика и исторический материализм, марксистская политэкономия и научный коммунизм. Последняя из этих составных частей марксизма и ленинизма, целиком покоясь на первых двух и являясь их завершением, есть не что иное, как научная теория пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Говоря о ленинизме как *особой* научной дисциплине и *особом* предмете преподавания, мы и разумеем эту третью составную часть ленинизма в широком смысле этого слова—ленинизма, как *революционного мировоззрения.* Таким образом, ленинизм как особая научная дисциплина и особый предмет преподавания есть марксистское учение эпохи империализма о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, или, иначе говоря—о программе, стратегии, тактике и организации пролетариата в борьбе за его диктатуру и за осуществление ее задач, т. е. за создание коммунистического общества.

Принимая такое определение ленинизма как особой дисциплины, мы

тем самым отмечаем все попытки слева и справа то умалить значение ленинизма, сводя его к простому применению учения Маркса—Энгельса к практике революции (троцкисты), то свести его к учению, выросшему на почве революции в нашей стране и только к ней же относящемуся, то исказить основное содержание ленинизма, выдавая за это основное содержание вопрос о крестьянстве (т. Зиновьев).

II. Являясь дальнейшим развитием учения Маркса—Энгельса, ленинская теория пролетарской революции и диктатуры пролетариата не может быть изучаема вне связи с учением о них Маркса—Энгельса. Поэтому в содержание ленинизма как научной дисциплины и предмета преподавания не может не входить изучение соответствующих ему теоретических положений Маркса—Энгельса. Складываясь на базе учения Маркса и Энгельса, ленинизм в то же время вырастал в непрестанной и ожесточеннейшей борьбе с «врагами внутри рабочего движения»—правым оппортунизмом и мелкобуржуазной революционностью. Борьба с ними, и в особенности борьба с ревизионизмом в теории и оппортунизмом на практике исторического и современного II Интернационала, является неотъемлемой составной частью ленинизма. В то же время сам ленинизм при своем развитии подвергался и подвергается попыткам ревизии и извращений со стороны течений мелкобуржуазного революционаризма и правого оппортунизма в самом коммунистическом лагере. Борьба с этими извращениями и со всяким примиренчеством по отношению и к мелкобуржуазному революционаризму и к правому оппортунизму опять-таки является существеннейшей стороной ленинизма и развития его основных идей.

Наконец, ленинское учение не может быть рассматриваемо как нечто застывшее, не развивающееся далее после смерти его творца—Ленина. Ряд положений Ленина получал и будет получать свое дальнейшее развитие на основе опыта международной борьбы пролетариата и пролетарской диктатуры в СССР после Ленина. И это дальнейшее развитие ленинского учения не может не быть предметом изучения ленинизма.

III. Таким образом, ленинизм как научная дисциплина и предмет преподавания складывается из следующих основных элементов: 1) основные положения учения Маркса—Энгельса о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, об его программе, стратегии, тактике и организации; 2) борьба с извращениями этого учения в теории и практике II Интернационала; 3) ленинское учение о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, об его программе, стратегии, тактике и организации; 4) применение и развитие этого учения в ВКП(б) и Коминтерне после Ленина; 5) борьба «на два фронта» с извращениями этого учения ревизионистскими течениями в ВКП(б) и Коминтерне и примиренчеством к ним.

IV. Теоретические основы марксо-ленинского учения о пролетарской революции, о программе, стратегии, тактике и организации пролетариата в ней лежат в марксистской философии (материалистическая философия, диалектика), марксистской исторической теории (исторический

материализм) и марксистской экономической теории (марксистская политэкономия). Являясь содержанием особых, самостоятельных научных дисциплин, основные положения философского, исторического и экономического учения марксизма в то же время являются предпосылкой для изучения ленинизма как особо научной дисциплины. Поэтому сколько-нибудь научно поставленное изучение ленинизма предполагает предварительное изучение материалистической диалектики, исторического материализма и политэкономии.

V. Точно так же изучение ленинизма предполагает предварительное изучение истории классовой борьбы и революций, истории ВКП(б), истории I, II и III Интернационалов, ибо марксо-ленинское учение о пролетарской революции, программе, стратегии, тактике и организации пролетариата возникает и развивается на опыте классовой борьбы пролетариата и его партии, являясь научным обобщением этого опыта. Особенное же значение для изучения ленинизма имеет история большевизма, т. е. история ВКП(б) и Коминтерна. Без нее изучение ленинизма совершенно невозможно, ибо эта история есть в то же время история развития ленинских идей. Только на базе истории ВКП(б) и Коминтерна может быть изучаем ленинизм.

VI. Таким образом, при правильной постановке изучения ленинизма, оно может и должно ставиться как *завершение* курса основных общественных знаний, и в этом отношении основным требованием к построению учебных планов средних и высших школ, кружков и курсов, где ленинизм может быть дан в сколько-нибудь развернутом виде, должна быть постановка курса ленинизма как *дисциплины, завершающей* собой изучение общетеоретических и исторических общественных дисциплин.

Ни в какой мере не должно быть допускаемо слияние курса ленинизма ни с курсом диалектического и исторического материализма, ни с курсом истории партии. Курс ленинизма должен ставиться обязательно как особый, самостоятельный курс, что однако не отрицает ни целесообразности слияния кафедры ленинизма с кафедрой истории ВКП(б) и Коминтерна, ни возможности такого же слияния с кафедрой диалектического и исторического материализма там, где в учебный план не входят курсы истории ВКП(б) и Коминтерна.

VII. Этим самым определяется роль и место в ленинизме общетеоретических основ марксизма, с одной стороны, и материала по истории пролетарской партии, классовой борьбы и революции—с другой. Ни те, ни другие не составляют основного содержания ленинизма как особой дисциплины. Первые (основные положения материалистической диалектики, исторического материализма и политической экономии) *не изучаются* в ленинизме как особой дисциплине, а являются лишь исходными моментами для него как нечто уже данное, известное. Вторые, тоже предполагаясь уже известными, служат в ленинизме лишь материалом для аргументации и иллюстрирования его положения. Нужно, однако, ни на минуту не упускать из виду, что предварительное изучение дисциплин, на основе которых должно ставиться изучение и преподавание ленинизма как особой дисциплины.

плины, в частности предварительное изучение даже диалектического материализма, далеко не всегда обеспечивает того главного, без чего невозможно действительное изучение и понимание основных проблем пролетарской революции и диктатуры, а именно марксо-ленинского метода постановки и разрешения этих проблем. Поэтому изучение ленинизма в школах и кружках всех типов должно строиться так, чтобы на каждой его проблеме вскрывался метод, который применяется Марксом и Лениным при ее постановке и разрешении, и чтобы в результате всего курса ленинизма изучающий его мог бы действительно овладеть марксо-ленинской диалектикой в ее применении ко всякому вопросу теории и практики пролетарской революции и диктатуры.

VIII. От научно поставленного изучения ленинизма нужно отличать его *популяризацию* не только в широчайших массах пролетариата и крестьян-колхозников, но и в широких слоях рабочего и колхозного актива, т. е. низовых звеньях коммунистического просвещения. Если роль исторического материала здесь *по существу* не меняется, оставаясь служебной по отношению к популяризации основных положений ленинского учения, то сами эти исторические данные должны уже занимать значительно большее место, именно как необходимейший аргумент и иллюстрация, и именно потому, что необходимых исторических сведений у широких слоев рабочего и особенно колхозного актива недостаточно. Если, в свою очередь, и роль общетеоретических основ марксизма остается здесь по существу той же самой, то они, наоборот, предполагаются здесь мало или даже совсем неизвестными, и поэтому их популяризация, как исходных моментов для популяризации ленинского учения, должна быть *обязательной*. Нельзя, например, здесь говорить о предпосылках и условиях пролетарской революции, не популяризовав общемарксистского учения о тенденциях развития капитализма; нельзя говорить о диктатуре пролетариата, не популяризовав марксистского учения о государстве вообще, или о движущих силах революции, не популяризовав учения о классах.

IX. От роли и места исторического материала вообще в ленинизме как особой научной дисциплине надо отличать роль и место *истории развития идей ленинизма*. Исторический подход к каждому из основных положений ленинизма обязателен, ибо без него эти основные положения будут превращаться в мертвую догму, что противно духу всего марксо-ленинского учения как руководства к действию. Исторический подход к ленинизму является вместе с тем и единственно правильным, с точки зрения марксо-ленинской диалектики, методологическим подходом, если, разумеется, он не превращается в исторический прагматизм, вытравливающий из ленинизма его теоретическое содержание и превращающий его в *простую* совокупность исторических данных о ленинских идеях в конкретной обстановке различных исторических периодов. Необходимость исторического подхода к изучению ленинизма, разумеется, еще более усиливает значение предварительного изучения истории классовой борьбы, революции и пролетарской партии при научной постановке изучения ленинизма и значение

популяризации необходимейшего исторического материала при ознакомлении с ленинским учением в низовых звеньях коммунистического просвещения.

Х. Опасность такого исторического подхода к ленинизму, который превращает его в простую совокупность исторических данных о ленинских идеях в конкретной обстановке различных исторических периодов, очень серьезна. Такое превращение означало бы, по существу, отказ от понимания ленинизма как революционной *теории*. Ленин в своей работе «Детская болезнь левизны», где он дает основы своего учения о тактике пролетариата и его партии, говорит, что он руководится в этой работе целью применить в Западной Европе то, что есть общеприменимого, общезначимого, общеобязательного в истории и современной тактике большевизма. Этими своими словами, с одной стороны, и тем примером «применения» к Западу «общезначимого» в большевизме, который дан в «Детской болезни левизны», Ленин по существу предкаживает, в чем надо искать основное содержание ленинизма как научной дисциплины и предмета преподавания. Это, именно, «общеприменимое, общезначимое, общеобязательное» — во всем том, чему учил нас Ленин в различнейших конкретных условиях различных периодов истории пролетарского движения и пролетарской партии у нас и на международной арене. Уметь выделять это «общезначимое», уметь сочетать его с исторически конкретной постановкой каждой проблемы, усвоить марксо-ленинский метод применения «общезначимого», «общеобязательного» ко всякой конкретной обстановке, — вот в чем должна заключаться основная задача изучения и преподавания ленинизма. Этим исключаются всякие попытки изобразить ленинизм как специфически *русское* (азиатское — по терминологии наших врагов) явление, и всякие попытки безоговорочно переносить на все другие страны и революции то, что относится у Ленина специфически к нашей стране и революции, и наконец попытки ленинские лозунги, относящиеся к определенным конкретным историческим условиям, переносить в обстановку и условия совершенно или значительно иные.

XI. Ленинизм как особая научная дисциплина, помогающая овладеть «общезначимым», общеобязательным во всем том огромном наследии, которое нам оставил Ленин, и научиться по-ленински же применять это «общезначимое» к современности, весь проникнут действенностью. Его характернейшей чертой является заострение внимания на роли классов и партий, и — само собой — прежде всего на роли пролетариата, его партии, на роли революционной теории как орудия классовой борьбы пролетариата, на роли правильной тактики и организации пролетариата. Таким заостренным вниманием, но вниманием именно ленинским, основанным на диалектико-материалистическом понимании роли класса, партии, теории, тактики и пр., должно быть проникнуто и все преподавание ленинизма. Засушить, заакадемизировать, превратить ленинизм в какую-то схоластику не позволяет *сам* действенный характер ленинского учения, и малейшие попытки этого засушивания, этого превращения ленинизма в схоластику должны

быть беспощадно изгоняемы из преподавания и пропаганды ленинизма. Вместе с ними и с такой же беспощадностью должны быть изгоняемы как попытки подменять ленинизм механистическим пониманием революционных процессов, так и попытки превратить ленинизм в идеалистическое фразерство.

ХII. Острые ленинизма как особой научной дисциплины и предмета преподавания должно быть направлено именно к тому, чтобы в сознании каждого изучающего он превратился в руководство действием. Поэтому отнюдь не принижая теоретического содержания ленинского учения, все преподавание ленинизма должно служить пониманию задач настоящего «третьего» периода в развитии мировой революции и современного периода выкорчевывания корней капитализма, последнего решительного боя с ним в нашей стране и связанной с ними борьбы с оппортунизмом, отводя этим задачам то время и место, которое действительно необходимо для их теоретического освещения и обоснования ленинским учением. К этому должен быть направлен весь курс ленинизма. Если, как указывает тов. Сталин, в настоящее время величайших социально-экономических и классовых сдвигов в нашей стране все вопросы пролетарской политики переходной эпохи, в частности вопросы о нэпе, о борьбе с новой буржуазией, о союзе с середняком, о колхозах и т. д., должны ставиться и ставятся по-новому, то именно новая постановка этих вопросов, разработка их по-новому в свете тех перспектив непосредственного перехода к социализму, которые давались Лениным на всем протяжении его руководства партией после Октября, должна стать одной из главнейших и самых действенных задач изучения, преподавания и пропаганды ленинизма.

В этом отношении курс ленинизма, превращаясь в боевой курс, дающий основы для непосредственной практической работы, в то же время должен давать и общие основы для особого изучения таких отраслей знания, как партийное строительство, экономическая политика и советское строительство.

ХIII. Так определяется основное содержание ленинизма как особой научной дисциплины, его значение для практической работы и его место среди других дисциплин, служащих предметами занятий в средних и высших звеньях наших школ, курсов и кружков. Из этого вытекает программа курса ленинизма как особого предмета ленинизма. Весь предшествующий опыт довольно прочно установил уже основную схему этой программы, по основным своим темам совпадающую с темами лекций тов. Сталина «Об основах ленинизма».

Основные темы эти следующие:

1. Вводная. Марксизм, ревизионизм и ленинизм.
2. Общая теория пролетарской революции.
3. Учение о диктатуре пролетариата.
4. Аграрно-крестьянский вопрос.
5. Национальный и колониальный вопросы.
6. Учение о социалистическом строительстве.

7. Учение о партии.

8. Диалектический метод Маркса—Ленина.

Кроме этих восьми тем в военных вузах и комвузах, а также комвузах интернационального типа, необходимо включение в курс ленинизма темы «Война и революция» (непосредственно после темы «Общая теория пролетарской революции»), а в вузах и комвузах педагогического характера и в политехноститутах темы «Революция и культура» (непосредственно после темы «Учение о социалистическом строительстве»). Во всех остальных школах, курсах и кружках эти проблемы, не выделяясь в особые темы, должны быть обязательно включаемы в качестве особых разделов в соответствующие основные темы (а именно: «Война и революция»—в тему «Общая теория пролетарской революции»; «Культура и революция»—в тему «Учение о социалистическом строительстве»).

XIV. Каждая тема этой проверенной опытом программы по ленинизму обычно изучается в школах и кружках в тех пяти разрезах, которые намечены в п. III настоящих тезисов. При этом наиболее оправдала себя на опыте такая постановка каждой темы по этим разрезам, при которой изучение извращений марксизма в теории и практике II Интернационала и извращений ленинизма в теории и практике ревизионистских группировок в ВКП (б) и Коминтерне не выделяется в особые подтемы, а происходит так, что по каждому отдельному пункту внутри данной темы учение Маркса—Ленина противопоставляется ревизии марксизма и ленинизма. Выделить ревизионистские извращения марксизма и ленинизма в особые темы или подтемы оказывается возможным (при том времени, которое отводится курсу ленинизма в школах, курсах и кружках) лишь на высшей, научно-исследовательской стадии изучения ленинизма (например, историко-партийное отделение ИКП).

XV. Само собой разумеется, что далеко не на всех ступенях нашей системы просвещения, в частности даже просвещения партийного, возможно проведение всего приведенного выше плана программы курса ленинизма. На низших и средних ступенях не только допустимо, но и необходимо, исходя из правила «лучше меньше, да лучше», сжимать эту схему, сокращая в частности и само количество. С этой точки зрения возможно, например, как это часто и делается, соединение темы «Диктатура пролетариата» с темой «Социалистическое строительство» не только на низших и средних ступенях изучения ленинизма, но и в высших школах, при недостаточности отводимого в них для этого курса времени. На низших же ступенях допустима, например, постановка даже только *трех* тем: 1) Общая теория пролетарской революции, 2) Диктатура пролетариата и социалистическое строительство, 3) Учение о партии, при одном обязательном условии исчерпать в этих трех основных темах самые *основные* моменты остальных тем.

XVI. Что касается, наконец, методов преподавания ленинизма, то прежде всего следует признать достаточно доказанной на опыте совершенную нецелесообразность применения к этому курсу в качестве *основного*,

лекционного метода. Как правило, лекции здесь заменяются и должны заменяться кратким вступительным и, наоборот, достаточно расширенным заключительным словом руководителя кружка или учебной группы по каждой теме, что, однако, не должно исключать постановки лекций, докладов и дискуссий по вопросам, которые при прохождении курса оказались недостаточно проработанными или вызывающими среди учащихся значительные споры, и особенно—искажения марксо-ленинского учения. Независимо от ступеней изучения ленинизма (за исключением ступени научно-исследовательской с ее письменными докладами, последовательно-семинарской системой занятий), преподавание каждой темы наиболее целесообразно, как это показывает опыт, складывать из следующих элементов:

1. *Задание*, включающее в себе название темы, план ее разработки (более детальный на низших ступенях и все более схематичный по мере перехода от низших к высшим ступеням школ и кружков) и литературу с обязательным включением в нее первоисточников, особенно работ Ленина и партийных документов (с расширением количества и объема этих первоисточников опять-таки по мере перехода от низшей ступени школ и кружков к высшей).

2. *Вводное занятие*, включающее в себя вступительное к данной теме слово руководителя, разъясняющее установку задания, способ его разработки и порядок пользования указанной литературой; это «вводное занятие», безусловно необходимое на низших и средних ступенях школ, курсов и кружков, не является, однако, столь необходимым в школах и кружках высшего типа, где уже после первых, одной-двух, тем можно обходиться без вводного занятия при условии постановки не только индивидуальных, но и групповых консультаций.

3. *Самостоятельная работа «слушателей»* школ, курсов и кружков над указанным им по заданию материалом, сопровождаемая индивидуальной консультацией со стороны руководителя.

4. *Групповая консультация*, проводимая руководителем со всем кружком или учебной группой и дающая установку как для разрешения вопросов, вставших перед «слушателями» в процессе самостоятельной работы, так и окончательной подготовки темы и заключительной конференции.

5. *Конференция учебной группы или кружка*, которая открывается краткими докладами «слушателей» по данной теме (в кружках и школах высшего типа целесообразно докладчиков намечать заранее, обязывая их представлять письменные тезисы, как это и практикуется в Свердловке); протекая при активном участии в обсуждении темы членами кружка или учебной группы, она должна сопровождаться не менее активным регулирующим и направляющим прения участием руководителя и кончаться его заключительным словом, в котором руководитель обязан дать не только краткое систематическое освещение темы в целом, но и в особенности осветить вопросы, являвшиеся опорными при обсуждении темы на конферен-

ции, а тем более вопросы, по которым участниками конференции проявлено неправильное толкование, толкование, извращающее учение Маркса-Ленина и основанную на нем линию партии.

XVII. Этот уже достаточно проверенный на опыте активный метод преподавания ленинизма, отнюдь не исключая возможности применения *семинарского* метода там, где это допускается достаточным уровнем подготовки учащихся, и варьируясь в своих деталях на разных ступенях школ, курсов и кружков по мере перехода их от низших ступеней к высшим, необходимо включает в самостоятельную работу «слушателей» все более и более исследовательских элементов, переходя, наконец, на высшей стадии изучения ленинизма в таких учреждениях, как, например, ИКП (партийное отделение), в действительно научно-исследовательскую работу по ленинизму, которая еще лишь едва начата и перед которой открываются широчайшие перспективы наличием материалов, собранных и собираемых, уже опубликованных и еще ждущих своего опубликования в Институте Ленина.

II

ИСТОРИЯ ПАРТИИ КАК НАУКА

(Тезисы, принятые по докладу тов. Д. Кина)

1. В настоящий период решительного и развернутого наступления социализма по всему фронту против капиталистических элементов, в обстановке обостряющейся классовой борьбы и вовлечения новых и новых слоев в ряды партии в нашей стране, в условиях мощного революционного подъема рабочего движения во всем мире, в нынешний третий период послевоенного капитализма, в области теоретической работы партии приобретает особенно серьезное значение фронт научной истории нашей партии, руководящей партии Коминтерна. История нашей славной большевистской партии, история того, как она во главе рабочего класса пришла к великим победам, к диктатуре пролетариата и строительству социализма, приобретает в настоящий период еще более важное значение в деле революционного воспитания молодых членов партии, широких пролетарских и трудящихся масс не только СССР, но и всего мира.

С целью правильной разработки научной истории партии необходимо добиться возможно большего уточнения вопроса о задачах научной истории партии.

2. История ВКП есть история политической организации пролетариата, его авангарда, в деле руководства рабочим классом и трудящимися массами в борьбе за диктатуру пролетариата и конечную цель борьбы — коммунизм. Предметом истории партии является история развития ее программно-теоретических, тактических и организационных воззрений, внутрипартийной борьбы, организационного строительства и всей практической политической деятельности партии во всем ее многообразии. Задача истории партии путем применения метода исторического материализма —

изучить, объяснить и описать конкретный ход «действенного процесса жизни» (Маркс) партии в ее возникновении (знаменующем превращение пролетариата из класса в себе в класс для себя), развитии, в борьбе за осуществление всемирно-исторической миссии пролетариата.

3. Хотя партия и представляет собой часть рабочего класса, его передовой отряд, тем не менее история партии является самостоятельной наукой и не может быть сведена к истории рабочего движения, ни тем более к истории революционного движения и классовой борьбы в СССР. История рабочего движения рассматривает роль партии лишь как один из факторов классовой борьбы пролетариата, между тем как и по своему объему, и по материалу, и по специфическим методам, особенностям, и по значению в теоретической и практической борьбе пролетариата история партии, как высшей формы организации рабочего класса и его вождя, может и должна быть выделена в самостоятельную научную дисциплину, находящуюся в тесной связи со всей историей классовой борьбы в СССР и во всем мире. Задачи научной истории партии—изучить ее «самодвижение», установить специфические закономерности процессов внутренней жизни и общеполитической деятельности партии пролетариата и объяснить их с точки зрения исторического материализма. Специфические закономерности, устанавливаемые историей партии в отличие от закономерности развития рабочего класса в целом, определяются тем, что партия является важнейшим, решающим субъективным и «материальным» фактором классовой борьбы пролетариата. Партия представляет интересы класса в целом и руководится в своей борьбе теми целями, которые обуславливаются действительным объективным ходом исторического развития в современном обществе. Теоретическое и организационное преимущество партии в сравнении с рабочим классом в целом, ее специфические формы деятельности обуславливают наиболее высокие, сознательные и планомерные формы борьбы партии по сравнению с движением рабочего класса в целом, всегда даже при диктатуре пролетариата не свободным от известных элементов стихийности и «цеховщины».

4. Одна из существенных особенностей в подходе и методе изучения истории партии заключается в том, чтобы выяснить, на основе изучения всех исторических материалов, насколько основанные на теории марксизма—ленинизма, на научном анализе классовых отношений политические оценки и сознательно поставленные партией цели борьбы на каждом данном этапе соответствовали действительному положению и ходу классовой борьбы, как конкретизировались и реализовались стратегические и тактические планы партии в процессе их практического претворения в жизнь и осуществления конечной цели борьбы пролетариата—коммунизма.

5. Нужно подчеркнуть вместе с тем нередко наблюдающуюся тенденцию неправильного истолкования вопроса о сознательно поставленных партией целях борьбы, как чего-то произвольного, чисто субъективного. «Коммунизм для нас не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом реальное движение... Условия

этого движения вытекают из имеющихся теперь налицо в действительности посылок». «Цель и историческая миссия (пролетариата) самым ясным и неоспоримым образом предуказываются его жизненным положением» (Маркс).

Необходимо решительно отвергнуть глубоко неправильную и вредную точку зрения на историю партии как нормативную науку и на процесс исторического ее развития как телеологический процесс, точку зрения, снимающую в истории партии проблему закономерности (Юдовский). Такие взгляды являются скатом к идеализму и представляют собой серьезную опасность в связи с оживлением за последнее время идеализма под марксистским флагом (рубинщина).

6. Необходимо вместе с тем отвергнуть в корне неправильные попытки такого подхода к истории партии как естественно-исторической дисциплине, при котором смазываются своеобразие развития общества, специфические закономерности развития партии и история партии сводится к голому собиранию фактического материала и к чуждому нам «объективизму» в исследовании.

7. История партии является особой от ленинизма самостоятельной научной дисциплиной, основанной на марксистско-ленинском методе. Невверно было бы сводить историю партии к истории ее идейного развития. Предметом истории партии является не только «история развития ее тактических, организационных и программных воззрений» (Юдовский), составляющих главное содержание истории партии, но также и вся конкретная политическая деятельность партии. Задача истории партии—изучить, в борьбе с какими врагами вырос, окреп и победил большевизм, борясь за ленинскую теорию и практику против всяческих уклонов, враждебных течений и групп в своих собственных рядах и против классовых врагов пролетариата в борьбе за диктатуру пролетариата и коммунизм.

8. Разработка научной истории партии как самостоятельной исторической дисциплины стимулируется тем, что наша партия является господствующей, и потому знание истории партии как высшей формы организации рабочего класса, осуществляющего руководство трудящимися массами в строительстве социализма, в борьбе за международную революцию имеет огромное актуальное значение не только для активной борьбы самой партии, но и всего пролетариата в целом и всех трудящихся.

9. Одним из возражений против возможности разработки научной истории партии является то, что интересы актуальной политической борьбы не дают возможности «объективного» подхода к историко-партийным проблемам. Это возражение несостоятельно по существу. Политика партии пролетариата строится на твердой научной основе марксизма—ленинизма и предполагает строго-научное изучение истории партии, изучение опыта борьбы партии в прошлом для лучшей борьбы в настоящем. Вместе с тем ленинская история партии чужда буржуазному «объективизму», оторванности от современности. Проводя в исследовании точку зрения

строжайшей партийности, которая единственно обеспечивает подлинную научность исследования, история партии служит ее боевым задачам уничтожения капитализма, делу строительства социализма в нашей стране и борьбе за международную революцию.

10. Чрезвычайно важным моментом в изучении истории нашей партии является то, что она сложилась, выросла и действовала в стране, еще не пережившей буржуазно-демократической революции и являвшейся узловым пунктом противоречий мирового империализма, что она является партией эпохи империализма, пролетарских революций и строящегося социализма.

Все указанные моменты, приведшие к тому, что СССР стал очагом, а наша партия гегемоном международной пролетарской революции, обязывают к внимательному изучению «национальных» и интернациональных условий развития партии, ее влияния на международное рабочее движение.

11. История нашей партии есть история большевизма в России. Она не может быть сводима к истории РСДРП вообще. С этой точки зрения необходимо поставить изучение истории партии таким образом, чтобы на протяжении всей истории социал-демократии, с момента ее возникновения, выявить «большевистскую» струю развития революционной социал-демократии, традиции которой продолжала и углубляла наша партия, оформившаяся как особое политическое направление мысли и политическая партия с 1903 г. Объединенное сосуществование большевизма в определенный период (1906—1910/11) в «блоке» с другими группами социал-демократии несколько не меняет задачи, ибо на всем протяжении своей истории большевизм всегда представлял особую теоретическую и политическую систему взглядов, отделяя и противопоставляя себя другим течениям социал-демократии и сохраняя с момента своего выделения самостоятельную организацию. Это ни в коем случае не означает, что мы не должны уделять серьезного места общей истории социал-демократии, без чего невозможно было бы понимание ближайших условий исторического развития большевистской партии, вырастающей в борьбе против этих групп с.-д. за создание ленинской партии.

12. Поскольку борьба против уклонов и всех видов извращения ленинизма «слева» и справа, борьба на два фронта и с примиренчеством к ним за чистоту ленинизма, за проведение ленинской линии во всей теоретической и политической деятельности является одной из важнейших составных частей истории партии, постольку необходимо уделить значительное внимание изучению специфических особенностей этих уклонов и их эволюции. В особенности необходимо поставить изучение исторической эволюции троцкизма и превращение его в контрреволюционную группировку, отражение троцкизма в отдельных прослойках партии в виде всяческих «левых» загибов, а также изучение исторических корней правого оппортунизма, являющегося в нынешний период главной опасностью в партии.

13. Поскольку партия является системой партийных организаций, постольку история ВКП должна быть не только историей центральных организаций и учреждений партии, но должна быть основана и на обобщении истории местных организаций. должна быть основана на научной истории местных организаций, которая находится еще в зачаточном состоянии.

Большое значение приобретает изучение истории компартий, входящих в состав ВКП. Здесь необходимо отбросить ту точку зрения, которая приравнивает историю национальных компартий к истории местных обычных организаций и не учитывает своеобразные особенности работы партии в национальных областях и среди национальных меньшинств. Равным образом необходимо отвергнуть попытки оторвать, изолировать историю национальных компартий от истории ВКП(б). При изучении истории национальных компартий необходимо также решительно отвергнуть теории «двухкоренности» происхождения национальных компартий—от большевистских организаций и национал-социалистических партий (РУП, УСДРП, Белорусская Социалистическая Громада и др.).

14. Научная история партии немыслима без систематизации и группировки фактов политической жизни и деятельности партии под углом зрения установления не только последовательной смены, но и внутренней связи явлений в отношении закономерной смены программных, стратегических, тактических и организационных моментов в развитии партии на основных и решающих этапах истории. Необходимо в основу такой периодизации брать—в качестве принципа деления—этапы формирования большевизма как партии и ее борьбы за диктатуру пролетариата и социализм в связи с конкретным ходом революции.

В качестве введения в историю партии должен быть разработан вопрос о предшественниках с.-д. в русском революционном движении до зарождения с.-д.

Основная периодизация истории партии:

1) Зарождение с.-д. (1870—1883 гг.) от рабочих кружков до группы «Освобождение труда» и историческое preparation большевизма (1883—1894—1899—1903).

2) Образование большевистской партии и ее борьба за гегемонию в рабочем движении и руководство крестьянством в эпоху буржуазно-демократической революции (1903—1905—1907—1912—1914—1917).

3) Партия в пролетарской революции (октябрь—ноябрь 1917 г.).

4) Партия в период диктатуры пролетариата (1917—1918—1921—1923—1925—1926—XV и XVI съезды).

Такая периодизация не исключает более детальную периодизацию истории партии внутри каждого основного периода в связи с общественными сдвигами, вызывавшими изменение в тактике партии.

15. Поскольку научная история партии может быть построена только на основе разработки ленинской схемы истории партии, постольку

огромное и решающее значение имеет изучение литературного наследства Ленина, как основателя, величайшего теоретика и вождя партии и международной революции. Ленин является автором всех основных решений в истории партии, его произведения служат наиболее авторитетным обоснованием программы, стратегии, тактики и организации большевизма, наиболее точным и ясным изображением картины ее развития на основных этапах. Ленин является лучшим историком партии, давшим в основном не только схему исторического развития партии, но и полную картину и глубочайший анализ истории партии на важнейших ее этапах. Разработка ленинской схемы должна быть связана с критикой и преодолением антиленинской партийной историографии (Потресов, Мартов, Троцкий, Преображенский—вопрос об интернационализации большевизма и т. д.). Научная история партии, основанная на разработке ленинской концепции истории партии, должна быть основана на наиболее полном изучении историко-революционных и партийных архивов, официальной документации ленинского литературного наследства, большевистской и всей вообще революционной печати, критическом использовании мемуарной литературы и т. д.

16. При изучении вопроса о предшественниках революционной социал-демократии в России необходимо разработать ленинские указания в этом вопросе (вопрос о наследстве), вместе с тем решительно отвергая систематические попытки вывести большевизм из мелкобуржуазных народнических течений, попытки, сводящиеся к идеализации последних (Стеклов, Теодорович и др.).

17. Разработка научной истории партии и ее написание должно идти параллельно с собиранием и публикацией документов и материалов по истории партии, которая в ряде важнейших периодов (как, например, эпоха 1894—1900 гг., эпоха реакции и подъема и т. д.) остается мало изученной. Очень мало разработанной является также история партии в послеоктябрьский период, представляющий собой особенно актуальное значение политической деятельности партии. На эти наименее изученные участки партийной истории в первую очередь должны быть обращены научно-исследовательские силы. Собираание, изучение и тщательное использование архивных материалов и других источников является одной из серьезнейших предпосылок создания научной истории партии и должно быть поднято на соответствующую высоту.

Научная история партии должна явиться результатом коллективной работы Института Ленина, местных институтов и истпартов, историко-партийного отделения ИКП, Общества историков-марксистов и Института истории при Комакадемии. К участию в разработке научной истории партии должны быть привлечены широкие слои товарищей, занимающихся исследовательской работой и преподаванием истории партии и ленинизма.

III

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ДОКЛАДУ тов. КУНА

Заслушав доклад тов. Бела Куна о задачах изучения пропаганды истории Коминтерна, совещание отмечает, что разработка и широкая популяризация истории Коминтерна является одной из важнейших научных и политических задач международного революционного движения.

Характер разработки и пропаганды истории Коминтерна определяется целью—*поставить изучение истории на службу революции.*

В современный период кризиса капиталистической стабилизации, обострения всех внутренних и внешних противоречий капитализма, бурного роста классовой борьбы внутри капиталистических стран, роста национально-революционной борьбы в колониях и все увеличивающейся опасности империалистических войн—необходимо прежде всего изучать уроки тех классовых битв и этапов борьбы за ленинскую линию внутри Коминтерна и его секций, которые в первую голову должны быть использованы для наиболее успешного руководства развертывающимися боями.

Бои 1918—1919 годов, как периода острейшей революционной ситуации, опыт политических стачек, вооруженных восстаний и революционных движений в армии и флоте, события 1923 года в Германии, великая китайская революция, английская всеобщая стачка и забастовка горняков, опыт проведения Коминтерном тактики единого фронта, уроки тактики «класс против класса», проблема союза рабочих и крестьян, анализ всех антиленинских уклонов в Коминтерне,—вот те темы, которые необходимо в первую очередь научно разработать. Наряду с этими монографиями должен быть создан общий очерк истории Коминтерна.

Необходимо продолжать научную разработку богатейшего революционного опыта ВКП(б), а также поставить изучение революционного опыта других важнейших секций Коминтерна.

При разработке истории Коминтерна необходимо учитывать, что особенно важной задачей Коминтерна в данный момент является завоевание большинства рабочего класса и подготовка перехода его борьбы к высшим формам (массовая политическая и всеобщая стачка, вооруженное восстание), для чего необходима, наряду с руководством всеми пролетарскими боями, жесточайшая борьба с социал-фашизмом и особенно с его «левым» крылом и его пособниками—контрреволюционным брандлеризмом и контрреволюционным троцкизмом, а внутри Коминтерна—беспощадная борьба с правой опасностью, которая проявляется в недооценке революционной ситуации и хвостизме, и левыми загибами, проявляющимися в настоящий период в форме сектантских тенденций, а также с примиренчеством к уклонам, являющимся одним из опаснейших видов оппортунизма, причем главной опасностью является опасность правая.

Сделать достоянием борющегося пролетариата капиталистических стран и революционных масс колоний опыт прежних боев Коминтерна,

усилить, углубить интернациональное воспитание пролетариата и трудящихся СССР,—таковы основные задачи историков-марксистов в области изучения и популяризации истории Коминтерна.

Для выполнения этой важнейшей работы нужны достаточно многочисленные и теоретически подкованные кадры историков-коммунистов.

Совещание подчеркивает, что интересы мирового революционного движения властно требуют расширения кадра историков-марксистов в стране победившей пролетарской диктатуры, и призывает историков-марксистов нашего Союза и других стран со всей энергией взяться за разработку истории Коминтерна—руководителя мировой пролетарской революции.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК XIII

Под редакцией В. В. Адоратского, В. М. Молотова, М. А. Савельева. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Гиз. Москва — Ленинград, 1930 г., стр. 302.

Содержание сборника делится на три больших самостоятельных раздела, разнородных и по содержанию и по своему значению. *Раздел I*—материалы XI съезда РКП(б) (март 1922 года)—представляет, пожалуй, наибольший интерес в настоящий момент. Особенно интересен здесь план политического доклада Владимира Ильича к съезду. Хотя все основные моменты этого плана были подробно развиты затем в докладе на съезде (вошедшем в Собрание сочинений) и не дают поэтому каких-либо существенно новых постановок вопросов по сравнению с докладом, тем не менее опубликование этих материалов сейчас нужно всячески приветствовать. XI съезд партии собирался на исходе первого года нэпа, когда, с одной стороны, уже с достаточной ясностью вырисовались и теоретически и практически содержание и смысл этого нового этапа политики, а с другой, когда нужно было подвести итоги истекшему году—году крутого поворота, ломки всех прежних («военно-коммунистических») методов работы, подвести итоги достижениям и недостаткам этого переломного года. Для нас сейчас все эти вопросы вновь приобретают особую актуальный характер. Мы вступаем

в новый этап, существенно отличный от предыдущего. Вполне естественно выдвигается вопрос о характере этого нового этапа и в частности—вопрос о судьбе нэпа. Партийная мысль уже делает попытки (хотя и медленно, осторожно) нащупать ответ на эти вопросы. Но в то же время первые же попытки в этом направлении обнаруживают значительную теоретическую путаницу в головах некоторых товарищей, извращение самого смысла, существа нэпа. В борьбе против оппортунистов и справа и слева партия неоднократно подчеркивала двойственную природу нэпа. «Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, *рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики*». (Курсив наш.—Н. В.) «Кто не понимает этой переходной двойственной природы нэпа, тот отходит от ленинизма»,—говорил по этому поводу т. Сталин. Отсюда ясно вытекает, что страдают по меньшей мере односторонним пониманием нэпа те, кто видит его

задачу только в том, чтобы «считаться с мелким крестьянином, как мелким крестьянином, пока не будет создана крупная социалистическая промышленность, способная реорганизовать земледелие», кто пытается *противопоставить нэпу* проводимую сейчас партией политику *социалистической перестройки крестьянского хозяйства*, индустриализации, тракторостроения, комбайностроения, *организованного* товарообмена города и деревни. И только непониманием ленинского учения о нэпе можно объяснить утверждения о том, что то новое в экономической политике, которое уже имеется (1), не укладывается в рамки нэпа, что это — «конечно», «разная политика». В свете всех этих вопросов приобретают особый интерес публикуемые в настоящем сборнике высказывания Ленина о нэпе. Разъясняя неизбежность перехода к нэпу при разорении крупной промышленности, при нашей «нищете материальной и нищете культурной», — Ленин, наряду с этим, подчеркивает значение нэпа, как *перехода к социализму*, как *подготовки экономического наступления на частно-хозяйственный капитал*. Нэп как систему политики Ленин отнюдь не считает каким-то *предварительным* этапом, ориентированным на «мелкого крестьянина как мелкого крестьянина, пока не будет создана крупная социалистическая промышленность, способная реорганизовать земледелие». Наоборот, он подчеркивает: «Нам довольно (для обеспечения социализма) того, что «заняло» пролетарское государство *минус* уже уступленное нэпу (стр. 14). И в другом месте: «Итог: вполне достаточно у нас средств для победы в нэпе и политически и экономически. Вопрос *только* в культурности»

(стр. 16). Задача нэпа — по Ленину — «построить фундамент социалистической экономики», а отнюдь не одной только социалистической промышленности, которая уже затем где-то *вне* рамок нэпа будет осуществлять реорганизацию земледелия, создавая тем самым «фундамент социалистической экономики».

В свете вопросов сегодняшнего дня интересен и ряд замечаний Ленина против «сладенького комвранья», против «переадминистрирования», которое — даже у лучших коммунистов — является результатом неумения «*сочетать администрирование с политикой*». Интересно и весьма поучительно для наших дней отношение Ленина к тем ошибкам коммунистов, которые имели место при тогдашнем крутом повороте политики партии.

Не останавливаясь на других вопросах, отметим для каждого отдельного периода (с 1917 по 1922 год) лишь интересный отрывок, намечающий то основное очередное «звено цепи», за которое надо уцепиться в данный момент. В докладе эта часть была несколько сжата.

Раздел II — материалы по выработке проекта программы РКП(б) к VIII съезду РКП(б) (из архива программной комиссии 1919 г.). Эти материалы прежде всего документально подтверждают тот факт, что в основу программы нашей партии лег проект, написанный Лениным, затем подвергшийся некоторой переработке в предсъездовской программной комиссии и в программной комиссии VIII съезда. Из документов этого раздела следует отметить отрывок «Основные задачи диктатуры пролетариата в России». Основные мысли (и даже формулировки) этого отрывка вошли в программу, но там

они распределены по отдельным разделам программы, здесь же они собраны вместе и дают чрезвычайно интересную характеристику основных задач пролетарской диктатуры:

1) Довести до конца, завершить экспроприацию помещиков и буржуазии, передачу всех фабрик и заводов... и прочих средств производства и обращения в собственность Советской республики.

2) Использовать союз городских рабочих и беднейших крестьян для постепенного, но неуклонного перехода к общей обработке земли и к крупному социалистическому земледелию.

3) Закрепить и развить дальше федеративную республику Советов, как неизмеримо более высокую и прогрессивную форму демократии, чем буржуазный парламентаризм, и как единственный тип государства, соответствующий... переходному периоду от капитализма к социализму.

4) Всесторонне и всемерно использовать зажженный в России факел всемирной социалистической революции для того, чтобы... перенести революцию в более передовые и вообще во все страны.

5) Рядом постепенных, но неуклонных мер уничтожить совершенно частную торговлю, организовав правильный и планомерный продуктообмен между производительными и потребительскими коммунами единого хозяйственного целого, каким должна быть Советская республика (стр. 49—50).

Очень интересен и другой отрывок—«Вставка к политической части программы», касающаяся лишения части граждан избирательных прав. Здесь т. Ленин очень резко акцентирует мысль, развитую и в других работах (в частности—в брошюре «Пролетарская ре-

волюция и ренегат Каутский»), о возможности сохранения избирательного права для буржуазии при диктатуре пролетариата. Однако здесь мы имеем несколько особый оттенок этой мысли, которого, насколько нам известно, больше нигде у Ленина встретить нельзя. «В самом недалеком будущем,—пишет Ленин,—прекращение внешнего нашествия и довершение экспроприации экспроприаторов может, при известных условиях, создать положение, когда пролетарская государственная власть изберет другие способы подавления сопротивления эксплуататоров и введет всеобщее избирательное право без всяких ограничений» (стр. 53—54). Ни в проекте предсъездовской комиссии, ни в программе партии, ни в последующих высказываниях Ленина *этой* мысли мы больше не встречаем.

Мы знаем, что жизнь не дала нам тех «известных условий», при которых это стало бы возможным, и что даже «прекращение внешнего нашествия» отнюдь не позволило смягчить «способы подавления эксплуататоров».

И тем не менее самая эта постановка вопроса теоретически имеет большой интерес и должна будет остановить внимание товарищей, работающих над ленинским учением о государстве и диктатуре пролетариата.

Интересны материалы, относящиеся к выработке пункта программы в области национальных отношений, в частности выдвинутое т. Бухариным предложение о замене лозунга самоопределения наций лозунгом самоопределения трудящихся классов.

В проекте аграрного пункта программы обращает на себя внимание формулировка отношения партии к среднему крестьянству. И в комиссионном проекте и в окончательно принятой

программе вся эта часть значительно сокращена. В первоначальном проекте Ленин подчеркивал, что «среднее крестьянство может, по своему классовому положению, быть союзником пролетарской власти при переходе к социализму или по крайней мере нейтральным элементом. Поэтому, несмотря на неизбежные частичные неудачи и колебания среднего крестьянства, надо неуклонно стремиться к соглашению с ним, заботливо относясь ко всем его пожеланиям и идя на уступки в определении способов проведения социалистических преобразований. На одно из первых мест ставится при этом борьба с злоупотреблениями тех представителей советской власти, которые, обманно пользуясь званием коммунистов, проводят на деле не коммунистическую, а бюрократическую, начальническую политику, и беспощадное изгнание таких, при установлении более строгого контроля как при помощи проф. союзов, так и другими путями»... (стр. 77).

Насколько серьезное значение придавал т. Ленин этим вопросам (*столь злободневным и для сегодняшнего дня*),—можно судить по тому, что он намечал включение их даже в *программу партии*.

Мы не можем останавливаться на других вопросах этого раздела сборника. Будущий исследователь, работая над отдельными проблемами ленинского учения, несомненно, должен будет заняться анализом того, в каком направлении изменялись отдельные мысли (и формулировки) Ленина в процессе выработки программы партии. Так, например, безусловно, большой интерес представил бы подобный анализ по вопросу о роли профсоюзов в переходный период, о роли кооперации и др. По вопросу о кооперации *первоначальный*

набросок Ленина, признавая значение кооперативов, как переходного средства к организации населения в производственно-потребительские коммуны,—в то же время продолжал: «Использование их постольку представляет задачу однородную с использованием буржуазных специалистов, поскольку во главе кооперативного аппарата, унаследованного нами от капитализма, оказываются люди с буржуазными навыками мысли и хозяйничания»... Далее—уже сам Владимир Ильич коренным образом переделал этот пункт, совершенно исключив первоначально выраженную в нем мысль и, наоборот, подчеркнув другое—задачу дальнейшего *коммунистического* развития кооперативного аппарата, а не его отбрасывания. Показать, как увязан этот (первоначальный) оттенок мысли с общим кооперативным планом Ленина и с его последующими высказываниями о кооперации,—бесспорно интересная работа, которая должна быть проделана будущим исследователем.

Вообще в этой связи следует отметить, что у нас как-то совершенно недостаточно работают над программой нашей партии. Часто ли мы встречаем в наших статьях, научных работах, столь обильно уснащенных всякого рода подходящими и неподходящими цитатами, ссылки на программу партии? Чрезвычайно редко. Между тем, чем больше вчитываешься в этот документ, тем больше убеждаешься в его громадной теоретической (не говоря уже о политической) ценности. И особенно сейчас, когда мы снова совершаем большой и крутой поворот в переходном периоде, особенно необходимо пристальное изучение нашей программы, исходившей не из конъюнктурных условий политики данного момента, а из общей перспективы всего переходного от ка-

питализма к социализму периода в целом. И в этой связи большое значение должно сыграть изучение ленинских материалов, помещенных в рецензируемом сборнике.

Недостатком сборника является то, что *параллельно* с ленинским проектом не даны проект комиссии и окончательно утвержденный съездом текст, что значительно облегчило бы работу читателя.

Раздел III — переписка Ленина — в свою очередь разбивается на 7 совершенно самостоятельных разделов (и хронологически и по существу).

Переписка с А. А. Якубовой — очень ценна для характеристики экономизма и отношения к нему искровцев.

Письмо А. А. Якубовой Ленину (стр. 103—111) дает превосходное и очень ясное представление о всей системе взглядов экономизма: их полное пренебрежение к теории, ко «всяким Credo и Anticredo», имеющим лишь то значение, что они плодят в нашей публике «словесный разврат». Попытки выяснить свою принципиальную позицию для рабоче-мысленки Якубовой — не более, как «чесанье языка». Единственный «принцип», который с ее точки зрения необходим для революционного социал-демократа — это «быть порядочным, честным человеком, сочувствующим рабочему классу» — и все. Принципиально проводимый хвостизм, принижение уровня социал-демократической работы до уровня отсталых слоев рабочих, теория «тактики-процесса», — все это ярко выражено в письме Якубовой.

В письмах Вл. Ильича сжато, но *очень выпукло* вскрыты эти черты экономизма и с большой силой поставлен вопрос о неизбежности борьбы и невозможности объединения с оппортунизмом: без борьбы не может быть и раз-

борки, без разборки не может быть и успешного движения вперед, не может быть и *прочного единства*... Открытая, прямая борьба против бернштейнцев и против экономистов... — одно из необходимых условий *восстановления единства*... (стр. 96).

Историками партии, несомненно, будет широко использована также следующая группа писем сборника — *переписка с с.-д. группой «Борьба»*, освещающая попытку сближения «Искры» с группой Стеклова-Рязанова.

В *третьей группе писем* — из эпохи «Искры» и «Зари» следует отметить письмо к А. А. Богданову (стр. 135), относящееся к тому периоду, когда складывался тот блок между Лениным и Богдановым, который просуществовал до 1908—9 гг.

Ряд писем интересен в том отношении, что они живо рисуют ту крупнейшую *организующую* роль, которую играла «Искра» в отношении русских организаций (письма в Одессу — стр. 139, в Харьков — стр. 143, в Нижний — стр. 148 и др.).

Центральное место в переписке, помещенной в настоящем сборнике, занимают *письма периода второй эмиграции* (1908—1916 гг.). В частности письма эпохи реакции являются важным дополнением к XIV и XV томам Сочинений, необходимым для каждого изучающего эту эпоху.

Здесь прежде всего следует отметить письмо к В. Воровскому (стр. 169), где уже в *начале лета 1908 г.* Ленин по поводу разногласий с Богдановым писал, что «драка на ближайшей конференции неизбежна. Раскол весьма вероятен. Я выйду из фракции, как только линия «левого» и истинного «бойкотизма» возьмет верх». В нашем распоряжении до сих пор очень мало ма-

териалов, освещающих *первые* этапы разногласий Ленина с Богдановым и его сторонниками. Еще в письме к Горькому (I Ленинский сборник, стр. 93) в феврале 1908 г. Ленин писал о том, что раскалываться было бы *глупо*, что разногласия между ними никогда не обострялись даже до намека на раскол. Через каких-либо 3 месяца события развернулись настолько, что раскол стал «весьма вероятен». Весь этот период крайне скупо освещен в историко-партийной литературе.

Далее—ряд писем (к Плеханову, Вилонову—стр. 176—177, Шкловскому—стр. 190) чрезвычайно много дают для освещения вопроса о *партийном меньшевизме* и об отношении к нему большевиков.

Вообще весь этот раздел очень ценен для уяснения внутривнутрипартийных отношений той эпохи.

Следует отметить письмо к Плеханову в ноябре 1912 г. (стр. 209—210), где Ленин резко выступает против оппортунизма Каутского в вопросе о войне.

В письмах 1917 года подробно освещен момент о проезде русских эмигрантов через Германию. Интересна телеграмма Ленина из Цюриха от 19 марта, намечающая основы большевистской тактики в отношении Временного правительства. Однако все это не дает существенно нового сравнительно с тем, что было уже ранее опубликовано.

Следует отметить письмо В. А. Карпинскому (25 марта), где Ленин останавливается на вопросе об объединении с впередовцами. Он предостерегает от того, чтобы торопиться объединиться с впередовцами. «Никакого сближения с другими партиями»...—«Хотят впередовцы войти, по-честному войти в эту (нашу), особую, большевистскую—

Н. В.) партию?—Воп! Не хотят? На «уступки» и на «торговлю» я не пойду».

Наконец последнее письмо, написанное Лениным в августе—сентябре 1917 г. из Гельсингфорса в Стокгольм (Загр. бюро ЦК), представляет большой интерес, так как уже в этот период ставит вопрос *совершенно практически* о созыве *немедленно, сейчас* международной конференции левых для основания III Интернационала.

Мы остановились, разумеется, лишь на незначительной доле того нового и ценного, что дает рецензируемый сборник.

Однако, этим ограничиться нельзя. Ознакомление с содержанием настоящего сборника наводит на ряд вопросов. Прежде всего—о плане опубликования ленинского наследства. Было бы вполне своевременно, чтобы Институт Ленина познакомил широкий круг партийного и научного актива с планом дальнейших публикаций ленинского материала, ибо настоящий сборник оставляет читателя в большом недоумении: чем руководствовались составители его при подборе материала? Уловить здесь какую-либо планомерность, какой-либо принцип читателю очень трудно. Было бы целесообразно давая материалы, относящиеся к XI съезду партии, одновременно опубликовать ряд других документов, относящихся к 1921—1923 годам, освещающих те же темы, с тем, чтобы дать по этому вопросу нечто более или менее цельное, и чтобы этот материал не оказался рассеянным небольшими кусочками в ряде сборников.

При опубликовании программных материалов едва ли правильно было ограничиться только ленинским архивом, не приводя тут же всего остального, что заслуживает опубликования, с тем, что-

бы весь этот материал сосредоточить в одном сборнике и не возвращаться к нему впредь по частям.

Наибольшие сомнения вызывает III раздел сборника—переписка. Исчерпывается ли переписка с Якубовой опубликованными письмами и исчерпывается ли перепиской с Якубовой все, что Институт Ленина предполагает опубликовать по вопросу об экономизме? То же самое относится и к переписке с группой «Борьба». Судя по заголовкам редакции сборника («Из переписки»), можно предположить, что не исчерпывается. В таком случае, чем руководствовалась редакция, разбивая ее на части (что, конечно, затрудняет читателя)?

Далее, непонятно почему к эпохе «Искры» и «Зари» отнесены последние 5 писем, написанные после II съезда РСДРП. Это, очевидно, редакционный недосмотр. Мы отмечали выше интересное письмо Вл. Ильича Богданову (стр. 135—136). Из примечания на стр. 136 видно, что кроме этого письма была еще «дальнейшая переписка». Почему-то однако редакция ограничилась приведением одного этого письма. Такое же

сомнение вследствие неполноты оставляет и переписка эпохи второй эмиграции. Или это все, что до сего времени удалось получить Институту Ленина? Во всяком случае, письма Карпинскому и Равич (стр. 248—250) являются частью переписки, опубликованной в XI Ленинском сборнике. Выделение их оттуда может быть объяснено только тем, что их не было в распоряжении Института Ленина в момент выпуска XI Сборника. Но в таком случае это следовало оговорить, во избежание совершенно законных нареканий. Повторяем, было бы весьма своевременно, чтобы Институт Ленина опубликовал план своих изданий (в частности—Ленинских сборников), разъяснив тем самым те недоумения, которые естественно должны возникать у каждого при выходе изданий, подобных XIII Ленинскому сборнику.

В заключение следует отметить необычную для изданий Института Ленина техническую небрежность настоящего Сборника. Мы отметили корректурные опечатки на стр. 216, 225, 230, 232, 236, 237, 273.

Н. Войтинский

В. И. ЛЕНИН. НОВЫЕ СТАТЬИ И ПИСЬМА

Вып. 1-й. Гиз, 1930 г., стр. 111, тираж 10 000, ц. 50 к.

Настоящее издание Института Ленина в отличие от Ленинских сборников печатает ленинские документы, уже опубликованные ранее в органах периодической печати («Правда», «Большевик», «Пролетарская революция»), но не вошедшие в соответствующие тома второго и третьего издания Сочинений Ленина. Переиздание отдельной брошюры этих «новых» (в условном смысле слова) статей и писем надо признать целесообразным, так как подобное изда-

ние делает доступным широкому кругу читателей имеющие значительный интерес ленинские документы. Ценность брошюры повышается тем, что публикуемый в ней материал дает ответ на ряд актуальных проблем, стоящих перед партией и Коминтерном. Так, в брошюре имеются ленинские документы по вопросам империализма и империалистических войн, по вопросу о характере русской революции, об исторических корнях оппортунистических

ошибок Бухарина. Наконец, как положительный момент надо отметить известную однородность подобранного материала, отсутствие пестроты, внутреннюю связанность охватываемых сборником проблем и хронологическую близость времени написания Лениным большинства документов, относящихся в основном к одной эпохе, к эпохе империалистической войны. В этом отношении данный сборник стоит выше большинства Ленинских сборников, отличающихся обычно пестротой и разнородностью материалов. В отношении же тщательности подготовки к печати ленинских документов эта брошюра стоит ниже большинства изданий Института Ленина. Она носит следы спешности и неряшливости. Но о технической стороне дела подробнее в конце, а теперь перейдем к содержанию сборника.

Трактовке вопросов нарастающего глубокого кризиса капитализма и надвигающейся полосы революционных боев посвящены, главным образом, три ленинских документа: «1 мая и война», «О рождающемся направлении империалистического экономизма» и «Ответ П. Киевскому». Конспект реферата «1 мая и война» намечает основные итоги первого года войны под углом зрения надвигающегося революционного кризиса. Весь документ заострен против социал-пацифизма Каутского. В разделе «Крах мечтаний пацифизма» Ленин пишет: «31. Капитализм без империализма? (Назад смотреть?). 32. Теоретически (абстрактно) возможно и без колоний etc. 33. Как и с 4-часовым рабочим днем...» и расшифровывает это место в особом добавлении к пункту 33-му: «Капитализм может развиваться без империализма, без войн, без колоний, при полной свободе торговли. Да? Капитализм может давать десятки

миллиардов не на войну, а на помощь науперам и рабочим, увековечивая этим господство класса капиталистов! Теоретически одинаковые положения. «Принудительное давление рабочего класса и гуманитарные меры «буржуа». В том-то и суть, что к таким вещам не может принудить давление вообще, нужно *давление* с силой настоящей революции. А революция и контрреволюция обостряют борьбу до более существенного.

Все сводится к борьбе за реформы. Сия борьба законна и нужна в определенных границах» (стр. 14).

Ленин дает здесь критику Каутского с его попытками «очистить» капитализм от таких «зол» как «империализм», «колонии», «империалистические войны» путем «принудительного давления рабочего класса», сводящегося к «контролю» за внешней политикой империалистических хищников и требованию от них «гуманитарных мер», «демократии», «реформ» и т. п. Каутский пытается заставить пролетариат «смотреть назад», поставить себе целью «повернуть вспять» развитие капитализма к его мирной монополистической стадии, вместо того чтобы «смотреть вперед», стремиться к социалистической революции. Каутский пытается «отписаться» от революции путем разговоров об абстрактной возможности капитализма без войн, без колоний и т. п. Ленин вскрывает объективную сущность этих рассуждений о «возможностях». В пп. 25—27 он намечает критику положения о том, что «война является «нарушением «мирного» капитализма», подчеркивая неизбежность империалистических войн, их глубокую связь с самыми основами капитализма. «Война—ужасная вещь? Да. Но она ужасно *прибыльная* вещь»,— пишет Ленин, подчеркивая значение вой-

ны как одного из проявлений «нормального» капиталистического процесса получения прибавочной стоимости и прибыли.

Вывод Ленина: нужна борьба против войн путем *революционных* действий, против *основ* капитализма. Значит ли это, что борьба за реформы исключена для эпохи империализма? Нет, борьба за реформы не исключена, но надо помнить о пределах ее, она лишь «частный случай» в подготовке революционного свержения господства капитала.

Этого последнего положения не понимали тогдашние «ультра-левые», Бухарин, Пятаков и др., против которых направлены статьи: «Ответ П. Киевскому» и «О рождающемся направлении «империалистического экономизма». Ленин подчеркивает, что хотя и верно то, что «свергнуть капитализм и империализм нельзя никакими самыми «идеальными» демократическими преобразованиями» (стр. 87), но это вовсе не значит, что в эпоху империализма надо отказаться от демократических требований, ибо бороться за демократию можно не так, как Каутский, не для поддержки буржуазии, а *против* буржуазии.

«Марксистское решение вопроса о демократии состоит в использовании ведущим свою классовую борьбу пролетариатом всех демократических учреждений и стремлений против буржуазии в целях подготовки победы пролетариата против буржуазии, свержения ее» (стр. 88).

Демократические требования нужны пролетариату как средство подтягивания *демократических резервов*, они необходимы для «демократической организации войска и «тыла» в гражданской войне против буржуазии. «Левые», которые отказываются от выставления де-

мократических требований в эпоху империализма и от использования демократических учреждений во имя «борьбы с оппортунизмом», прикрывают революционными фразами то, что на деле является «полной сдачей перед оппортунизмом». «Ультра-левых» сторонников Бухарина Ленин сравнивает с экономистами. «Как «экономисты», — пишет он, — борьбу с народниками превращали в апологию капитализма, так автор борьбу с каутскианством превращает в апологию империализма.

Ошибка каутскианства в том, что оно реформистски ставит такие требования и в такой момент, которые нельзя ставить иначе, как революционно (а автор сбивается на то, будто ошибка каутскианства есть вообще выставление этих требований, как «экономисты» борьбу с народничеством «понимали» в том смысле, что «долгой самодержавие» есть народничество).

Ошибка каутскианства в том, что оно правильные демократические требования оборачивает назад, к мирному капитализму, а не вперед, к социальной революции (а автор сбивается на то, что эти требования неправильны)» (стр. 80).

Таким образом Ленин в этом вопросе ведет борьбу на два фронта: и против Каутского и против Бухарина. Разногласия Бухарина с линией ЦК привели его и его группу на грань оформления в особую фракцию. Письма Ленина к Шляпникову, напечатанные в рецензируемом сборнике, проливают свет на ход борьбы между группой Бухарина и редакцией ЦО во главе с Лениным. Они дают несравненно больше по этому вопросу, чем все то, что было опубликовано до сих пор. Особенно существенным в этой переписке является то, что вскрывается связь между бухаринской оппозицией и группой «левых цим-

мервальдистов», не изживших еще пережитков социал-демократической идеологии. Характерной фигурой для лучшей части этой группы «левых» был К. Радек. О нем Ленин пишет:

«Радек из них лучший; работать вместе с ним было полезно (между прочим и для Циммервальдской левой), и мы работали. Но Радек тоже колеблется. И наша тактика здесь *двусторонняя* (этого Юрий + Ник. Ив. Бухарин *никак* не хотели или не умели понять): с одной стороны, помочь Радеку двинуться влево, объединить всех, кого можно, для Циммервальдской левой. С другой, *ни на йоту* не допускать колебаний в основном» (стр. 65).

Замечательно здесь отношение Ленина к тем колеблющимся элементам, которые шли от социалдемократизма к ленинизму. «Помочь таким элементам двинуться влево, *ни на йоту* не допуская колебаний в основном». Бухарин не только колебался (в сторону позиций Радека) в основном, но и усиливал колебания «Циммервальдских левых», задерживая их развитие к подлинно революционному марксизму-ленинизму. Поэтому Бухарин, о котором Ленин пишет, что он «в политике дьявольски *неустойчив*» (стр. 66), объективно играл на руку каутскианцам, мешал процессу обособления западных «левых» от центристской оппозиции официальному руководству с.-д. партией. В этом отношении роль прямого агента каутскианцев, дезорганизующего ряды борцов за III Интернационал, играл в годы войны Троцкий. Он пытался в Циммервальде противопоставить большевикам и «Циммервальдской левой» идею создания «революционного центра», куда рассчитывал привлечь кое-кого из «левых» примыкавших к «Циммервальдской левой», в частности Роланд-Гольст. Вот

что пишет об этом Ленин в напечатанном в рецензируемом сборнике письме Суварину: «В Циммервальде Троцкий не хотел присоединиться к «Циммервальдской левой». Троцкий с товарищем Г. Роланд-Гольст представляли «центр». А вот что пишет ныне товарищ Роланд-Гольст в социалистическом голландском журнале «Трибуна» (№ 150, от 22 августа 1916 г.): «Те, кто подобно Троцкому и его группе хотят вести революционную борьбу против империализма, должны преодолеть последствия эмигрантских разногласий, по большей части носящих довольно-таки личный характер и разъединяющих крайнюю левую, и должны присоединиться к ленинцам. «Революционный центр» — невозможен» (стр. 32).

Это признание Роланд Гольст свидетельствовало о победе ленинской линии, линии на раскол Интернационала. Вопрос о расколе Интернационала Ленин считал «гвоздем» для этой эпохи, считал необходимой предпосылкой победоносной борьбы против империализма. Большой интерес для изучения этого вопроса представляет раздел «Крах официальных с.-д. партий» реферата «1 мая и война» (стр. 10, 11). Здесь Ленин пишет:

«13. Все чувствуют (если не сознают) перелом в истории рабочего движения. Кризис и крах Интернационала. В чем дело? Единым ли был Интернационал или 2 тенденции?» и далее, перечисляя ряд стран (в том числе Россию, Италию, Швейцарию, Швецию), он пишет: «На деле 2 партии везде».

Ленин подчеркивает, что и до августа 1914 г. Интернационал не был единым. В нем были 2 тенденции. Война вскрыла принципиальную противоположность этих двух тенденций, невозможность оставаться дальше в одной

партии. Отсюда тенденция к созданию *двух партий*, к организационному объединению элементов III Интернационала. Вот почему примиренчество Ленин считал большим злом, вот почему он «примиренцев», всех колеблющихся в вопросе о расколе считал прямыми пособниками с.-д. агентуры буржуазии в рабочем движении, прямыми врагами пролетариата.

«У нас в России (а теперь и в новом Интернационале) вопрос о расколе *основной*. Всякая уступчивость здесь была бы преступлением» (стр. 64) и дальше: «Все колеблющиеся на этот счет *враги* пролетариата, с ними нужна *не* уступчивость» (стр. 65).

Характерно, что в числе колеблющихся в вопросе о «единстве» с фракцией Чхеидзе Ленин дальше упоминает и «ультра-левых» Г. Пятакова и Е. Б. Бош.

Большой интерес для характеристики ленинских взглядов по вопросу о «зрелости» России для социалистической революции дает напечатанная в рецензируемой книге статья «Поражение России и революционный кризис». В ней между прочим Ленин пишет: «Возникло новое политическое деление в России на почве новых, более высоких, более развитых, более переплетенных международных отношений. Это новое деление между революционерами-шовинистами, которые хотят революции для победы над Германией, и революционерами—пролетарскими интернационалистами, которые хотят революции в России для пролетарской революции на Западе и одновременно с ней» (стр. 16).

В одном из писем Шляпникову Ленин указывал, что это новое деление, которое сложилось «и у нас в России и во всем мире, «представляет, так сказать, *высшую, более близкую к со-*

циалистическому перевороту стадию развития» (II Лен. сб., стр. 227).

Таким образом Ленин подчеркивает, что в России накануне 1917 г. были некоторые признаки приближения «более близкой к социалистическому перевороту» стадии развития. Замечателен и конец этого отрывка, где говорится о том, что революционные марксисты «хотят революции в России для пролетарской революции на Западе и *одновременно с ней*». Еще ясней эта мысль развита в следующем отрывке из этой же статьи: «Империалистическая война *связала* революционный кризис в России, кризис на почве буржуазно-демократической революции, с растущим кризисом пролетарской, социалистической революции на Западе. Эта связь настолько непосредственная, что никакое отдельное решение революционных задач в той или иной стране невозможно: буржуазно-демократическая революция в России теперь уже не только пролог, а неразрывная составная часть социалистической революции на Западе.

Довести до конца буржуазную революцию в России, чтобы разжечь пролетарскую революцию на Западе,—так ставилась задача пролетариата в 1905 году. В 1915 г. вторая половина этой задачи стала настолько насущной, что она на очередь становится одновременно с первой» (стр. 16).

Публикация этой статьи помогает правильному пониманию известной статьи Ленина 1915 г. «Несколько тезисов» и окончательно разбивает каменистое толкование ленинской оценки 1915 г. характера русской революции, толкование, имеющее хождение до последнего времени и среди изучающих историю партии товарищей. Эта статья интересна не только для изучения

вопроса о характере революции 1917 г., но и для понимания вопроса о взаимодействии и взаимозависимости между буржуазно-демократической революцией в отсталых странах с социалистическими революциями в передовых странах в эпоху империализма, для изучения проблемы «перерастания» в эпоху империализма.

Теперь несколько слов о «технике» издания. Характер материала требует значительных комментариев. Отсылка редакции к научному аппарату XVIII и XIX томов «Сочинений» Ленина читателя, даже достаточно квалифицированного, мало устраивает, так как: 1) ряд документов (напр., «Лекция о государстве», «Война и революция», «Записка членам политбюро») выходят за хронологические рамки этих томов; 2) к целому ряду мест, требующих комментирования и относящихся к эпохе 1914—1917 гг., не имеется соответствующих примечаний ни в XVIII, ни в XIX томе. Если редакция не имела возможности дать новые комментарии, то едва ли является целесообразным то, что она отбросила те комментарии, которыми были снабжены документы при их публикации в периодической печати. Кое-где (совершенно произвольно) сохранена часть этих примечаний в виде подстрочных сносок, но это дела не улучшает. Сомнительна целесообразность неиспользования небольших вводных статей, которыми сопровождались при публика-

ции некоторые документы («Ответ П. Киевскому» и др.). Их надо было как-то использовать, чтобы помочь ориентировке читателя в материале. При публикации переписки Ленина с Шляпниковым явно перепутаны в смысле порядка расположения статей первые 3 статьи, что видно из сопоставления текстов из мест, где речь идет о 7 членах редакции «Коммуниста» (см. стр. 60, 61, 62).

В письме к Суварину читателя приводят в недоумение слова Ленина: «революционная борьба невозможна без революционной демократии», тогда как в тексте перевода, напечатанном в № 7 «Прол. революции», вместо «демократии» фигурировала «эмиграция» в полном соответствии с содержанием ленинского документа. Что это, «нововведение», «поправка» редакции (вроде знаменитого «нововведения» немецкого издателя Балгорна) или просто опечатка?

При всех этих небольших недостатках брошюра будет полезна для изучающих историю партии, преподавателей истории ВКП и учащихся вузов, давая им возможность до выхода дополнительного тома и томов писем 2-го и 3-го издания пользоваться ленинскими статьями, представляющими большой интерес и для изучения истории партии и для понимания ряда актуальных проблем современности.

Д. Баевский

РЕЦЕНЗИИ

Н. К. КРУПСКАЯ. Воспоминание о Ленине. Вып. 1-й. Гиз, 1930 г., 183 стр., тираж 10 000, цена 1 р.

Жизнь Ленина настолько тесно связана с партией, настолько нераздельно слита с ней, что нельзя говорить о

Ленине, не говоря в то же время о партии, и потому воспоминания Крупской о Ленине есть своеобразное изложение истории партии. Воспоминания охватывают огромный период 1894—1903 гг. Эти 14 лет насыщены рядом таких круп-

нейших событий, как искровский период, II съезд, 1905 год. Трудно в беглых воспоминаниях пытаться охватить эти события сколько-нибудь полно и цельно. Притом воспоминания писались по частям, в различное время и потому в них естественно нет единства плана и выполнения. Это отразилось не только на стиле, но и на характере воспоминаний. Тем не менее воспоминания исключительно ценны и интересны и дают богатый материал для биографии Ленина и для истории партии.

Пишет Надежда Константиновна живо, образно и просто. Отдельные оценки зарисованы прямо художественно. Особенно хороша глава о ссылке, где и Вл. Ил. и окружающий его мир показаны изумительно четко. Так и видишь живого Ильича, умеющего всюду, даже и в глухой сибирской деревне наполнить жизнь научной работой, общением с внешним миром, любовью к природе и людям. Эти основные качества Ленина как-то особенно ярко выявлены в главе о жизни в ссылке.

Владимир Ильич был исключительно гармоничен. Его жизнерадостность давала ему возможность всюду, где бы он ни жил, делать жизнь для себя и для окружающих насыщенной работой и радостью. Вот эти-то качества Ленина прекрасно выявлены в воспоминаниях Н. К. Кто помнит и знает, что представляла собою ссылка с ее вынужденным бездельем, как разлагающе она действовала, какая это была неизбывная скука, как трудно было заполнить массу пустого времени, тот знает, как много воли требовалось, чтобы не ослабеть, не распуститься, не разленился, не стать неврастеником и пр. Вл. Ил. в ссылке работает с огромным напряжением; его день занят целиком. Но он не становится ученым сухим педантом, он связан с жизнью тысячами нитей. Ленин знал, что нужно делать, чтобы ссылка стала подготовительным этапом для дальнейшей работы.

Вот что пишет Н. К. о том, как они жили в ссылке. «С утра мы брались с Владимиром Ильичем за перевод Вебба, который достал мне Струве. После

обеда часа два переписывали в две руки «Развитие капитализма». Потом другая всякая работенка была. Как-то прислал Потресов на две недели книжку Каутского против Бернштейна, мы побросали все дела и перевели ее в срок в две недели. Поработав, закатывались на прогулки... Вл. Ильич был страстным охотником, завел себе штаны из чортовой кожи и в какие только болота не залезал» (стр. 30—31).

Помимо научных занятий Владимир Ильич изучал сибирскую деревню, вел обширную переписку с товарищами. Одним из бичей ссылки были ссыльные истории. Владимир Ильич по поводу одной такой истории говорит Н. К.: «Нельзя давать засасывать себя таким историям,—*вся работа впереди*» (стр. 36). И он это не только говорит, он действительно умет отгораживаться от таких историй.

Главы о жизни в Мюнхене, Лондоне и Женеве читаются с исключительным интересом. Тут иная обстановка, иная работа. Есть и очень много тяжелого. Эмиграция тоже многим не по плечу. Это в значительной степени та же ссылка, тот же узкий круг людей, отсутствие живой жизни и связи с массами, замкнутый круг. Надо очень крепко уметь держать себя в руках, чтобы эмиграция не оказала на тебя такого же разлагающего влияния, как и ссылка. Вл. Ильич понимал это и умел себя охранять от тлетворного влияния эмигрантщины. Средства те же, что и в ссылке: работа, живая связь с людьми, природа. Но работа в эмиграции уже другая. Ставится большая политическая газета, закладывается партийный фундамент, готовится партийный съезд.

Работа объединяет и старых и молодых. Но уже появляются кое-какие трещины, портятся отношения, появляются спорные вопросы по организационным и тактическим вопросам. Налаженное единство трещит и в атмосфере эмигрантской жизни принимает уродливые иногда формы.

Владимир Ильич в борьбе, в спорах чувствует себя отлично. По поводу жалобы какого-то делегата, которому не нравится тяжелая атмосфера съезда,

Вл. Ильич говорит: «Какая прекрасная вещь наш съезд! Открытая свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы наметились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед! Вот это я понимаю! Это жизни! Это не то, что бесконечные нудные интеллигентские словопрения, которые кончаются не потому, что решили вопрос, а просто потому, что устали говорить» (стр. 90).

В этой цитате весь Ильич,—заключает Крупская. Период раскола переживался не легко, и в воспоминаниях Н. К. это рассказано довольно обстоятельно. Слабее очерчен 1905 год и период подготовки четвертого съезда. Н. К. следовало бы вплотную засесть за воспоминания по этому периоду, порыться в материалах и осветить работу и настроения Вл. Ильича с исчерпывающей полнотой. Это необходимо еще сделать и потому, что многих товарищей, с которыми соприкасался в то время В. И., уже нет в живых. Умерли Рожков, Красин, Воровский, Богданов, Лейтейзен. Необходимо рассказать подробно о том, что делал, думал и чувствовал Ленин в эпоху поражения первой революции. Эта часть воспоминаний как-то смазана и Н. К. необходимо вернуться к ним.

Последняя глава «Из России за границу» потрясает своим лаконическим драматизмом и заканчивается фразой Ленина: «У меня такое чувство, точно в гроб ложиться сюда приехал» (стр. 156).

Воспоминания читаются с захватывающим интересом, но вызывают все же и досадное чувство. Во-первых, они слишком кратки, а мы хотим знать о Ленине больше, а во-вторых, в них имеются, к сожалению, кое-какие ошибки, которые Н. К. легко могла бы устранить, если бы не полагалась всецело на свою память. Конечно, воспоминания не монографии и являются условным историческим документом; но в отношении воспоминаний о Ленине мы хотим, чтобы воспоминания, особенно Н. К. Крупской, были точным документом для научной биографии В. И. Ленина.

М. Эссен

Е. ПАШУКАНИС. Из ленинского наследства. К ленинской теории государства и пролетарской революции (сборник статей). Госиздат, «Московский рабочий» Москва, 1930 г., тираж 20 000, 100 стр., ц. 50 коп.

Сборник охватывает 7 статей т. Е. Пашуканиса, относящихся в основном к периоду 1925—1927 гг. Статьи снабжены предисловием, датированным 6/VIII 1929 г. Из помещенных статей наибольший интерес представляет статья «Десятилетие «Государства и революции» Ленина» (впервые напечатана в журнале «Революция права» № 4 за 1927 г.) и предисловие к сборнику.

Отмечая несомненные заслуги автора, который еще в 1927 г. хорошо осветил в этой статье историю возникновения «Государства и революции» и значение этой работы Ленина, мы считаем, что ряд мест статьи и предисловия выявляют разногласия Ленина и Бухарина по вопросу о государстве далеко недостаточно. Это частично признает и сам автор, отмечая в своем предисловии, что «...за последние годы теоретическая позиция Бухарина, которую он занимал в 1915—1917 гг., подверглась тщательному разбору и нашла себе более резкую и суровую оценку, чем та, которая имеется в разбираемой статье, что в настоящее время «критика идет дальше, указывая, что и самая постановка вопроса о разрушении государственной машины дает повод упрекнуть Бухарина в стирании граней между коммунизмом и анархизмом...», что в статье, наконец, «не было достаточно резко подчеркнуто, что если разногласия между Лениным и Бухариным были сняты (в «Государстве и революции» Ленина они прямо не фигурируют), то, конечно, только потому, что Бухарин не пошел дальше по пути развития своих путаных, скатывающихся к анархизму взглядов» (стр. 4 и 5). Мы считаем, что все эти многочисленные оговорки и ссылки автора не могут считаться достаточно вескими и убедительными.

Как известно, на апрельском пленуме ЦК в 1929 г. т. Сталин дал глубокий анализ того положения, что в спорах о государстве Ленин и Бухарин исхо-

дили из двух совершенно различных теорий: Бухарин из анархистской теории «взрыва» и «отмены» государственной машины вообще, Ленин из марксистской теории «слома» буржуазной государственной машины. Подтверждением этого является и ряд прямых указаний Ленина, в свете которых мы видим, что «идеи» Бухарина 1915—1916 гг. представляют собой не только «нечеткие» формулировки, а нечто большее, именно теорию, т. е. систему взглядов, воспринятую, хотя и непоследовательно, т. Бухариным от анархистов.

Тов. Сталин целиком прав, когда он на апрельском пленуме указывал, что, «по мнению Бухарина (1915—1917 гг.—Д. П.), рабочий класс должен быть принципиально враждебен ко всякому государству, в том числе и к государству рабочего класса», что это «есть позиция отрицания (курсив мой.—Д. П.) государства в период переходный от капитализма к социализму», что «Бухарин проглядел здесь «мелочь», а именно он проглядел целый переходный период, когда рабочий класс не может обойтись без своего собственного государства, если он действительно хочет подавлять буржуазию и строить социализм»¹.

В постановке т. Пашуканиса остается неясным вопрос, почему «у Бухарина представление о пролетарском государстве страдало отсутствием конкретного содержания» и почему он «смазывал различие между анархизмом и коммунизмом и вообще проходил мимо политической проблемы диктатуры пролетариата» (стр. 5). Неясность эта проистекает оттого, что т. Пашуканис и в августе 1929 г. при оценке взглядов Бухарина смешивает понятия «взрыва» и «слома» государственной машины. Это хорошо видно из тех строк «предисловия», где он, вполне справедливо не соглашаясь с т. Марецким, неправильно формулирует, что т. Марецкий в БСЭ «не только целиком берет под защиту взгляды Бухарина, но и совершенно неосновательно приписывает ему приори-

тет в постановке вопроса о взрыве государственной машины» (курсив мой.—Д. П.).

Тов. Пашуканис прав, что взгляды тт. Бухарина и Марецкого по вопросу о государстве по существу есть непонимание ленинского учения, но также несомненно, что и сам т. Пашуканис даже в 1929 г., т. е. после апрельского пленума, не встал при критике Бухарина на позицию четкого разграничения двух различных теорий «взрыва» и «слома».

Ошибки, допущенные автором в 1929 году, связаны с той ошибочной позицией, которую он занимал в 1927 г. ...«Несомненно,—пишет т. Пашуканис в 1927 г.,—Бухарин был абсолютно прав, подчеркивая со всей силой необходимость разрушения, «взрыва» буржуазной государственной машины. В этом случае упреки В. И., будто Бухарин просто повторил взгляды анархистов, которые хотят «отменить государство», основаны на недоразумении.

Бухарин совершенно определенно указывает, что, взрывая буржуазное государство, рабочие должны организовать собственную государственную власть (диктатуру). Из всего контекста совершенно ясно, что у Бухарина речь идет о взрыве буржуазного государства, но не государства вообще, всякого государства, как это представляют анархисты.

Поэтому возражение В. И., что социалисты, в частности Энгельс, в отличие от анархистов, признают «отмирание», «постепенное засыпание государства», явно бьет мимо цели» (стр. 37—38 сборника. Курсив мой.—Д. П.). Из этой же статьи т. Пашуканиса мы узнаем также, что «сильная сторона статей Бухарина 1916 г. и их заслуга (курсив мой.—Д. П.) состояли в резкой революционной постановке вопроса о взрыве буржуазного государства» (там же). Комментарии излишни. Было бы гораздо лучше, если бы в августе 1929 г. автор прямо сказал, что здесь явная ошибка, вызванная тем, что это писалось тогда, когда вопрос еще не был достаточно разработан, и не ссылаясь на то, что критика пошла

¹ «Большевик» № 23—24 за 1929 г., стр. 39.

дальше, что у нас де не было кое-что достаточно резко подчеркнуто, что теперь есть «повод» для упреков (как будто в упреках дело!). Оставляя же себе одни исторические плюсы (первые дана оценка разногласий?!) и оправдывая себя, автор невольно недооценивает острогу ошибок Бухарина.

Автору следовало бы встать на тот же путь, что и в 3-м издании его работы «Общая теория права», где он сам на стр. 88 откровенно указывает, что он в 1923 г., когда впервые писал свою работу, допустил «ляпсус», давая непродуманное и неверное определение советского хозяйственного уклада в целом как «пролетарского государственного капитализма». От аналогичного признания сборник только бы выиграл; «юридические» же туманности предисловия запутают читателя.

Нуждается также в уточнении положение автора в статье «Ленин и новая программа нашей партии» (на стр. 11), что «действительное научное понимание общественных явлений невозможно вне теории классовой борьбы, а буржуазные политики стремятся прежде всего к тому, чтобы затуманить классовое сознание трудящихся с помощью всякого рода идеологических фетишей». Ленин в «Государстве и революции» указал, что «учение о классовой борьбе не Марксом, а буржуазией до Маркса создано, и для буржуазии, вообще говоря, приемлемо... Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата» (Соч., т. XXI, стр. 392. Курсив мой.—Д. П.).

Интересна и ценна статья «Ленин и вопросы права», где автору правоведам-марксисту, как говорится, и «карты в руки».

Несмотря на отдельные ошибки и неясности, выпуск данного сборника все же несомненно принесет значительную пользу, особенно в условиях, когда существует невероятная путаница в вопросах учения Ленина о государстве и когда многочисленные псевдо-марксистские «теоретики» до невозможно-сти искажают учение Ленина. Сборник несомненно поможет ориентироваться в

борьбе с искажениями ленинизма по вопросам права и государства.

Д. П.

ЛЕНИН И ИСКУССТВО. Составил С. Д. Дрейден. Под общей редакцией В. А. Бугрянского. Предисловие А. В. Луначарского. 2-е переработанное и дополненное издание. Теакинопечат. Л. — М. 1929 г., стр. 120, ц. 90.

Очень жалко, что книжка, предназначенная, по словам составителя, для «культурно-выросшего массового читателя», не комментирована и не снабжена руководящей статьей. Это тем более досадно, что небольшое предисловие т. Луначарского дает неправильное направление читателю. Тов. А. Луначарский «не собирався» «комментировать» и «толковать» мысли Ленина об искусстве. Однако он в то же время счел возможным сделать следующее дезориентирующее читателя утверждение: «Есть опасность возрождения той торопливости, исключительности, узости, которые грозили в свое время со стороны крайних напостовцев. Отмечая вполне реальную в нашей обстановке опасность мелкобуржуазного окружения, заражения, впадают в ошибку,—защищаться, изолируя себя, замыкаясь в стены, объявляя врагами тех, кто должен быть учениками. Такова главнейшая ошибка, которая может грозить нам и которая, несомненно, ограничила бы коммунистическое влияние на сознание огромной периферии и—пытаясь ускорить—замедлила бы развитие пролетарского коммунистического искусства». Конечно, опасность «левой» фразы, пренебрежения попутничеством в литературе, театре и других секторах искусства у нас есть и вполне правильно предупреждать от извращенной пролетарской художественной политики, предлагаемой слева. Но никак нельзя в период обостренных классовых боев, на решительном подъеме к социалистическому переустройству всей страны, на новом этапе развернувшейся культурной революции, в условиях контратак на идеологическом фронте со стороны буржуазных элементов, питающих право-оппортунистиче-

ский уклон в партии, делать акцент на «левой» фразе, на «исключительности» и «узости». Главная опасность с другой стороны—в буржуазных тенденциях, в правом оппортунизме. А эту сторону дела т. Луначарский вовсе не упомянул.

Тем самым очень многие важнейшие указания Ленина составители сборника лишают конкретных исторических очертаний, дают их вне связи с развитием пролетарской культуры и искусства. Одними хронологическими датами положение не спасается. Нужен политико-экономический справочник, чтобы понять, *почему, в каких условиях* Ленин писал, *какой смысл* имели те или иные ленинские указания.

Весь первый отдел («Пути культурного строительства») следовало дать полнее (статьи «Лучше меньше да лучше» и «Страничка из дневника» нужно было бы дать не в куцах выдержках) и расширить за счет таких, например, существеннейших уроков: «Нас учили: бывает, что один народ завоеует другой народ, и тогда тот народ, который завоевал, бывает завоевателем, а тот, который завоеван, бывает побежденным. Это очень просто и всем понятно. Но что бывает с культурой этих народов? Тут не так просто. Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице РСФСР и не получилось ли тут так, что 4 700 коммунистов (почти целая дивизия и все самые лучшие) не оказались ли они подчиненными чужой культуре? Правда, тут может как будто получиться впечатление, что у побежденных есть высокая культура. Ничего подобного. Культура у них мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас. Как она ни жалка, как ни мизерна, но она больше, чем у наших ответственных работников коммунистов, потому что у них нет достаточного умения управлять» (Из протоколов XI съезда. Отчет ЦК).

Это указание на буржуазную опасность, на тесную связь культуры и политики должно было войти в первую

главу сборника. Надо было дать и ленинские тезисы о производственной пропаганде, если авторы сборника не относятся к искусству с идеалистическим эстетизмом.

Надо было дать комментарий и показать, как партия, на основе ленинской теории культуры, добилась определенных успехов в культурном строительстве *вопреки* антиленинским теориям. Но в сборнике нет ни одного слова о Бухарине, который прямо полемизировал с Лениным, близко подходя к Богданову, так же как нет ни слова о троцкизме, начисто отрицающем пролетарскую культуру, исходя из неверия в возможность построения социализма в одной стране. В результате первая глава аполитична и недействительна. Даны случайные вырезки, годные как раз для «академического», а не массового читателя.

Пора вообще отказаться от цитатников, составляемых по субъективному вкусу. Статьи Ленина приведены «в характерных выдержках». «Сокращения, — читаем мы в предисловии составителя, — произведены, главным образом, за счет полемики с «героями оговорок», буржуазными публицистами, предпочитавшими медоточивые разговоры насчет «цельности натуры великого богословия» правильной постановке вопроса...» Но как раз в этом и состоит методологическое значение критики Ленина, в ее боевом полемическом духе, в ожесточенной борьбе за использование творчества Толстого в интересах пролетариата. Статьи Ленина о Толстом монолитны и кто их разрывает, тот разрывает и мысли Ленина, как это и получилось в пору последнего Толстовского юбилея со многими комментаторами Ленина. Кстати, об этом надо было обязательно сказать читателю. Предмет этот весьма поучительный и явился бы яркой иллюстрацией к статьям Ленина.

Не лучше обстоит дело и с отрывками о других «классиках». Они выдраны из контекста и без комментария представляются малозначительными. Между тем характер всех ленинских замечаний о литературе дает возможность сделать ряд очень значительных выво-

дов. Во-первых, Ленин рассматривает литературу не только как отражение классового субъекта, но и как орудие классового воздействия. Во-вторых, он ищет объективных моментов в литературе и именно им придает решающее значение. В-третьих, Ленин показывает, что вся русская литература XIX в. в основном выражала борьбу двух лагерей—либералов («приглаженную» и наипомаженную) породу «образованных крепостников-помещиков») и революции (Чернышевский и т. д.). Здесь, конечно, невозможно остановиться на этих мыслях Ленина, но можно сказать одно—нельзя брать Ленина как критика оторванно от Ленина-историка. А именно это продедано в порядке «исключительности» и с ненужной «торопливостью» составителем.

Лучше всего отдел «Искусство в быту Владимира Ильича». Но и тут комментарий хорошего знатока ленинской биографии был бы далеко не лишним.

Особо следует отметить фразу, приписанную Ленину в отрывке из воспоминаний т. Сенькина: «Оказывается, Маяковский у меня уже около года ведет Росту». Подчеркнутое слово вряд ли могло быть произнесено Лениным.

Общий итог—книжка свою задачу не может выполнить. Пора бы все дело популяризации работ и мыслей Ленина сосредоточить в Институте Ленина, или, во всяком случае, поставить под его контроль.

А. Зонин

М. БАЛАБАНОВ. Очерки истории революционного движения в России. «Прибой», Ленинград, 1929 г. стр. 303, тир. 10 000, ц. 1 р. 60 к.

Очерки по истории революционного движения XIX—XX в. М. Н. Покровского, читанные им зимою 1923 и 1924 года на курсах секретарей уездных комитетов, заполнили зияющий пробел в литературе по истории революционного движения.

Но с того времени прошел значительный период появились новые документы, опубликованы чрезвычайно важные ленинские материалы; понятно, поэтому,

что новые работы должны прежде всего, отображать и новые материалы, причем это отображение не может быть описательным.

Известно ленинское положение о том, что «все искусство политика в том и состоит, чтобы найти и крепко-крепко уцепиться за такое именно звеньишко, которое всего важнее в данный момент, которое всего более гарантирует обладателю звеньишка обладание всей цепью»¹. В истории революционного движения исследователь должен показать это звеньишко, ухватившись за которое пролетариат пришел к обладанию всей цепи, т. е. к победе в Октябре 1917 года.

Автор рецензируемого очерка опытный историк, несомненный знаток конкретных вопросов эпохи, о которой он трактует. В учебной литературе его трехтомная «История рабочего класса в России» заняла видное место; другая его книга: «Очерки истории революционного движения в России до 1905 г.», несмотря на ряд значительных методологических ошибок, имеет также большое распространение. Но имя М. Балабанова заставляло всегдастораживаться: *активный меньшевик до революции 1917 года, антисоветский деятель после Октября 1917 года*, он, конечно, привносил в свои работы меньшевистскую концепцию об историческом процессе.

Несомненно, что в рецензируемой работе автор значительно шагнул вперед. Больше того: он делает попытку подойти полностью к марксистско-ленинской трактовке обозреваемого этапа. Но все же автор только подошел к марксистско-ленинской концепции, но еще не переварил ее, не воспринял ее. Перефразируя известные слова Маркса из «18 брюмера», можно сказать по отношению к М. Балабанову: «Традиции всех умерших меньшевистских поколений, как кошмар, тяготеют над его мозгом».

Хронологические рамки «Очерка»—от «декабристов» до начала февральской революции 1917 года. Автор «сократил

¹ Ленин, Соч., т. IV, стр. 487.

и местами переработан¹ ранее изданный им очерк революционного движения до 1905 года, «написав заново вторую часть, отсутствовавшую в первой книге». Из предисловия мы узнаем, что «книга предназначена для читателя, имеющего некоторую общую подготовку».

Очень бегло остановившись на движении Болотникова, Разина, Пугачева, автор переходит непосредственно к декабристам, которым уделяет значительное внимание. Также подробно охарактеризовано народничество. Причем и в характеристике «1825 года» и «народничества», автор не дает решительно ничего нового, следуя старой схеме построения: вернее скользит по поверхности движения, не вскрывая социально-экономические корни данного этапа.

В характеристике общественного движения 50-х годов XIX столетия¹, автор гиперболически представляет себе движение интеллигенции. Так он пишет: «В это же время вырабатывается революционная идеология и с этого времени,—что для нас особенно важно,—революционное движение захватывает интеллигенцию и на протяжении значительного времени—почти полувека—это движение остается движением исключительно интеллигенции» (стр. 28).

Но это не соответствует действительности. Куда же девалось стачечное движение в крепостной России, на дореформенной фабрике? Пусть будет это движение «неорганизованным, стихийным: но оно было. А движение рабочих во второй половине XIX века разве не является революционным фактором?

Пространное объяснение автора об интеллигенции, о ее сущности в историческом процессе сделано, как нам представляется, неправильно: интеллигенция в очерках выведена как межклассовая организация, полностью ото-

ждественная автором с мелкой буржуазией (см. стр. 28, 29).

Характеристика Герцена и Бакунина ничего нового не дает, страдает беглостью и схематичностью. Характеристика же петрашевцев ограничивается таким замечанием: «настроения у петрашевцев были, таким образом, разн^{ые}. Имелись между ними умеренные, имелись и революционно-настроенные. Одни думали о просвещении и мирной пропаганде, другие о восстании, «драке», «цареубийстве» (стр. 40). Что дает читателю такое замечание? Или возьмем характеристику Ишутинского кружка. На стр. 54 этот кружок называется «действительно революционной организацией», а на следующей стр. 55—автор оговаривается: «нужно иметь в виду, что здесь не было не только выработанной программы, но и общего настроения. Среди членов общества было не мало и таких, которые верили в мирное развитие, возлагали надежду на организацию артелей и т. п.». Таким образом от «действительно революционной организации» ничего не осталось.

Революционное движение 80—90 гг. до II съезда РСДРП автором обрисовано более или менее подробно. Борьба течений на II съезде представлена автором также добросовестно; на всем последующем изложении вплоть до 1917 года лежит печать собирания фактов.

Конечно, здесь представлены споры о параграфе первом устава; дальше имеется констатирование различных оценок движущих сил революции 1905 года; показано ликвидаторство в годы реакции; имеется характеристика течений в социал-демократии в годы войны и накануне революции 1917 года.

Но в работе, изданной в 1929 году, этого уже недостаточно. Автором совершенно не выявлены корни и истоки оппортунистического крыла в социал-демократии. Троцкизм как разновидность меньшевизма вообще не показан: характерно, что имя Троцкого как-то выпало из всей истории революционного движения. Не освещена позиция Троцкого на II съезде. Нет характеристики троцкизма в главе о пятом годе.

¹ Кстати заметим: автор идет по стопам Н. А. Рожкова, который, как известно, все XIX столетие разделил на десятилетия — 30; 40, 50-ые и т. д. годы. Причем каждое десятилетие у него отгорожено демаркационной линией от другого десятилетия. Ясно, что такое деление методологически неоправдываемо и исторически неправильно.

Кратко характеризуя пражскую конференцию большевиков, автор указывает и на августовскую конференцию меньшевиков, причем опять же ни одним словом не упомянута роль Троцкого в сколачивании этой конференции.

Автор подробно характеризует мелкобуржуазную сущность с.-р. и распад этой партии перед войной. Подробная характеристика этой партии принесет пользу читателю, но и здесь есть некоторое «но». Автор спрашивает: «в каком же идеологическом и общественном окружении находился рабочий класс?» (стр. 261) и дальше указывает подробно о партии с.-р. Но ведь известно, что с.-р. никогда не имели сколько-нибудь значительного влияния на рабочий класс и на его организации. Попытки этой партии кое-где прибрать в свои руки профсоюзные организации неизменно терпели крах.

Конечно, работа Балабанова имеет свои положительные стороны: он прежде всего шагнул вперед по сравнению с очерком, изданным в 1925 году. По-

ложительная сторона заключается и в том, что очерк связно излагает фактическую сторону от «декабристов» по «конец войны».

Но несмотря на эти положительные моменты, рекомендовать книгу для учебных целей—а именно для этого она и издана—*нельзя*. В работе нет методологического стержня, нет выяснения того «звеньяшка», о котором мы говорили в самом начале нашей рецензии. Автор ничего не сказал о столыпинщине и о влиянии этих законодательных мероприятий на рабочий класс. Ничего не сказано о военно-промышленных комитетах и о роли в них меньшевиков. Нечетко показано ликвидаторство, которое автором называется «легализмом» (стр. 235).

Мы не останавливаемся на других дефектах книги. Укажем, что конструкция книги стара и шаблонна, что автор нигде не использовал новые материалы, что научный аппарат в книге отсутствует.

А. Мильштейн

НОВЫЕ КНИГИ

История ВКП (б) и ленинизм

Ленинский сборник XIII. Под редакцией В. В. Адоратского, В. М. Молотова, М. А. Савельева. Институт Ленина при ЦК ВКП (б), стр. 236, цена 2 р., переплет 70 к.

Диктатура пролетариата и современный ревизионизм. Хрестоматия составлена М. Резуновым и А. Стальгевичем. Под редакцией и с вводной статьей Е. Пашуканиса. Изд-во Комкадемии, тираж 5 100, стр. 304, цена 1 р. 75 к.

Левенштам М. Е., и Л. А. Грушевский. Аграрный вопрос. Гиз, стр. 512, ц. 4 р. 75 к.

Попов Н. Н. Национальная политика советской власти. Изд. «Пролетарий», стр. 149, ц. 85 к.

Поташ М. Народнический социализм. Гиз, стр. 176, ц. 50 к.

Ярославский Ем. За последней чертой. Сборник статей. Гиз, тираж 25 000, стр. 196, ц. 55 к.

Революционное движение и классовая борьба в России

Анисимов С. Драма на этапе. Из записок политического защитника. Изд-во о-ва политкаторжан, стр. 78, ц. 20 к.

Анисимов С. Не судебная ошибка, а черная неправда. Изд-во о-ва политкаторжан, стр. 45, ц. 15 к.

В. Ф. Г. За Невской заставой. Записки рабочего Алексея Бузинова, с предисловием Б. Горева. Гиз, тираж 5 000, стр. 176, ц. 1 р.

Добржинский Диез Г. Бабушка Вая. Изд-во о-ва политкаторжан, стр. 62, ц. 20 к.

Дмитриева В. Так было. (Путь моей жизни.) Предисловие П. И. Анатольева.

Изд. «Молодая гвардия», стр. 486, ц. 2 р. 50 к.

Драбкина Ел. Национальный и колониальный вопрос в царской России. Изд-во Комакадемии, тираж 5 000, стр. 182, ц. 1 р. 50 к.

Жуковский-Жук. Карийская трагедия. Изд-во о-ва политкаторжан, стр. 77, ц. 25 к.

Кантор Р. М. Гесья Миронова Гельфман. Изд-во о-ва политкаторжан, стр. 32, ц. 12 к.

Кункель А. Аракчеевщина. Изд-во о-ва политкаторжан, стр. 63, ц. 20 к.

Мгебров А. Воспоминания артиллерийского офицера. Изд-во о-ва политкаторжан, стр. 110, ц. 50 к.

Ольминский М. Статьи о Щедрина 1906 — 1929 гг. Гиз, тираж 5 000, стр. 191, ц. 50 к.

Попов М. Мечты о свободе, Изд-во о-ва политкаторжан, стр. 83, ц. 25 к.

Поляков Мих. На краю света. Изд-во о-ва политкаторжан, стр. 103, ц. 50 к.

Прибылев А. В. Александр Викентьевич Буцевич. Изд-во о-ва политкаторжан, стр. 20, ц. 12 к.

Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. Под редакцией С. М. Диманштейна. Том третий. 1917, Фев-

раль—октябрь. Составили И. Левин и Е. Драбкина. Предисловие С. М. Диманштейна. Изд-во Комакадемии, тираж 3 000, стр. 467, ц. 4 р., переплет 50 к.

Сибирияков С. Месть офицера (быль). Изд-во о-ва политкаторжан, стр. 48, ц. 15 к.

Школьник М. Жизнь бывшей террористки. С предисловием В. Деготь. Издание второе. Изд-во о-ва политкаторжан, тираж 7 000, стр. 125, ц. 55 к.

Щеголев П. Охранники и авантюристы. Изд-во о-ва политкаторжан, тираж 5 000, стр. 159, ц. 1 р. 60 к.

Якимов А. В. Григорий Прокофьевич Исаев. Изд-во о-ва политкаторжан стр. 23, ц. 12 к.

Международное революционное движение и Коминтерн

Бимба А. История американского рабочего движения. Изд. Комакадемии, тираж 5 100, стр. 284, ц. 2 р.

Кабакчиев Хр., Башкович Б. и Ватис Х. Коммунистические партии балканских стран. Гиз, «Московский рабочий», стр. 239, ц. 90 к.

Мануильский В. З. Революционный подъем и пролетарская молодежь. Изд-во «Молодая гвардия», тираж 40 100, стр. 157, ц. 45 к.

В СЕКЦИИ ИСТОРИИ ВКП (б), ЛЕНИНИЗМА И ИСТОРИИ КОМИНТЕРНА ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

3 апреля с. г. в секции истории ВКП(б), ленинизма и истории Коминтерна Общества историков-марксистов состоялся доклад т. М. А. Савельева об итогах работы секции и о ближайших ее задачах. Доклад и развернувшиеся по нему прения дали богатый материал для развертывания дальнейшей работы секции.

Секция оформилась с осени 1929 г., однако переломным моментом в ее работе нужно считать Всесоюзное совещание, состоявшееся в феврале с. г. Не говоря здесь о других заслугах совещания, нужно заметить, что оно впервые объединило весьма значительный кадр товарищей, работающих по истории партии, ленинизму, истории Коминтерна (особенно—преподавателей). Совещание показало, что весьма значительная доля этих товарищей оставалась до последнего времени как бы «кустарями-одиночками», не связанными с каким-либо коллективом, не принимаая участия в коллективной работе над проблемами истории партии и ленинизма, в обсуждении вопросов, которые встают перед научной мыслью в этих областях. Это положение выдвигает перед секцией совершенно необходимую задачу: объединить вокруг себя все эти кадры, привлечь их к своей работе, сплотить, активизировать. На ближайшее время секция должна будет провести работу по выявлению и организации этих товарищей, не связанных до сих пор с секцией. В первую очередь это относится к преподавателям, работающим в различных вузах, комвузах, техникумах и рабфаках. Особенно важно сплотить вокруг секции товарищей, работающих вне Москвы.

Кафедры комвузов и вузов (как в Москве, так и вне ее) должны взять на себя инициативу создания на местах своего рода «ячеек содействия» секции, связав своих членов с секцией организационно и втягивая их в общую работу секции.

Содержание работы секции должно быть точно так же коренным образом перестроено в соответствии с теми требованиями, которые выдвигаются нынешним этапом. Перед секцией стоит задача теоретической разработки ряда актуальнейших проблем, выдвинутых жизнью. В первую очередь сюда относятся вопросы о характере и перспективах нынешнего этапа, о новых формах союза пролетариата и крестьянства, о классовой борьбе на данном этапе, о партии и классе, вопросы о путях и условиях победоносного развития пролетарской революции и колониально-национальных освободительных движений, изучение опыта революционных боев последнего периода, вопрос о борьбе на 2 фронта в ВКП(б) и Коминтерне и т. д. Особенно большая работа предстоит в области разработки истории Коминтерна, которая в сущности находится еще в зачаточном состоянии, но которая с каждым днем становится все более настоятельно необходимой.

При нынешнем состоянии научно-исследовательской работы в области истории партии, ленинизма и истории Коминтерна секция не может и не должна ставить перед собой задачу самостоятельной организации научно-исследовательской работы, выработки своего особого плана этой работы. Центром, который направляет, регулирует и объединяет всю научно-иссле-

довательскую работу в этих областях, должен явиться Институт Ленина с его местными отделениями (истпарты и научно-исследовательские институты). При нашей бедности в кадрах и при весьма низком, как известно, уровне развития этих дисциплин было бы поистине расточительством сохранить и на будущее время тот параллелизм, несогласованность, самотек, какие наблюдались до сих пор. Институт Ленина приступил в настоящее время к разработке 5-летнего плана своей научно-исследовательской работы. Задача секции Общества историков-марксистов будет заключаться в том, чтобы мобилизовать все научные силы нашей партии для работы по реализации этого плана.

Секция должна будет дать Институту Ленина (и его местным отделениям) из своей среды и из среды группирующегося вокруг нее преподавательского актива силы (самой различной квалификации), которые смогут коллективно поднять и выполнить ту огромнейшую работу, которая предстоит в этой области. Только так—на основе организованного коллективного труда над выполнением единого плана—и может мыслиться постановка научно-исследовательской работы по истории партии и ленинизму. Объединение вокруг единого плана Института Ленина работы, ведущейся кафедрами различных комвузов, вузов и т. д.,—также является задачей секции Общества историков-марксистов. Само собой разумеется, что и самый 5-летний план Института Ленина должен вырабатываться при активном участии нашей секции. Вопросы, касающиеся методологии построения его, а также отдельные части плана, по мере их разработки, должны и будут ставиться на обсуждение секции. В дальнейшем же секция должна стать той общественной трибуной, куда переносится вся научная продукция членов секции в области истории партии, ленинизма и истории Коминтерна, где должна проходить общественная проверка и обсуждение всех сколько-нибудь значительных работ в этих областях.

На ближайшее время секцией намечены следующие доклады: 1) тов. Яро-

славского—Об эволюции троцкизма, 2) т. К. А. Попова—О классовой борьбе в переходный период, 3) т. Кина—Ленин о возможности мирного развития революции в 1917 г., 4) т. Арк. Сидорова—О ленинском плане 1918 года и нэпе, 5) Тагарова—Из истории борьбы на 2 фронта, 6) разбор книги т. Зиновьева «Учение Маркса и Ленина о войне», 7) т. Бронина—О методологии правого и «левого» оппортунизма, 8) т. К. Молотова—Ленинское учение о диктатуре и демократии и др.

Секция проводит сейчас опрос всех своих членов, кафедр комвузов и вузов о тех темах и докладах, которые по их мнению должны быть в первую очередь разработаны на собраниях секции.

Далее перед секцией стоит задача популяризации своих работ, вынесения их в широкие массы партийного актива, на рабочие собрания, в среду пролетарского студенчества. В частности, секция должна в дальнейшем принять активное участие в проведении историко-революционных и историко-партийных кампаний, как путем подготовки соответствующих материалов и массовой литературы, так и путем обслуживания их научно-квалифицированными докладчиками (как для Москвы, так и для важнейших провинциальных центров).

Популяризация основ ленинизма, истории партии и Коминтерна упирается в крайне узкий круг литературных работников, могущих дать хорошую, научно-добросовестную книжку, брошюру, статью. Секция должна будет сделать попытку привлечь к этой работе в порядке коллективного сотрудничества новые кадры, до сего времени не выступавшие в печати самостоятельно, разумеется, обеспечив им должную помощь и руководство.

До настоящего времени крайне слабо поставлено дело критической оценки выходящей по ленинизму, истории партии и Коминтерна литературы. Только при нашей бедности возможно такое положение, когда зачастую получает самое широкое распространение явно негодная, ненаучная, политически не выдержанная литература. Секция наметила

организацию систематической (и притом своевременной) критической оценки всей выходящей ленинской, историко-партийной и т. п. литературы, как в печати, так и на своих собраниях (в виде обсуждения отдельных, наиболее интересных книг и статей).

Наконец, крайне остро стоит вопрос о преподавании истории партии и ленинизма. Немало «скверных анекдотов» можно услышать о том, как преподносится ленинизм и история партии в наших вузах, техникумах и рабфаках. До сих пор работа эта велась без всякого общественного контроля.

Преподаватели отдельных вузов и рабфаков не были связаны между собой. Весьма широко распространена отсебятина в программах, отсебятина в толковании отдельных проблем. Естественно, что секция не может пройти мимо этого вопроса и должна будет: 1) изучить, как поставлено преподавание, и выявить основные недостатки в этой области и 2) помочь вузам, рабфакам и отдельным преподавателям улучшить постановку преподавания. Прежде всего необходимо будет добиться признания за историей партии и ленинизмом значения самостоятельных научных дисциплин и отведения им соответствующего места в учебных планах.

Созванное секцией совещание поручило секции разработать типовые программы для различных ступеней преподавания. В настоящее время работа эта производится Культпропом ЦК ВКП(б). Очевидно, что секция должна будет перед началом учебного года, когда программы эти будут Культпропом ЦК выработаны, провести большую методическую работу по разъяс-

нению основных принципов построения этих программ, их методологических и методических особенностей и т. д. В то же время секция уже сейчас наметила провести на одном из своих собраний критический разбор некоторых наиболее распространенных учебных пособий по истории ВКП(б).

Наконец очень большая работа предстоит секции по организации первой всесоюзной конференции по истории партии, ленинизму и истории Коминтерна, которую предполагается созвать в течение 1930/31 г. Уже сейчас необходимо начать подготовку основных докладов и материалов, выявить все доклады, которые могут быть представлены на конференцию, особенно со стороны товарищей, работающих вне Москвы.

Во всей своей работе секция должна в самой широкой мере опереться на тех работников, которые сейчас группируются вокруг отдельных комвузов и вузов, и на кафедры этих вузов, установить с ними регулярный обмен материалами и планами работ, тезисами докладов, на основе взаимного участия в работе.

Таковы основные линии работы, намеченные в докладе бюро секции и в развернувшихся вокруг доклада прениях.

Общее собрание одобрило предложение бюро создать при бюро комиссии по истории ВКП(б), по ленинизму и по истории Коминтерна, а также комиссии по массовой работе, учебно-методической и литературно-библиографической.

На том же собрании были произведены перевыборы бюро секции.

Н. В — ский

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

О ТОРГСЕКТОРЕ ГОСИЗДАТА

Почти случайно обнаружилось, что Торговый сектор Госиздата обратил в макулатуру, т. е. не распространяет, а уничтожает многие ценные книги Истпарта, например:

1) О Ник. Евг. Федосееве, современнике первых шагов политической деятельности Ленина, который снабдил эту книгу предисловием; 2) Зеликсон-Бобровской—воспоминания рядового подпольщика; 3) «Старый товарищ Скляренко»—об одном из первых последователей Ленина, до конца активном большевике, умершем в годы войны; 4) Ем. Ярославский «Партия большевиков в 1917 г.»—и многое другое.

Тов. Халатов, на запрос по этому поводу Е. Ярославского и М. А. Савельева, дал справку, будто бы эти книги не были уничтожены. Пришлось проверить через РКИ и через «Комиссию рабочего редсовета». О результате расследования со стороны РКИ сведений у меня не имеется. Что же касается Комиссии, то она подтвердила, что действительно списаны в макулатуру книга о Скляренко и три книги Павловича (Вельтмана), потому что их «осталось очень мало»,—т. е. потому, что они шли в продажу слишком хорошо.

Что же касается книги Ем. Ярославского, то она в количестве 17780 экз. списана в макулатуру будто бы с согласия самого Ярославского (по заявлению Лотиша). А издана она была в количестве свыше 50 000 экз. Относительно согласия Ем. Ярославского можно очень и очень сомневаться. Ясное дело, что эта книга уничтожена опять-таки потому, что слишком хорошо шла в магазинах.

Это подтверждается и «принципами», которыми руководилась особая комиссия

под председательством Лотиша при уничтожении книг. В числе этих «принципов» в пункте 6-м значится: «при малом количестве остатков (распроданные)».

Правда, прежде чем списать в макулатуру, Торгсектор снижает цены на книги; открыт для этого магазин «Дешевой книги». Где находится этот магазин? Пришлось через Госиздат запрашивать по телефону Торгсектор. Получился ответ: Москва, Милютинский пер., д. 1/13, книжный магазин Госиздата № 18.

В этом магазине будто бы можно купить или получить книги «для бесплатной раздачи».

Отвлекусь немного в сторону.

В 1925 г. Истпартом были переизданы нелегальные газеты «Вперед» и «Пролетарий» 1905 г. В редактировании этих газет главное участие принимал Ленин; он ни одной статьи не пропускал без своего просмотра и исправления. Составляли в числе редакторов Воровский и Луначарский: они брали часто темы по прямому указанию Ленина; некоторые статьи начинал Воровский, а кончал Ленин. Можно сказать, что переиздание этих газет имело немаленькое значение, чем издание сочинений Ленина,—тем более, что почти все статьи шли без подписей авторов (таким образом Ленин брал на себя ответственность за эти статьи).

Сейчас у нас год двадцатипятилетия революции 1905 г. Естественно было обеспокоиться, не пошли ли и эти газеты в «котел», в макулатуру.

На запрос по этому поводу получена следующая бумага:

«Зав. Госиздатом т. А. Б. Халатову. Подтверждая ответ, данный вам

т. Накоряковым по поводу статьи т. Эссен¹, одновременно сообщая: ...Что касается выпусков «Вперед» и «Пролетарий», то таковым Торгсектором уделено особое внимание. Они значительно уценены и продвигаются, помимо обычного пути, через отделы дешевой книги и через агентуру.

Подлинник этой бумаги был, по распоряжению т. Халатова, переслан мне, Ольминскому. Таким образом, на меня естественно легла обязанность проверки этого документа, подписанного зам. зав. Торгсектором Барановским. Проверка показала:

1) В одном из крупнейших магазинов сказали: «зайдите дня через четыре, выпишем из склада». А через неделю: «Склад занят другой работой, придите через неделю». А еще через неделю вытащили один *неполный*, отчасти растрепанный экземпляр.

2) В магазине № 18 даже не слыхали об этом издании. Не прав ли был т. Халатов, отказываясь верить своему же Торгсектору?

Вернусь к бесплатной раздаче книг. Оказалось, что «учет *бесплатной раздачи книг не ведется*». Да очевидно такая раздача и не велась. «Предлагали этим заняться Главполитпросвету и Домзакам (?), но эти организации не взялись за их распространение», а «так как Торгсектор сам также не взялся за их раздачу, то эти книги пока не розданы». А деревня ждет. А фабрики ждут. А Торгсектор выжидает, когда книги можно пустить в «котел» и сознательно не пускает их в продажу, потому что они слишком много спрашивались в магазинах и потому их мало осталось. Не так ли?

Что скажут на это Главполитпросвет и Домзаки? Возможно, что на них возвели напраслину в Торгсекторе.

В 1927 году вышла книга А. Елизаровой о казенном старшем брате Ленина, — Александре Ильиче Ульянове. Цена 3 р. 25 к. Отпечатано 3000 экземпляров. Разошлось уже свыше 1700.

¹ Что писал т. Халатову Накоряков (зам. Торгсектора)—мне, к сожалению, неизвестно. Может быть, его письмом заинтересуется РКИ.

Для такой дорогой книги это недурно. Но в магазинах ее не стало,—потому и спрос прекратился. Приезжал заведующий домом-музеем в Ульяновске, обегал московские магазины и нашел только один экземпляр вместо трех. А была ли послана в Ульяновск, в госиздатские книжные магазины эта книга?

Второй пример—«Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг.». Страниц 750. К 1925 г. потребовались три издания,—книга расхватывалась. Вдруг кому-то она прилась не по вкусу,—и продажа прекратилась. Книжные московские магазины даже не знают об этой книге. Склад снижает цену с 4 р. 50 к. до 1 р. 20 к.,—и все-таки книги нет в магазинах. У читателей составилось убеждение, что книга давно распродана. А на складе лежит свыше 2000 экз.

Я привожу примеры искусственной задержки книг по истории партии и революции. Но кто же поручится, что то же не повторяется с другими хорошими политическими книгами, кому-то не нравящимися? Ведь Комиссия рабочего редсовета нашла, что «магазины работают исключительно по спросу, и по спросу же составляется ассортимент. Инструктаж со стороны правления Торгсектора ведется только технический, а инструктажа по работе и продвижению того или иного раздела книг нет, и у Комиссии осталось впечатление, что магазины Гиза работают только из-за коммерческого интереса».

А коммерческий интерес достаточно хорошо выразил Лотиш, сказавши Комиссии:

— Если будут спрашивать одного Кервуда,—мы будем продавать одного Кервуда.

Этому же гражданину Лотишу поручается отбор книг, направление их в макулатуру! Ему же поручалось суждение об идеологической вредности книг!

Член комиссии Болотов присовокупляет, что «со стороны правления Торгсектора проявилась в работе безответственность и бесхозяйственность». Он справедливо считает установку только на спрос неправильной и аполитичной.

А может быть и сознательно вреди-

тельской,—невольно напрашивается вывод. Подождем заключения РКИ. Материал передан мною т. Ильину через т. А. Киселева.

Но помимо деятельности всяких ревизий встает и другой вывод. Отпечатание книги и появление в газетах пу-

бликации о выходе ее в свет—еще недостаточно. Нужно систематически следить за ее продвижением, чтобы не уподобиться грибоедовскому бюрократу:

— Подписано,—и с плеч долой!

М. Ольминский

По поводу сообщенных в письме т. М. С. Ольминского фактов, редакция запросила Гиз, объяснения которого будут помещены в следующем номере.

Редакция.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	Стр.
Д. Кардашев. Ленин в борьбе с примиренчеством в эпоху внутрипартийного раскола 1903—1905 гг. (К истории борьбы за III съезд РСДРП)	3
Г. Тихомирнов. К вопросу о методах работы над источниками по научной биографии Ленина	43
В. Мирошевский. К характеристике социальной природы венгерской советской республики	62

ВОСПОМИНАНИЯ

И. Лалаянц. О расколе в РСДРП и моих заграничных встречах с В. И. Лениным	84
---	----

МАТЕРИАЛЫ

Письма Ленина к родным 1910—1916 гг. (с предисловием и примечаниями А. И. Елизаровой)	127
---	-----

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ВКП(б) И ЛЕНИНИЗМА

Б. Бирман. К вопросу об изучении истории Коминтерна	149
Материалы совещания преподавателей ленинизма, истории партии и истории Коминтерна	160

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и заметки: Н. Войтинский. Ленинский сборник XIII.—Д. Баевский. В. И. Ленин. Новые статьи и письма	176
Рецензии: М. Эссен. Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Вып. I.—Д. П. Е. Пашуканис. Из ленинского наследия. А. Зонин. Ленин и искусство. Составил С. Дрейден.—А. Мильштейн. М. Балабанов. Очерки истории революционного движения в России	187
Новые книги	195

ХРОНИКА

Н. В—ский. В секции истории ВКП(б), ленинизма и истории Коминтерна Общества историков-марксистов	197
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ М. Ольминского	200

ГОСИЗДАТ РСФСР

НОВЫЕ КНИГИ:

МАРКС К.

Классовая борьба во Франции. 1848 — 1850. Под ред. А. Удальцова. (Институт К. Маркса и Фр. Энгельса). Б-ка марксиста). Стр. 160. Ц. 60 к.

ЛЕНИН В. И.

Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. С прилож. лекции В. И. Ленина о государстве. (Дешевая библиотека Госиздата.) Стр. 160. Ц. 30 к., в переплете 40 к.

ЛЕНИН В. И.

Пролетарская революция и ренегат Каутский. (Дешевая б-ка Госиздата.) Стр. 126. Ц. 20 к., в переплете 30 к.

ДЕБОРИН А.

Философия и марксизм. Издание 2-е. Стр. 372. Ц. 2 р. 50 к.

СТОЛЯРОВ А.

Диалектический материализм и механисты. Наши философские разногласия. Издание 4-е, стереотипное. Стр. 232. Ц. 1 р. 35 к., в пер. 1 р. 60 к.

ТАТУЛОВ Г.

Введение в теорию познания диалектического материализма. Стр. 150. Ц. 1 р. 30 к.

АЛЬБЕРТ АФТАЛИОН.

Периодические кризисы перепроизводства. Предисловие А. Герценштейна. Том первый. Периодические колебания цен и доходов. Господствующие теории. Перевод А. И. Опариной-Русяевой. Стр. XII + 216. Ц. 2 руб.

НОРС ЭД.

Сельское хозяйство Соединенных Штатов Северной Америки. С предисл. Г. Сафарова. Отдельный оттиск из книги «Новейшие изменения в экономике С.-А. С. Ш.». Стр. 100. Ц. 50 к.

ФИЛИПП Р.

Неизвестный диктатор Тома Батя. Перев. с нем. С предисл. А. Лозовского. Стр. 264. Ц. 1 р. 75 к.

АПОСТОЛОВ Н. Н.

Лев Толстой и русское самодержавие. Факты. Воспоминания. Документы. Стр. 215. Ц. 2 р.

ВОЛЬФ М. Б. и МЕБУС Г. А.

Очерки экономической географии иностранных государств. Изд. 6-е. Стр. 420 + 3 карты. Ц. 2 руб. 25 коп.

САБАНИН А. В., проф.

Посольское и консульское право. (Ранинзон.) Стр. 342. Ц. 3 руб. 50 коп., в пер. 3 р. 80 к.

МАЛИЦКИЙ АЛ.

Государственный строй Польши. Очерки. Стр. 140. Ц. 1 р. 35 к.

ХАВКИНА Л. Б.

Авторские таблицы Кеттера. В переработке для русских библиотек. 9-е пересм. и доп. изд. Стр. 38. Ц. 30 к.

МЮЛЛЕР В. К. и БОЯНУС С. К., проф. ра.

Англо-русский словарь. 40000 слов, с указанием произношения в интернациональной фонетической транскрипции. (Акц. о-во «Советская Энциклопедия». 1324 столбца. Ц. в пер. 3 р. 50 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ ГОСИЗДАТА.

МОСКВА, 64, ГОСИЗДАТ «КНИГА—ПОЧТОЙ»

ВЫСЫЛАЕТ ЛЮБУЮ КНИГУ, имеющуюся на книжном рынке наложенным платежом.

При высылке стоимости заказа вперед пересылка бесплатно.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК XII

под редакцией

Н. И. БУХАРИНА, В. М. МОЛОТОВА, М. А. САВЕЛЬЕВА

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие.—От редакции.—Конспект книги Маркса и Энгельса «Святое семейство». 1895 г. Берлин.—Конспект книги Фейербаха «Лекции о сущности религии».—Конспект книги Фейербаха о Лейбнице. 1914 г. Берн.—Конспект лекций Гегеля по философии истории. 1914—1915 г. Берн.—Конспект лекций Гегеля по истории философии. 1915 г. Берн.—О книге Ж. Нозеля «Логика Гегеля». 1915 г. Женева.—План диалектики (логики) Гегеля. 1915 г. Берн.—Конспект книги Лассалля «Философия Гераклита Темного из Эфеса». 1915 или 1916 г. Берн.—По вопросу о диалектике. 1915 или 1916 г. Берн.—Заметки на «Метафизику» Аристотеля. 1915 или 1916 г. Берн.—Разные заметки и выписки по философии и естествознанию.—Выписки и замечания на книгу Клаузевица «О войне и ведении войны».—Словарь-указатель имен. 2 иллюстрации. Стр. 478. Ц. 3 р. 75 к., переплет 70 к.

★

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК XIII

под редакцией

В. В. АДОРАТСКОГО, В. М. МОЛОТОВА, М. А. САВЕЛЬЕВА

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие.—Материалы XI съезда РКП (б). Вторая половина марта 1922 г.—Материалы по выработке «проекта программы РКП (большеви-ков)» к VIII съезду РКП (б). (Из архива программной комиссии) 1919 г.—Из переписки В. И. Ленина. 1900—1917 гг. Два письма из переписки В. И. Ленина с А. А. Якубовой. 26 октября—4 ноября 1900 г.—Из переписки редакции «Искры» и «Зари» с группой «Борьба». Август 1900 г.—ноябрь 1901 г.—Письма эпохи «Искры» и «Зари». Сентябрь 1901 г.—декабрь 1903 г.—Два письма Ленина 1907 г.—Письма периода второй эмиграции. Январь 1908 г.—декабрь 1916 г.—Из эмиграции в Россию. 22 марта—16 апреля 1917 г.—Письмо Ленина из подполья. Август—сентябрь 1917 г.—Словарь-указатель имен. 2 иллюстрации. Стр. 302. Ц. 2 р., переплет 70 к.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ И В СКОРОМ ВРЕМЕНИ ВЫЙДЕТ В СВЕТ ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК XIV

под редакцией

В. В. АДОРАТСКОГО, В. М. МОЛОТОВА, М. А. САВЕЛЬЕВА

СОДЕРЖАНИЕ: I. Ленин. Первые месяцы войны. Сентябрь—ноябрь 1914 г.—Тезисы о войне. Конспект, план и материалы к брошюре «Европейская война и европейский социализм».—Документы к выступлениям Ленина на рефератах о войне. II. Переписка и запись прений на Бернской конференции по вопросу разногласий с Божийской группой большевиков. Январь—март 1915 г. III. Документы к Циммервальдской конференции. IV. Марксизм о государстве. Начало 1917 г.—2 иллюстрации.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ

в Периодсектор Госиздата—Москва, центр, Ильинка, 3, а также во все отделения и магазины Госиздата.

ГОСИЗДАТ РСФСР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1930 ГОД

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ИНСТИТУТА ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: В. В. АДОРАТСКОГО, Д. А. БАЕВСКОГО,
П. О. ГОРИНА (ЗАМ. ОТВ. РЕД.), М. С. ОЛЬМИНСКОГО,
■■■■■ М. А. САВЕЛЬЕВА, (ОТВ. РЕДАКТОРА). ■■■■■

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» посвящен изучению ленинизма, истории ВКП (б) и Октябрьской революции, истории революционного движения в России, гражданской войны и борьбы с контрреволюцией, а также истории Коминтерна, деятельности зарубежных коммунистических партий и международного рабочего движения. Все эти вопросы находят свое освещение в виде научно-исследовательских статей и воспоминаний. Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» публикует также архивные документы, относящиеся к деятельности В. И. Ленина и истории большевистских партий, организаций.

9-й ГОД ИЗДАНИЯ

12 НОМЕРОВ В ГОД

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

1) СТАТЬИ. 2) ВОСПОМИНАНИЯ. 3) МАТЕРИАЛЫ. 4) ТРИБУНА. 5) ДОКЛАДЫ
В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА. 6) КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. 7) ХРОНИКА.

К СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЖУРНАЛЕ ПРИВЛЕЧЕНЫ ЛУЧШИЕ ПАРТИЙНЫЕ И НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ», являясь органом научной, партийно-исторической мысли и изучая вопросы истории ВКП (б) и марксистско-ленинском понимании, кроме специалистов-историков, рассчитан также на широкие кадры партийных пропагандистов, научных работников и педагогов, слушат. вузов и комвузов и т. п.

ИЗ ОТЗЫВОВ ПРЕССЫ О ЖУРНАЛЕ «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ».

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» выполняет весьма полезную работу подготовки материалов по истории революционного движения в России, истории ВКП (б) и Октябрьской революции... Правильный курс на повышение уровня научной обработки даваемого материала, на более строгий его подбор завоевывает «ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» видное место среди существующих научных марксистских журналов.

Журнал заслуживает большого распространения и использования, в частности в наших партийных учебных заведениях, для которых он является серьезным пособием при прохождении курсов истории партии и ленинизма. «Книга и Революция» № 1. 1929 г., стр. 44-45.

... С тех пор как «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» стала органом Института Ленина при ЦК ВКП (б), центр тяжести внимания редакции журнала все более и более переносится на материалы, связанные с деятельностью и именем В. И. Ленина. Это придает выдающийся интерес почти каждой странице журнала. «Историк-марксист», том 12, 1929 г., стр. 269.

Цена на год—12 р., на 6 мес.—6 р., на 3 мес.—3 р.
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА—1 руб. 50 коп.

Годовые подписчики получают в качестве бесплатного приложения систематический указатель статей, воспоминаний, материалов и рецензий, помещенных в «Пролетарской революции» за 1921—1929 годы

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Периодсектором Госиздата РСФСР, Москва, центр, Ильинка, 3; Ленинград, Ленинград, пр. 25 Октября, 28; в отделениях, конторах и магазинах Госиздата РСФСР; у уполномоченных, снабженных удостоверениями; во всех киосках, Всесоюзного контрагентства печати, во всех почтово-телеграф. конторах, а также у писмоносцев. По Москве и Московск. области подписку подлежит направлять в Мосотгиз «Моск. рабочий», Москва, Неглинный пр., 9.